

К 1511929

Геннадий САЗОНОВ

СМЯНМЕ СЛОВА

Василия Белова

Встречи, беседы, воспоминания

Серия «Писатели родного края. Проза»

МЕСТНЫЙ ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ ЭКЗЕМПЛЯР

ЛИТЕРАТУРНОЕ СООБЩЕСТВО
ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

Вологодское региональное отделение

Серия «Писатели родного края. Проза»

Геннадий САЗОНОВ

СИЯНИЕ СЛОВА

Василия Белова

Встречи, беседы, воспоминания

12 +

Вологда

АНО «ИНТЕЛИНФОРМ»

2019

УДК 821.1(47)(092) Белов В.И.
ББК 83.3(2Рос-4Вол)6-8 Белов В.И.

С 14

Серия «Писатели родного края. Проза». Основана в 2012 году.

Шеф-редактор

Владимир ФЁДОРОВ,

поэт, прозаик, драматург, лауреат

Большой Литературной премии России, г. Москва.

Литературный консультант

Ольга Сергеевна БЕЛОВА, г. Москва.

Редакторы

Мелания ДУНАЕВА, Ирина ТРАПЕЗНИКОВА,

г. Вологда.

Сазонов Г.А.

С 14 **СИЯНИЕ СЛОВА** Василия Белова: встречи, беседы, воспоминания/
Геннадий Сазонов; Литератур. сообщество писателей России, Вологод.
регион.отд-ние. – Вологда: ИНТЕЛИНФОРМ, 2019. – 367 с.: ил. – 72.
(Писатели родного края. Проза). -12+

ISBN 978 - 5 - 9909907 - 8 - 4

Книга посвящена классику современной русской литературы Василию Ивановичу Белову (1932-2012) – поэту, прозаику, публицисту, драматургу, общественному деятелю.

Автор знакомит читателя с малоизвестными страницами в судьбе самобытного писателя, связанными с Грязовцом, Вологдой, Харовском, С-Петербургом, Францией, Японией.

В беседах и воспоминаниях В.И. Белов предстаёт живым, непосредственным, с сильным, ярким, в чём-то и противоречивым характером.

Любовь к крестьянству, родной деревне, всей России, желание видеть её могучей и процветающей определяли внутренний мир художника слова.

Книга адресована всем, кто интересуется историей русской литературы.

УДК 821.161.1(47)(092) Белов В.И.

ББК 83.3(2Рос-4Вол)6-8 Белов В.И.

ISBN 978 - 5 - 9909907 - 8 - 4

© САЗОНОВ Г.А., 2019 г.

© Оформление. АНО «ИНТЕЛИНФОРМ», 2019 г.

«ЛЮБИЛ ДО БОЛИ СЕРДЕЧНОЙ...»

Предисловие

Стояло безветрие, нависла тишина. Неожиданно вечернее безмолвие заполнила небесная благодать – мириады снежинок осторожно, будто в детской сказке, спускались с облаков, кружились в свете фонарей. Улицы потонули в неторопливом густом снегопаде.

Вся природа, казалось, радовалась очистительному приходу зимы, наступающему православному празднику – Введение во Храм Пресвятой Богородицы.

В сумерках колокольные звоны, как и в давние времена, раздавались в оживших церквях Вологды, призывая мирян на Всенощное бдение – особый чин церковной службы.

Празднично горели свечи у алтарей в храмах, звучали песнопения, прославляющие Пресвятую Богородицу.

Именно в эту предпраздничность, в тёмную пору, на исходе дня 4 декабря 2012 года, в доме на улице Октябрьской в центре Вологды, перестало биться сердце Василия Ивановича Белова, известного во всём мире писателя, патриота, общественного деятеля, защитника русской земли.

Он ушёл на 81-м году жизни.

Те, кто имел какое-либо отношение к нему, включая и многих читателей, знали, что Белов в последние полтора года серьёзно болел, фактически был прикованным к постели. Знали также и о том, что писатель мужественно переносил свой недуг.

И всё же известие о кончине выдающегося мастера слова по-

трясло, как гром небесный. Как-то невозможно было представить Василия Ивановича, всегда бойкого, всегда жизнедеятельного, неживым, отошедшим в мир иной.

Никакими словами не выразить горькие чувства всех, кто знал, любил и самого писателя, и, конечно, его творчество. Можно сказать об ощущении ухода вместе с ним целой исторической эпохи в судьбе России – огромного русского крестьянского мира, выразителем которого и был Василий Белов.

Он положил на алтарь любви к Родине яркий талант, беспрерывный труд, сильную волю и равнодушие ко всему, что его окружало. Служение литературе являлось высшим смыслом существования для Василия Ивановича Белова.

Всё созданное им за более чем полувековое пребывание в литературе: стихи, рассказы, повести, романы, очерки, эссе – знакомо читателю в сотнях книг, в том числе и переведённых на иностранные языки. Да, это так. Но это уже и не совсем так. Дело в том, что теперь, после его ухода, нам предстоит по-новому осмыслить творчество Белова, глубже понять мудрость, внять добрым советам и строгим предостережениям.

...Гражданская панихида – прощание с великим художником слова – началась утром 7 декабря в Вологодском областном драматическом театре, где буквально несколько недель назад к 80-летию писателя ставили спектакль по его рассказу «Душа бессмертна».

Телеграммы соболезнования пришли отовсюду.

«Большинство произведений Василия Ивановича посвящено русской деревне и живущим в ней людям, их трудностям, заботам и чаяниям, – отмечал Предстоятель Русской Православной церкви. – Его книги раскрывают перед читателем богатый внутренний мир жителей Русского Севера, учат любви к своей малой Родине, семье и дому. Утверждая своим творчеством евангельские духовно-нравственные ценности, писатель был убеждён в том, что лишь в сохранении традиционных моральных устоев – залог благополучия и процветания нашего общества.

Почивший явил современникам пример не только подлинного патриота России, искренне радеющего за судьбу Отечества,

но и образец жизни христианина, смиренно и мужественно переносящего постигшие его скорби, испытания и недуги. Василий Иванович был верным сыном Русской Православной церкви: на свои средства он восстановил храм в родной деревне и не переставал заботиться о нём и в дальнейшем».

В почётном карауле у гроба сменяли друг друга писатели, художники, работники культуры, депутаты, читатели. Проститься с любимым писателем пришли ветераны и молодёжь из Вологды, Череповца, Никольска, прочих городов и районов Вологодского края, прибыли почитатели его таланта из Москвы, Ярославля, других мест.

Я уверен, что приехала бы проститься с ним и вся читающая Россия, если бы у людей была такая возможность. Многие годы Василий Белов был членом Вологодской писательской организации вместе с Николаем Рубцовым, Александром Романовым, Борисом Чулковым, Сергеем Чухиным, Юрием Ледневым и другими известными литераторами. Поэтому для писателей его уход в мир иной – особенно горькая утрата.

Поэт Михаил Карачёв, руководитель Вологодской писательской организации, Валерий Страхов, академик живописи и друг писателя, Анатолий Заболоцкий, известный кинорежиссёр и друг почившего, напомнили, что его произведения останутся навсегда с читателями и будут помогать жить на родной земле.

– Ощущение, что Господь водил его рукой, несомненно, – сказал друг Белова, известный прозаик Владимир Крупин из Москвы. – О чём бы трагическом он ни писал, этот свет даёт силы жить дальше. Он сгорел на костре любви к России, любил её до боли сердечной. От него исходило такое ощущение силы, таланта, что невольно приходилось задаваться вопросом: «А мы зачем пишем, если есть Василий Иванович?».

К 11 часам утра гроб с телом покойного перевезли из здания драматического театра в кафедральный Рождество-Богородицкий собор, туда же переместилась и траурная процессия. Чин отпевания совершил архиепископ Вологодский и Великоустюжский Максимилиан.

– Мы, вологжане, – произнёс Владыка, – воспринимаем как ми-

лость Божию, что Василий Иванович именно на нашей земле жил и работал. Шаг за шагом Василий Иванович углублялся в церковную жизнь, стал православным христианином, регулярно прибегал к спасительным церковным Таинствам.

От кафедрального Собора траурный кортеж из четырёх автобусов и колонны автомобилей направился в Харовский район, в деревню Тимонику, расположенную в 170 километрах от Вологды. По дороге в Тимонику думалось о многом, вспоминалось многое. Сколько раз этим путём спешил писатель в отчий дом, чтобы окунуться в деревенскую тишину, ощутить прилив вдохновения. Там, в отчих стенах, были созданы лучшие его вещи. И вот теперь он навсегда возвращался в родные Пенаты.

Уже в ранних сумерках процессия прибыла на кладбище в Сохту, рядом с Тимонихой. Светилась огнями Никольская церковь, восстановленная руками В.И. Белова и на его средства. Кладбище небольшое. Рядом с местом упокоения Анфисы Ивановны, матери писателя, изготовлена свежая могила.

Священнослужители совершили заупокойную литию.

Наступило последнее прощание.

Кроме приезжих, проводить писателя пришли многие жители окрестных деревень, которые были знакомы с Беловым, общались с ним, а некоторые, наверное, являлись и прототипами его героев.

– Плачь Русская земля, но гордись за такого своего сына, – сказала у гроба сестра писателя Александра Ивановна.

Строка известного стихотворения Николая Некрасова, как нельзя лучше, передавала скорбное настроение.

Я намеренно воспроизвёл подробности проводов великого писателя в последний путь. С течением времени, хотим мы того или нет, многое тускнеет в памяти, теряет свежесть и яркость или вообще забывается. Уже тогда, в тяжёлые минуты, подумалось о том, что необходимо сберечь, сохранить буквально всё, что касается жизни и творчества большого мастера слова. Запечатлеть встречи с людьми, которые ещё здравствуют, беседы с коллегами, выступления в больших и малых аудиториях, с государственных трибун, разговоры в дружеских застольях.

Чтобы перед всеми, кто хочет постичь и осмыслить духовный мир Василия Белова, предстал бы его многогранный облик, неподвластный забвению.

Теперь мы видим, что произошло своего рода «маленькое чудо». Я имею в виду «Беловские чтения».

Первые Межрегиональные чтения прошли в 2014 году под девизом: «Белов. Вологда. Россия». На них прибыли участники из Вологодской, Ярославской, Архангельской областей, Пермского края, из Москвы, Краснодара, Вологды, Череповца. Литературоведы, писатели, критики обсуждали обширное наследие классика, а библиотекари делились опытом пропаганды книг Белова среди читателей.

– Василий Иванович очень любил Россию, – напомнила вдова писателя Ольга Сергеевна Белова, выступая с приветствием к участникам чтений. – Он переживал за судьбу России, сострадал русскому человеку, русской деревне, в его творчестве много тревожного, беспокойного. Поэтому оно так созвучно современности. Любовь к Родине, образ Родины, думаю, должны стать сквозной темой чтений.

Казалось бы, всё известно о Василии Ивановиче. Но уже в докладах участников прозвучало много нового, интересного, познавательного, что расширяло представление о Белове как о личности и художнике. В частности, Юрий Павлов, профессор, литературный критик из Краснодара, отметил: «Василий Белов являл собой христианский соборный тип личности». Сравнивая художественный мир В.И. Белова и А.И. Солженицына, он сделал вывод, что их миры разные, во многом противоположные.

Известная русская поэтесса Ольга Александровна Фокина (она знала В.И. Белова ещё в молодые годы и дружила с ним) подчеркнула: «Чем сильна Вологодская писательская организация? Мы, в основном, единомышленники. Большинство из нас – выходцы из деревни, как и Белов. И огромная заслуга Василия Ивановича в том, что в своём творчестве он так мощно поднял пласт русской деревенской культуры и сделал официальным литературным языком язык простого рабочего человека, русского крестьянина. Ведь понятие Родина существует не только на ос-

нове общей земли, но и языка. Если мы утрачиваем свой язык, то мы в значительной степени утрачиваем свою самость. Василий Иванович не боялся утверждать себя, свою идеологию, он был смелый, иногда даже дерзкий».

Вскоре прошли II, а затем и III Беловские чтения, уже получившие статус Всероссийских. Они стали, пожалуй, очень заметным культурным событием в России. Каждый раз появлялось что-то новое.

Среднему учебному заведению № 21 Вологды присвоили звание: «Школа имени Василия Ивановича Белова» за большую работу по изучению и пропаганде его творчества.

В доме на улице Октябрьской в центре Вологды, где он прожил почти четверть века, открыли музей-квартиру, она вошла в состав федерального учреждения культуры «Кирилло-Белозерский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник».

Союз писателей России совместно с Вологодской писательской организацией и руководством области учредили в 2015 году Всероссийский литературный конкурс «Всё впереди» имени В.И. Белова на лучшее прозаическое произведение.

На малой Родине писателя в Харовске прошла премьера документального фильма «Дорога к дому. Разговор Василия Белова с земляками», она вызвала большой интерес у зрителей. Фильм сняла группа известных кинодеятелей из Москвы.

«Беловский центр» (он возник ещё при жизни писателя в Центральной библиотеке Вологды) переехал в отреставрированное помещение.

На сельском кладбище в Сохте на могиле установили памятник с барельефом писателя.

А главное – всё больше и больше людей желают приехать на литературный праздник в Вологду, прикоснуться к «беловскому духу».

В связи с 85-летием со дня рождения писателя, проводившиеся IV «Всероссийские Беловские чтения» в пору назвать литературным форумом. На него подали заявки более 500 участников, в том числе зарубежных.

Впервые в рамках праздника прошли «Малые Беловские чтения» на базе школы № 21 г. Вологды. В целом же форум включал в себя более ста различных мероприятий в городах и районах Вологодского края.

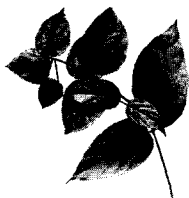
Среди ярких событий непременно надо упомянуть открытие первого в России памятника-бюста В.И. Белову на малой Родине - в городе Харовске, рядом с библиотекой, носящей его имя. Памятник воздвигли, в основном, на народные средства.

Поэт, прозаик, драматург, публицист, художник, общественный деятель и просто неравнодушный человек – всё это Василий Иванович Белов.

Раскрыть личность, увидеть Василия Белова живым, непосредственным, каким он был на самом деле, – цель моей книги. В ней использованы малоизвестные подробности, события из творческой судьбы и биографии мастера слова.

АВТОР.

Ручей

Под сенью боровой сосны
Родился ты на свет.
И с первых дней своей весны
Ты видел много бед.
Бежал один в кромешной тьме,
Гадал, куда свернуть,
Под толщей снега, на земле
Отыскивая путь.
И вот уже бурлишь теперь,
Упрямя и говорлив,
О, ручеек лесной, поверь –
Люблю я твой разлив!
Крути, верти, работай, брат,
В движенье смысл житья,
Нам нет с тобой дорог назад,
Спешим и ты, и я.

Василий БЕЛОВ,

1957 г.

ГЛАВА I

ДАЛЁКАЯ
ЗАРЯ

*Грязовецкая
тетрадь*

ПРИЮТИЛ «МЕДВЕЖИЙ УГОЛ»

Тайга молчаливо обступала, близко подходила к насыпи, будто намерена была увлечь чугунку в дремоту болотных дебрей и навсегда сокрыть в них.

Кругом, с какой стороны ни посмотри, – лес, лес, лес!

В дальних чащобах пребывали сокровенные тайны, обитали причудливые лешие и водяные, наводящие ужас на душу. В них хозяйничали большие и малые дикие животные и звери, лес был для них родным домом.

Чудилось, лесу не будет конца, в мире не существует ничего, кроме бесконечно мелькающих осин, берёз, елей и густых зарослей ольхи.

Состав из зелёных вагонов, который тащил паровоз с дымящей трубой, катил среди глухоманной тайги всё дальше и дальше от большого города.

За окном проплывала сказка, дивная, яркая, неповторимая.

Ещё не опавшая листва, подёрнутая холодным золотом увядания, светилась в утреннем сумраке, навевая тихую радость. Иногда узкий лучик солнца прорывал небесную муть и весело трепетал на глади столика у окна вагона.

Вдруг из чёрных туч, проплывавших над железной дорогой, полетели, зачастили крупные хлопья. Откуда-то сбоку выкатило солнце, словно оно пожелало полюбоваться

на первый снежок. Открылась картина природы, которая просто завораживала. На какой-то миг над падающим снегом и над золотистым лесом встала слабая радуга.

В общем вагоне теплился привычный разговор.

– Глянь, что творится, какая красотища! – не сдержал эмоций Василий, обращаясь к товарищу, сидевшему напротив. – Всё равно, что в моей родной деревне.

Он не отрывал глаз от проплывающего пейзажа.

Тот кивнул: «Да, красиво!».

Василий Белов ехал вместе с ребятами, как и он, окончившими курс фабрично-заводского обучения. 1/. Его, 17-летнего юношу, в числе других направили на большую стройку. И вот теперь поезд доставлял молодёжный десант к месту назначения.

Сосед, особо не разделяя восторг Василия по поводу красот природы, с любопытством посмотрел на него.

– Слушай, а как станцию зовут? – произнёс. – Воша? Или, как её? Я что-то забыл.

Василий рассмеялся.

– Я уже говорил – Вохтога! Ты никак не запомнишь. Вохтога! Уяснил? Туда мы и едем.

– То – га, то – га, – передразнил сосед. – Какое-то гусиное гоготание, не скоро отложишь в памяти, но я попробую.

Василий взглянул в окно. Поезд проезжал длинный деревянный дом, на фасаде белела вывеска «Становое».

– Название станции, которую мы проезжаем, оно понятно, – рассуждал он. – Стан, я знаю, место, где люди обитали. У нас в колхозе стоял полевой стан. Старики говорили, что раньше существовали уезды, а в уезде служил становой, начальник, значит.

– А Вохтога? – Василий пожал плечами. – И я не знаю, как понимать? Но, вряд ли гуси, они там не ночевали...

– Есть страшно охота, – вздохнул сосед. – Скорее бы до места добраться, хоть что-нибудь положить в рот.

Белов промолчал. Задумался. Ему было знакомо и понятно состояние своего товарища.

Всю войну, да и в тяжёлое послевоенное время, Василий не мог побороть в себе ощущение голода, иногда вызывавшее тошноту. Помнил Белов, как пришла похоронка на отца, Ивана Фёдоровича, сложившего голову в бою под Смоленском в 1943 году. Тогда в детском сердце как бы померкла надежда на что-то лучшее, а голод представлялся мальчишке в образе огромного злого зверя, которого никак не одолеть. Помнил он, как в их осиротевшей семье, также и в других деревенских семьях, ели толчёную солому, замешанную на картофеле, кору деревьев, мох болотный, сухой дягиль, даже конину дохлую, если где-то удавалось её добыть. 2/.

Ели всё это, мало похожее на нормальную людскую пищу, и, не насытившись, умирали от истощения, умирали, как старики, так и дети.

Скудным разумением, погружённым в суету, нам не дано постичь, каким образом Божий промысел уводит однажды кого-то в незнакомые, чужие места, где, кажется, и пропадёшь зазря.

Текут, будто вода, дни, недели, месяцы, и вот места, прежде неизвестные, как-то неожиданно превращаются в волшебные прочные камни, на которых и выстраивается здание собственной судьбы.

Наверное, подобную роль сыграла и Вохтога для некоторых молодых парней, прибывших сюда осенью 1949 года строить «Великую Монзу».

В их числе был и Василий Белов, аттестованный столяр 5-го разряда.

Ребята, ясное дело, не ведали о тайне в названии места, о значении его в прошлом и настоящем древней земли, о загадочном наполнении окрестных далей.

– Нет, совсем не случайно, так я считаю, будущий великий писатель Белов попал в далёком году на старинный Погост на реке Монча, так раньше называлась Монза, – высказал мнение при встрече со мной известный вохтогский краевед Анатолий Васильевич Белов. – Было, думаю, какое-то провидение: юноше предоставлялась возможность прикоснуться к истории древнего края, а в ней много чего удивительного. Старинный Погост – это ведь не кладбище, как мы, современные люди, привыкли думать. Погост в те времена – административная единица территории, в данном случае Волости «Лежский Волок». Исторические источники отмечали её уже в 1417 году. Сын Великого Князя Дмитрия Ивановича Донского – Василий Дмитриевич завещал лежские угодья своей княгине. В жалованных грамотах царя Иоанна Васильевича IV (Грозного) тоже упоминалась эта Волость. В правление царя Грозного пытались соединить каналом реку Монзу и реку Лежу для удобства тогдашнего судоходства, потому что приходилось тащить суда по сушу – волоком. Но по каким-то причинам не закончили стройку. Главным же поселением Погоста являлась деревня Васильевка, в ней стояла церковь во имя Святителя Василия Великого, поставленная в 1760 году в деревянном исполнении, а в 1866 году её перестроили из камня. Позднее храм стали называть «Васильевская Заволочьевская церковь».

– В этой церкви, как вспоминал и сам Василий Белов, – говорил Анатолий Васильевич, – и поселили прибывших на стройку «Великой Монзы» молодых людей.

– Какое таинственное совпадение! – не удержался я. – Василий Белов волею судьбы начинал самостоятельную трудовую биографию, проживая в храме, названном в честь одного из столпов Православия – Святителя Василия Великого.

– Совпадение, действительно, интересное! – продолжал он беседу. – Прикосновение к старине, я считаю, отразилось на душевном состоянии будущего мастера слова, и Святи-

тель Василий Великий каким-то неведомым образом вдохнул в юношу Благодать, повлиял на дальнейшую жизнь Василия Белова и на его служение литературе.

– В тот богоборческий период, – уточнял он, – эта церковь пребывала в полуразрушенном состоянии. Её использовали одновременно как общежитие, как склад, здесь же размещали и какое-то оборудование.

– Всё-таки, что означает название Вохтога? – спросил я у краеведа.

– Существуют разные предположения, – ответил Анатолий Васильевич. – Одни исследователи считают, что оно возникло у финно-угорских племён, «охто» в переводе с финского – «медведь». Позже, под влиянием говоров волжских и пермских финнов добавилось окончание «га», означающее «движение». Другие утверждают, что название Вохтога – это Медвежья река, не зря же наш обширный край всегда именовали «медвежий угол». Во всяком случае, в объяснении названия Вохтога без медведя никак не обойтись...

К рассказу краеведа можно добавить два-три слова о некой сакральности, мистической таинственности «медвежьего угла». Не так далеко от него, на реке Монзе, совершал духовные подвиги святой Ферапонт, названный позже в церковной истории Монзенским, он был основателем обители. Другой святой, преподобный Павел Обнорский, также создатель монастыря, творил Божьи чудеса на реке Нурме, место сравнительно близкое от «медвежьего угла». И ещё один ученик Сергия Радонежского, преподобный Иаков, игумен монастыря Железноборовского в костромских пределах, тоже, наверное, был известен жителям «медвежьего угла».

Духовные лучи упомянутых светильников Веры, вероятно, доходили до сердец обитателей вохтожских деревень и сёл, пробуждая лучшие чувства.

Не передать великолепие Васильевской Заволочьевской церкви на фоне чудной окрестной природы до оскверне-

ния богоборцами. Старинное фото запечатлело, как возносила шпиль изумительная колокольня, сиял куполами-луковицами двухэтажный храм с пристроенным алтарём и отдельными приделами в память святых Православия. На пути к храму радовали взгляд рукотворные берёзовые аллеи. Кому помешала Божья красота? Зачем было её рушить?

Ответы мы уже никогда не получим ни от кого.

Новоиспечённых строителей, окончивших школу фабрично-заводского обучения №5 в городе Соколе, определили в Монзенское строительного-монтажного управления, которое и создали для возведения в Вохтоге деревообрабатывающего комбината, одного из крупнейших в Советском Союзе.

Прибывших разместили не в посёлке, а в двенадцати километрах от него.

«В деревне Васильевке на реке Монзе нас – человек восемьдесят – поселили в заброшенной церкви, – вспоминал в автобиографии Василий Иванович Белов. – Начали копать под фундамент пилорамы яму прямо на кладбище. Выбрасывали черепа и кости. Большая часть фэзэошников разбежалась, но пилораму поставили. Завезли в церковь станки, установили электростанцию. В свободное время я досконально изучал эту электростанцию, помогал мотористу». 3/.

По древнему обычаю рядом с храмом часто устраивали и место упокоения христиан здешнего прихода – сельское кладбище. Именно на нём, вопреки здравому смыслу, и развернулась стройка одного из объектов базы Монзенского СМУ. Несложно представить, какие чувства смятения и страха испытывали ребята, занимаясь «разработкой» захоронений рядом с церковью.

Сама же она, хоть и стояла в поруганном виде, всё же приютила молодёжь под старинные своды. Тяжёлая у ребят работа – вручную ворочали бетон, заливали фундаменты под станки, перетаскивали их к месту установки. База СМУ по плану состояла из площадки для башенного крана,

большой лесопилки, бетонно-растворного узла, а также двух передвижных электростанций, обеспечивающих весь комплекс энергией. 4/.

Романтика, причастность к большой стройке, что разворачивалась на глазах ребят, вызывали в душе у молодого Белова поэтический отклик.

В лесу на рассвете,
Проворный и звонкий,
Запутался ветер
В зелёных потёмках.
Застрял забияка
В иголках смолистых.
– И ладно, однако, –
Кричат мотористы. –
И ладно, поменьше бы
По лесу шастал,
Сидел бы, безрукий,
В овраге – и баста!
Зафыркали пилы,
Взметнулись опилки,
И вздулись на лбах
Синеватые жилки.
И вот покраснелось
Лицо лесоруба.
– Жарища, ребята,
Теперь сквознячку бы! 5/.

Вечерами в каменной тишине, хранимой церковными стенами, Василий иногда погружался в недавнее детство. Перебирал в памяти всё, что было связано с тем, как трудно, мучительно искал собственную дорогу в большой мир. «После начальной школы я учился в Азлецкой семилетней школе, которую окончил в 1947 году. Все эти годы, да и последующие, связаны с физическими и нравственными лишениями, – признавал писатель в автобиографии. – Простудился и умер мой дружок Толя Стулёнков, с которым пять лет сидели за одной партой. От болезни, связанной с голодом, умерла бабушка по отцу Александра Фоминична. Умер крёстный Иван Михайлович. После окончания семилетки учиться было негде. Ближайшая десятилетняя школа находилась за 45 км. от нашей деревни. Налоги и физический голод не позволили мне закончить 10 классов. Два года на разных работах я трудился в колхозе. Каждый год пытался «поступить» куда-нибудь, но каждый раз мне отказывали».

С особой обидой переживал будущий писатель отказ из Рижского мореходного училища. В письме, поступившем оттуда в Тимонику, даже не назвали причину отказа, словно Белов и не посылал в училище своё заявление и свидетельство об окончании семилетки. Документ, правда, вернули.

Природа наделила Василия разными способностями, и, конечно, он пытался опереться на них. «И замахнулся было поступать... в музыкальное училище в Вологде, – вспоминала сестра писателя Александра Ивановна. – Как замахнулся, так и промахнулся. С треском. Мне как сестре скупое, ёмкое, не без горечи поведал: «Прослушивание, как понял, преодолел успешно. Даже похвалили. А собеседование... Мысленно молил: учиться хочу! Если пригоден, не оттолкните! Докажу. Если душа к чему лежит, преодолею. Я читал о Ломоносове, о Левитане... они победили. Я не хуже их. Преодолею голод, холод, насмешки.

Полноватый седой преподаватель с доброжелательной серьёзной улыбкой смотрит прямо в глаза, подробно спрашивает о семье, колхозе.

Говорит: «Учиться музыке трудно, долго, не каждому под силу. Инструменты дорогие, семья твоя не потянет».

С каждым его словом в горле у меня набухал ком, спирал дыхание. Слышу: «Приезжай через год. Я сам с третьей попытки поступил. Вижу, ты... Трудись».

Я не мог выдавить в ответ ни слова. Держался, чтобы не пустить слезу, не опозориться...

Василий вернулся в колхоз». 6/.

Да, музыкантом он не стал, но любовь к музыке не исторг из своей души. До конца дней не терял влечения к народной песне и частушке, классической музыке, сам замечательно играл на гармошке, радуя друзей.

Ну, а в колхозе Василию, когда вернулся из Вологды после поступления в музыкальное училище, предложили быть счетоводом. Это никак его не устраивало, хотя он и поработал какое-то время в должности. Оно и понятно. Уже тогда он чувствовал, осознавал творческое начало в себе, за что ни брался, всё старался сделать на особинку, с выдумкой. А что мог дать душе сухой колхозный бухгалтерский учёт? В нём разве собственные творческие качества проявишь? Едва ли!

Представим, как было сложно – долго не отпускали на общем собрании колхоза, не давали справку на получение паспорта, а метрик не имел от рождения. Лишь весной 1949 года ушёл из Тимонихи с документами и добрался до города Сокола, где и поступил в школу ФЗО. Хотя обучение в школе называлось ускоренным, он успешно освоил, как следует вязать рамы, делать филёнчатые двери и даже мог выточить деталь на деревообрабатывающем станке. Поэтому ему и присвоили высокий – пятый разряд столяра. Уже превращалась в реальность мечта о получении среднего образования. Василий пошёл учиться в восьмой класс вечерней школы в городе Соколе.

Неожиданно потребовались рабочие руки для Монзы, и все личные планы Белов вынужден был отложить на неопределённое время.

Затяжными осенними вечерами, погружаясь в немоту храма, Василий припоминал, пожалуй, не только трудности и даже драматические минуты своей, ещё неокрепшей, судьбы. Образ родной деревни Тимонихи, ласковая вода ближнего озера, лесные тропы, пожни и сенокосные поляны, взгляд любимой матери Анфисы Ивановны, лица братьев и сестёр – всё это, милое и отдалённое, волновало и томило сердце, наполняло светом, добром, теплотой.

Невольно появлялось желание выразить чувства, которые волновали, в звонком слове, в стихотворных строчках, к чему он пристрастился ещё лет в десять и с чем с тех пор уже не расставался.

«Чтобы выжить, многие из нас писали стихи, – признался Василий Иванович о поре, когда находился в окрестностях Вохтоги. – Я сочинял их ещё в Монзенском СМУ...».

Может быть, тогда и появилось на свет вот это искреннее признание.

Где дремотные сосны
На морозе седели,
Где синичный квартет
Над берёзами тенькал,
Где ветра в проводах,
Как на гусях звенели,
Протянулся просёлок
К лесной деревеньке.
Притаились метели
У поскотин заречных,
И зима на заснеженных
Тропках колдует.
Не возьму ни поклажи,
Ни тревоги сердечной,
Мама, мама, к тебе

На недельку приду я.
Ты, я знаю, простишь мне,
Что бываю не часто,

Что коротенький срок
У сыновней побывки,
Ты поймёшь и удачи мои,
И несчастья,
Ты простишь мне
Просчёты мои и ошибки.

Это стихотворение, спустя несколько лет, впервые опубликовала Грязовецкая районная газета «Коммунар» (29.12.1957), куда Белова приняли литературным сотрудником.

С рядового, негромкого издания, собственно, и начался творческий путь будущего великого писателя.

Разговор о том впереди.

Пока же вернёмся ещё ненадолго на вохтожскую землю. В далёкие годы однофамилец известного литератора, но Анатолий Васильевич, жил как раз в деревне Васильевка, куда приехали фэзэошники.

– Мне шёл десятый год, – вспоминал краевед. – Нас было пятеро в семье, я – самый младший. Мой отец Белов Василий Александрович погиб на фронте в Великую Отечественную войну. Старший брат Николай Белов работал сменщиком на передвижной электростанции «ПЭС-60», их было две. С ним вместе обслуживали оборудование Виктор Кобылин, Николай Осокин.

– Станции установили возле храма? – попросил я уточнить.

– Нет, обе станции стояли на поляне между домами Бело-

вых и Кузнецовых, – припомнил он. – В той и другой семье отцы погибли на войне, осталось по пять детей-сирот. Когда заработали «ПЭС-60», нам провели электричество. Какое счастье! Уроки можно было готовить без керосиновой лампы, уже с «лампочкой Ильича». В Вохтоге ещё не было электричества, а у нас оно уже было. Две электростанции подавали ток на пилораму, в топляк с бетономешалками и другие объекты строящейся базы Монзенского СМУ. Всем хозяйством командовал старший прораб Порфирий Иванович Храновский, грамотнейший строитель. Только с его разрешения столяр Вася Белов мог в свободное время приходить на электростанцию и изучать всю её «механику».

Когда на «ПЭС-60» дежурил Николай Белов, к нему в качестве вольного практиканта и присоединился Василий Белов. Любознательность, тяга к технике, желание перенять опыт и навыки старшего товарища, крестьянское трудолюбие сделали своё дело. «Я досконально изучил эту электростанцию, – отмечал в автобиографии писатель, – помогал мотористу».

По существу, столяр пятого разряда Василий Белов самостоятельно приобрёл ещё одну профессию. И это, разумеется, не осталось незамеченным: такие специалисты были востребованы. Очень скоро Василия перевели в Вохтогу мотористом на электростанцию «ПЭС-60». Она стояла в локомотивном депо станции Вохтога Северной железной дороги.

«По закону после ФЗО я должен был отработать пять лет, – продолжал своё жизнеописание Василий Иванович, – но на станции Вохтога не было даже вечерней школы. Меня отпустили с работы лишь после того, как пришёл вызов на вступительные экзамены в Череповецкий техникум им. Чкалова. Но я не стал учиться в техникуме из-за материальной недостаточности. Дома в деревне надо было учиться младшему брату и двум сёстрам. Летом 1951 года я уехал в Ярославль и поступил на завод № 3 Министерства путей сообщения. Работал электромонтёром. Вновь поступил

учиться в вечернюю школу, но учиться не пришлось, так как весной 1952 года меня взяли в армию».

Так завершилось недолгое пребывание на вохтожской земле – около двух лет – молодого Василия Белова, тогда ещё совершенно никому неизвестного.

Ну, а Анатолий Белов связал судьбу с «Великой Монзой» – крупнейшим домостроительным комбинатом. Окончив институт в Москве, Анатолий вернулся в Вохтогу, где десятки лет руководил отделом капитального строительства ДОКа. Через него «прошло» большинство объектов промышленных, и не только. Белов, говоря образно, приложил руки ко всему, что ныне составляет жизнеобеспечение крупного рабочего посёлка.

Оставив должность по возрасту, Анатолий Васильевич увлечённо принялся изучать историю родной вохтожской округи, о чём давно мечтал. Собирал по крупицам разные сведения, в том числе и о Василии Белове, который к тому времени стал всемирно признанным писателем.

Как-то его супруга Светлана Фёдоровна открыла, что и она знала писателя, когда была инструктором Грязовецкого райкома комсомола.

– Когда по радио 12 апреля 1961 года сообщили, что в космосе Юрий Гагарин, – делилась супруга, – я заплакала от гордости за нашу Родину, так мы были воспитаны. Я плачу, а в тот момент зашёл в кабинет Василий Белов, он у нас был тогда первым секретарём райкома комсомола. «Не плакать, а радоваться надо!», – укорил меня Белов. «Так я плачу от радости за нашу страну, Василий Иванович», – ответила я ему. «Это правильно!», – согласился он.

Анатолий Васильевич задумал написать обстоятельное письмо Василию Ивановичу, поведать ему об изменениях на вохтожской земле, стал готовиться к встрече с писателем. Краевед разузнал подробности о храме в Васильевке. Стараниями Николая Александровича Талашова, пенсионера, избранного старостой прихода, Заволочьскую церковь восстановили, в ней начали служить молебны и Божествен-

ную литургию. Деревенские люди помогали, несли из дома иконы, которые были когда-то взяты из храма и припрятаны, чтобы их не уничтожили, жертвовали средства. Правда, с уходом в мир иной старосты, дело приостановилось, поскольку в деревне жилым остался только один дом.

Своё послание А.В. Белов оставил в «Центре чтения» Вологодской областной научной библиотеки, а сотрудницы передали супруге писателя Ольге Сергеевне Беловой. Чуть позже письмо опубликовал популярный вологодский литературно-художественный журнал «ЛАД». 7/

Встреча всё откладывалась на неопределённый срок, потому что писатель сильно болел.

Однажды дома у Анатолия Белова раздался звонок из Вологды.

– Добрый вечер, – в трубке голос Ольги Сергеевны, супруги писателя. – Я прочитала ваше письмо Василию Ивановичу. Он обрадовался, как мальчишка. Он остался доволен, что, хоть прошло 60 лет, ещё есть люди, которые его не забыли в Вохтоге. Василий Иванович передаёт вам огромную благодарность за проделанный труд.

Слова наполнили теплом сердце краеведа.

– Большой подарок слышать от вас отзыв, – признался Анатолий Васильевич. – Значит, время мною было потрачено не зря.

– Вы знаете, – продолжала супруга, – Василий Иванович неохотно вспоминал время, проведённое в Вохтоге. Это был тяжёлый для него период. И всё-таки ваше письмо растрогало его до глубины души...

Здорово, что земляки чтут писателя!

А память сердца – самая крепкая!

Подошла, улыбнулась,
Опустила глаза.
Это вечная юность,
Это жизнь и гроза,
Это снова дороги,
И дожди, и жара,

Грозовые тревоги,
Голубые ветра.
За великие цели,
За великую новь
Мы и жизнь не жалели,
А не то, что любовь.

Василий БЕЛОВ,
из поэмы «Комсомольское лето».

СЧАСТЬЕ ОЖИДАЛО В ТИХОМ ГОРОДКЕ

Произошло что-то невероятное!

Редактор Неклюдов уходил по коридору, а Белов всё смотрел вслед, растерянно и счастливо, ещё не совсем понимая, что совершилось, ещё не до конца поверив в то, что услышал.

Пётр Алексеевич предложил ему должность литературного сотрудника. Это было чудо! Да, самое настоящее чудо, преподнесённое, будто на блюдечке, скупой на подарки судьбой. И он сразу ожил душою, воспарил в мечтах.

С чем сравнить радость?

Вот если бы, бродя по лесу, пришёл на поляну, а на ней – полным-полно усыпано белых грибов, все стоят, как на подбор, молоденькие, крепенькие.

Но даже и богатым сбором грибов её, эту радость, не выразишь.

Случилось всё, будто по «щучьему велению».

Удручённый невесёлыми делами, Белов забрёл в редакцию областной газеты. Здесь его познакомили с крепким на вид мужчиной с открытым волевым лицом.

– Белов Василий, – товарищ представил его незнакомцу.
– Стихи пишет.

– Как же, знаю! – отозвался гость. – Читал в «Красном Севере».

Это был Пётр Неклюдов, редактор районной газеты из Грязовца.

Он бросал пристальные взгляды на Белова, будто изучал, будто что-то прикидывал про себя.

– Позвольте узнать, чем теперь занимаетесь? – спросил Неклюдов у Белова.

– Мотаюсь туда-сюда, – вздохнул Василий.

– Это как туда-сюда? – не понял редактор.

– Без определённости, – пояснил Василий. – Теперь вот нахожусь в роли воспитателя в общежитии.

– Воспитателя? – изумился Пётр Алексеевич.

– Да, учу народ уму-разуму, – иронически улыбнулся Белов. – Воспитываю, значит.

– Где, в каком месте? – уточнил Неклюдов.

– Здесь, под Вологдой, – охотно отвечал Белов.

Он почувствовал, что собеседник заинтересовался им.

– Есть Турундаевское торфопредприятие, вот там, – говорил он. – Мне эта работёнка, ой, как не по нутру. А куда денешься? Мне бы хотелось заняться чем-то, что ближе к литературе. Но никак не получается. Я ходил в обком, просил дать любую работу в любой газете области. Мне отказали!

– Отказали? Почему? – удивлённо переспросил Неклюдов.

– Не объяснили причину, – грустно выдохнул Белов. – Отказали – и всё!

Вряд ли, в обкоме имели какие-то претензии к молодому Белову. Скорее всего, отказ был вызван тем, что у Василия отсутствовало даже среднее образование, не говоря уже о специальной подготовке, о профессии журналиста. И он не стал скрывать этого обстоятельства в беседе с редактором.

– Так, так, – постукивал пальцами по столу Неклюдов. – Отказали! Ну, ну...

Они поговорили ещё о чём-то. Неклюдов засобирался домой.

На прощанье он и предложил Василию Белову должность в своей газете.

Белов быстро собрался в дорогу, опасаясь, что редактор вдруг передумает. Мало ли чего бывает в жизни!

Старый Московский тракт, выложенный камнями, вёл через пригородные деревни на юг области, шёл вдоль железной дороги с пригорка на пригорок. Золотистыми полосами тянулись справа поля с вызревшими хлебами, синела безоблачная даль, а за ней открылось лесное царство, ещё полное зелёной бодрящей силы.

Говорят, нельзя войти дважды в одну и ту же реку. Это так, но и не всегда именно так. Бывает, что человек, может, и помимо собственной воли, вновь вступает в ту самую «реку», в которую когда-то уже вступал.

Так случилось и у Белова!

Трясаясь в стареньком автобусе, Василий уходил мыслями в былое. Семь лет назад, глубокой осенью 1949 года, не по личному желанию попал он впервые на грязовецкую землю. Трудности, которые пережил в Вохтоге, ещё не забылись совсем, ещё порой всплывали в памяти какой-нибудь подробностью или обрывком разговора с товарищами.

Теперь он совершал второй «заход» в грязовецкий край. Но уже не по требованию начальства, а по воле судьбы? Пожалуй, да, судьбы! Как всё сложится на новом месте? Одно его успокаивало: мрачное настроение, которое гнездилось в сердце в последние недели, отступало, уходило куда-то безвозвратно.

Дышалось легко!

Поводов к плохому душевному расположению, казалось ему, находилось множество, они, будто жгутики в канат, сплетались в одну непреодолимую причину – невезуху. «В декабре 1955 года я, демобилизовавшись, побыл несколько дней у матери в деревне и уехал в г. Молотов к старшему брату, у которого имелась комната, – позднее вспоминал писатель. – Я поступил столяром на завод им. Дзержинского. Молодёжная газета отказалась меня печатать. Бригадир столяров, который был недоволен моим высоким разрядом, назначил мне экзамен на подтверждение. Я сделал качественную трехфилёнчатую дверь, уложившись в шестичасовой срок, чем подтвердил разряд, но это ещё больше разозлило бригадира. Кроме аттестата, паспорта и военного билета, у меня уже имелся ещё один документ – партбилет, выданный Кагановическим райкомом г. Молотова.

Тяга на родину, а также некоторые личные весьма важ-

ные обстоятельства вынудили меня летом 1956 года уехать в Вологду. Тогда же рухнули и мои личные планы, связанные с женитьбой, некоторое время я был в замешательстве. Аттестата зрелости нет, стихи, статьи и рассказы никто не печатает, жилья нет, работы и денег нет, а помогать матери надо было по-прежнему...». 8/.

Самым чувствительным оказался разрыв с милой девушкой, в которую Вася влюбился ещё в школе, учился с нею вместе. Серафима чуть постарше его, но это несколько не мешало васиным мечтам и планам насчёт любимой. Серафима была для него такой красивой, такой неотразимой, такой единственной, что он не мог её забыть ни во время службы в армии, ни в дальних отъездах за пределы вологодские.

И вот новая их встреча в Вологде, куда перебралась Сима и где работала в одном из учреждений.

Переполненный светлыми надеждами Василий предложил Серафиме руку и сердце.

Но, увы, её сердце не дрогнуло. Серафима не ответила взаимностью влюблённому в неё будущему писателю. 9/.

Почему так случилось? Это одному Богу известно.

Василий уходил от Серафимы, ощущая глубокую сердечную рану.

Чем её можно было залечить? Наверное, только материнским участием, материнской лаской, материнской добротой. Сколько раз его мама Анфиса Ивановна приходила на выручку, рассеивала, будто яркое солнце, душевную непогоду, успокаивала. И поэтому рождались, просились на бумагу тёплые благодарственные строки.

Мама, снова же дома я!
 За колесную жизнь,
 За молчанье-безмолвие
 Не сердись, не сердись!
 Разбуди на заре меня,
 Полусонного не жалея,

Вновь пойду за деревню я,
Вдоль овсяных полей.
И припомнятся снова мне
Стародавние времена,
Перелески сосновые,
Детство, голод, война. 10/.

Искущённому в поэзии читателю может показаться, что начинающий стихотворец Василий Белов «оттолкнулся» от известных строк русского поэта Сергея Есенина. В частности, от есенинского стихотворения, созданного в 1917 году. Напомню отрывок из него.

Разбуди меня завтра рано,
О, моя терпеливая мать!
Я пойду за дорожным курганом
Дорогого гостя встречать.

Я сегодня увидел в пуще
След широких колёс на лугу.
Треплет ветер под облачной кущей
Золотую его дугу.

Разбуди меня завтра рано,
Засвети в нашей горнице свет,
Говорят, что я скоро стану
Знаменитый русский поэт 11/.

Всё же такое предположение, думаю, безосновательное. Здесь мы не найдём ни совпадения, ни подражания. Нужно ещё учесть, что тогда, в конце 50-х годов, когда Белов сочинил своё стихотворение, имя и творчество Сергея Есенина фактически находились под запретом, о них мало кто знал, тем более в глубинке, в деревне.

Ощутима и большая разница в содержании двух произведений. Если у Сергея Есенина оно связано с утверждени-

ем своего поэтического предназначения, то у Василия Белова – это, скорее, «покаянная речь» перед матерью и родной деревней, переживание тяжёлых военных лет, вера в лучшие времена.

Разбуди на заре меня,
 Полусонного, не жалея.
 Знаешь правило древнее:
 Мать своих сыновей
 Будит, будит, хоть жалко ей...
 Не жалея, разбуди,
 Наша молодость жаркая
 Вся ещё впереди!

... Замелькали пригородные деревеньки, близко подступавшие к городским кварталам. Вот, наконец, и сам город. История Грязовца, которую предстояло Белову узнать ближе, насчитывала почти два столетия, и начиналась с Грязивитского Починка, стоявшего на тракте из Москвы на Север. 25 января 1780 года большое торговое село, в которое превратился Починок, указом Сената было преобразовано в уездный город Грязовец.

Здесь жили купцы, ремесленники, мастера по производству сливочного масла и изделий из льна. С городом были связаны судьбы многих выдающихся личностей, прославившихся не только на всю Россию, но и на весь мир. И первым в их ряду стоял поборник Православия, святитель Игнатий, чья деятельность в ту пору – в период богоборчества, была предана забвению. В их ряду звучали имена знаменитых уроженцев этой земли – известного русского химика Льва Чугаева, незабвенного поэта Василия Сиротина, народной артистки России Лидии Сухаревской.

Да разве перечислишь всех, кто талантом и трудом прославил грязовецкий край!

Здание из тёмного старинного кирпича, где располага-

лась редакция районной газеты «Коммунар», стоит на повороте улицы, по ней дорога идёт на Вохтогу. Василий без особого труда отыскал адрес.

Пётр Неклюдов радушно улыбнулся приезжему.

– На свой страх и риск беру тебя в редакцию! – признался он. – Надеюсь, не подведёшь меня.

Пётр Алексеевич протянул Белову новое редакционное удостоверение, а также приказ о назначении на должность литературного сотрудника.

– Оправдаю ваше доверие, – сказал Василий, не скрывая нахлынувшей радости, – буду стараться.

Ситуация в редакции в то время складывалась непростая. Прежде газета печаталась на двух страницах, её редактировал В. Округин. 2 ноября 1956 года «Коммунар» вышел уже на четырёх страницах. Это был первый номер, подписанный новым редактором Петром Неклюдовым. Увеличение издания требовало, естественно, новых сотрудников, надо же было заполнять страницы добротными, интересными материалами. Поэтому Пётр Алексеевич и возлагал большие надежды на принятого сотрудника.

Период «безвременья» в судьбе Василия Белова закончился.

В осеннюю распутицу просёлок совсем раскис. Не увидишь на нём ни лошади с повозкой, ни машины, ни даже человека. Пустынно вокруг. Только одинокий путник, невысокий белокурый паренёк, бодро и широко шагал, смахивая со щёк капли мелкого дождика, неожиданно брызнувшего из набежавшей тучки. Под сапогами хлюпала жижа. Над полем, в стороне, кружило вороньё. Птицы выискивали колоски, упавшие с жатки комбайна, когда убивали урожай.

В сумке у путника лежал кусок хлеба, мыло с зубной щёткой и томик стихов, чтобы вечером заняться любимым чтением.

Новоиспечённый литсотрудник Вася Белов добирался пешком в свою первую газетную командировку – в колхоз им. Ворошилова, одно из самых крупных молочных хозяйств Грязовецкого района. Ему предстояло выяснить: почему на фермах упали надои? И написать о причинах отставания в производстве молока. Какую ещё тему мог поручить новичку главный редактор? Конечно, эту, деревенскую, на ней многие пробовали своё перо, к тому же Василий был родом из деревни и знал сельский уклад, что называется, изнутри.

Теперьшним журналистам, которые пережёвывают «новости» из Интернета, или «высасывают из пальца» сомнительные «сенсации», трудно и вообразить, что когда-то сотрудник, чтобы добыть факты и детали для материала, шёл пешком, или ехал на лошади, или добирался на попутной машине к месту назначения. Нужно было личное участие в том, о чём пишешь, чтобы сполна, по совести отвечать за каждое своё слово перед читателями и героями.

Так начинал Белов познавать «творческие уроки».

Пока Василий беседовал с председателем колхоза товарищем Саранским, разговаривал с дояркой Шевяковой, пытался вызвать на откровенность главного зоотехника товарища Виноградова, в Грязовце произошло важное для него событие. В газете «Коммунар» состоялся поэтический дебют Белова, в номере за 7 ноября 1956 года напечатали его стихотворение «В этот день».

Ты сегодня встала на рассвете,
И на внука спящего взглянула;
Он, проснувшись, вовсе не заметил,
Отчего же бабушка всплакула.
Не сидится дома молодому,
Лишь услышал песен переливы,

Убежал на улицу из дому,
Неспокойный, шумный и счастливый.
За окошком музыка гремела,
Внучек шёл со всеми, напевая;
Долго ты вослед ему смотрела,
Собственное детство вспоминая.
... Шли колонны, и тебе казалось,
Вместе с этим праздником вернулась,
Заслонив собой года и старость,
Новая, непрожитая юность. 12/.

«Этот день» означал празднование очередной годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, что тогда, действительно, считалось праздником. Начинаящий поэт попробовал в небольшой «картинке с натуры» отразить взаимосвязь, преемственность поколений.

Примечательно, что своё служение в газете «Коммунар» Василий Белов начал как поэт. Дальше пошли обычные корреспондентские будни. Заметка из колхоза им. Ворошилова называлась в духе, типичном для той поры: «Почему снизились надои?». В публикациях Белова была одна особенность, они выделялись авторским стилем: выразительной краткостью, чёткостью мысли; автор старался избегать «газетных штампов», хотя не всегда удавалось.

С появлением Белова в Грязовце оживилась местная литературная жизнь, центром её и стал Василий. При редакции по его инициативе организовали литературный кружок. 21 ноября 1956 года в «Коммунаре» вышла первая «Литературная страница» из произведений кружковцев. Центральное место занимал рассказ Василия Белова «В дождливый вечер». Незатейливый сюжет о любви деревенских обитателей – Алексея и Насти, мужа и жены, уже имевших двух сыновей-школьников. Муж уходил на заработки плотничать, и вдали от дома где-то «подцепил зазнобу». Из-за «увлечения» Алексея, чувства между ним и Настей

угасали на грани утраты, а сама семья оказалась у черты распада. Проникновенно описывал Белов душевные потрясения своих героев.

Уже в рассказе «В дождливый вечер» заметны будущие творческие устремления автора – ЛЮБОВЬ, СЕМЬЯ, ДОМ, ЛАД. Эти понятия во все века определяли устойчивость любого общества, независимо от социального строя. В дальнейшем творчестве Василий Иванович широко, объёмно раскрывал значения этих понятий в судьбах всего русского народа. Это мы найдём в повестях «Привычное дело» и «Воспитание по доктору Споку», в романе «Всё впереди» и трилогии «Час шестый», в многочисленных рассказах и очерках.

Совестливость, обострённое чувство справедливости не позволяли газетчику Белову проходить мимо, так называемых, «недостатков». И он, конечно, бичевал их со всем задором и азартом молодости, обратившись к сатирическому жанру.

– Скажи мне, дорогой читатель, – вопрошаю я искушённого в литературе любителя, – кто такой «Феофилакт Косичкин»?

Услышу много разного. «Какой-то известный учёный», – ответит один. «Нет, Косичкин, наверное, артист», – сделает предположение другой. «Что вы, это же политический деятель!» – уверенно заявит третий.

Увы, всё неправильно.

«Феофилакт Косичкин» – псевдоним великого русского поэта, прозаика и драматурга А.С. Пушкина, один из многих, но самый любимый. Александр Сергеевич подписывал им свои памфлеты и фельетоны в журнале «Телескоп», где выступал против известных деятелей своего времени Николая Греча и Фаддея Булгарина.

Подобно Пушкину, Василий Белов тоже избрал себе псевдоним – Бредень. Фельетоны за такой подписью стали регулярно появляться в «Коммунаре». Их названия «Своя рука – владыка», «Без вины виноваты», «Универсальная бабушка» и другие уже говорили сами за себя. Фельетон

– жанр сложный, можно сказать, высший в журналистике, владеть им способен далеко не всякий пишущий. К тому же, автор фельетона нёс личную ответственность за критику, и если для неё не было оснований, то редакция обычно тут же расставалась с автором.

У Бреденя были фельетоны адресные и обобщающие.

Для знакомства с этой стороной таланта Василия Белова приведу одну из публикаций.

ЦЕЛЕБНЫЙ ДВУГРИВЕННЫЙ Маленький фельетон

Как это ни странно, бывают такие двугривенные...

– Подай, родимый, копеечку, – жалобно тянет Анна Рябухина, старушка с плутоватыми глазами, – помолю тебе здоровья у господ.

Посетителя, так называемого, «углового магазина», видимо, прельщает перспектива бабкиного заступничества за его покупательское здоровье, и он великодушно избавляется от двугривенного. Как говорится, услуга за услугу. Покупатель ссужает двугривенный, а бабушка Анна Рябухина помолится за здоровье бывшего обладателя двугривенного. Квиты!

Таким же образом благополучно приобретают целебные свойства гривенники и пятаки других посетителей магазина.

Впрочем, надо оговориться. Завладев двугривенным, Анна Рябухина тут же забывает сердобольного гражданина, и все её усилия направляются на приобретение новых и новых двугривенных; ни одна молитва за здоровье «благодетеля» не достигает ушей всевышнего. Да и где же успеть одной старухе обмолить всех многочисленных сердобольных граждан, наивно желающих заполучить долговечность за счёт целебных гривенников.

Не брезгает А. Рябухина и обыкновенными ржаными довесками. Когда бабушкина сумка до краёв наполняется довесками самых разнообразных геометрических форм, когда иссякают добрые чувства покупателей, Анна Рябухина уходит из магазина и по сниженной цене продаёт довески обладателям коз, кур, свиней и прочей живности.

Всё это будет ещё непригляднее, если скажем, что у Анны Рябухиной есть дочь Серафима, проживающая в Грязовце и не обременённая большой семьёй; есть сын Александр, который платит матери алименты, есть, наконец, взрослые внуки. В довершение всего, Рябухина ежемесячно получает от государства пенсию в размере 300 рублей.

И, удивительное дело, сын и дочь довольно равнодушно смотрят на похождения матери, которая превратилась в мелкую стяжательницу. Хуже того, Серафима и Александр не прочь иногда и попьанствовать за счёт доходов матери.

Поистине, святое семейство! Теперь, когда наступило лето, Рябухина реже появляется в «угловом» магазине, по-видимому, длинные и тёплые дни позволяют ей делать продолжительные турне по окрестным деревням.

Вот, собственно, и весь секрет целебных двугривенных.13/.

В.БРЕДЕНЬ.

Кроме Василия Белова, фельетоны в редакции никто не писал. Может, не хватало отваги на «повседневный подвиг»?

Но в душе Василий оставался, вне всякого сомнения, поэтом. В феврале 1958 года, накануне очередной годовщины создания Красной армии, «Коммунар» опубликовал его новое стихотворение «Мне память ваша дорога». Поэт обращался к своим современникам от имени тех, кто погиб в больших или малых сражениях Великой Отечественной войны.

Мне память ваша дорога,
Я только с ней, друзья, бессмертен,
И также страшен для врага,
Как это было в сорок третьем.
Припомните последний бой.
Я умер на степном пригорке,
Не дописав письмо домой,
Не докурив паёк махорки.
Был голубым небесный свод,
Он потемнел от смертной пыли.
Вы без меня ушли вперёд
И без меня врага доби́ли.
А я лежал без чувств и сил,
Уже не слыша гул сражений,
Я у Отчизны попросил
Земли родимой две сажени...
Весной нарядится земля, –
Как много было мирных вёсен, –
Я слышу шорох ковыля,
И перелив девичьих песен.
И шум ветров в степных лугах.
– Я слышу всё, друзья, поверьте!
Мне ваша память дорога,
Лишь с ней я не подвластен смерти. 14/.

Удивительное свойство Поэзии!

Прошло 59 лет со дня публикации, и вот это стихотворение как бы заново ожило. В 2017 году, когда в Вологде и во всей России широко отмечали 85-летие со дня рождения Василия Ивановича Белова, начальные строки произведения – «Мне память ваша дорога» – стали девизом многочисленных юбилейных мероприятий.

Да, Грязовец сыграл исключительную роль в судьбе будущего знаменитого писателя. Дань благодарности за службу Пётр Алексеевич Неклюдов, который сумел разглядеть в Василии незаурядную личность, помогал ему во

всём словом и делом, оберегал от опрометчивых шагов в творчестве и в быту.

– Он ходил пешком, иногда ездил на лошади, колесил на велосипеде по всему Грязовецкому району. Нигде не изучал так глубоко, так пристально быт деревни, характеры её жителей, как у нас, – высказала мнение известный в Грязовце краевед, учительница средней школы № 2 Елена Коновалова. – Да, деревня Тимониха, Харовская земля – малая Родина, её значение для Василия Белова велико, никто не спорит. Но по грязовецкой земле он прошёл своими ногами каждый уголок, узнавал, запоминал крестьян, их привычки, сокровенные думы. Всё это, я уверена, он воплощал позднее в своих произведениях. Не зря же в одном из очерков он писал: «Я купил, обул резиновые сапоги и побежал по району».

В общении с людьми, когда работал в редакции, Василий Белов приобретал качества, столь необходимые любому писателю – умение выслушать, понять другого, совершенно незнакомого человека, принять его радость или беду, как свою собственную.

Здесь же молодой поэт познакомился с коренной грязовчанкой Ольгой Забродиной, в которую влюбился, и вскоре она стала его женой. Тогда Ольга была студенткой педагогического института в Вологде, приезжала в Грязовец на выходные к родителям.

Здесь же Василий Белов окончил среднюю вечернюю школу рабочей молодёжи, получил столь долгожданный аттестат зрелости, без которого немислимо было мечтать о высшем образовании.

Наконец, здесь он был вознесён на гребень житейской славы – избран первым секретарём Грязовецкого райкома комсомола, о чём не думал и не мечтал.

Воистину, повстречал он своё счастье в тихом городке.

Пролетело немало лет, а Василий Иванович хранил память о грязовецкой молодости.

Приведу его письмо в редакцию газеты «Сельская правда», в котором он вспоминал о далёкой заре.

«Кажется, совсем недавно праздновали грязовчане со-рокалетний юбилей своей районной газеты. Мне этот день запомнился, может быть, больше, чем другим: в то время впервые по-настоящему я начинал приобщаться к журналистской и литературной работе.

Хорошо помню, как хлопотали над юбилейным номером тогдашний редактор Пётр Алексеевич Неклюдов, секретарь редакции Николай Александрович Смирнов, как в юбилейном приказе отмечались лучшие наборщики и печатники...

Правда, название газеты было тогда другое, но все мы очень гордились своим «Коммунаром». Что ж, дело, вероятно, не в названии. Время проходит, и многое в нашей жизни меняется.

Пятьдесят лет – срок довольно солидный. Но возраст газеты – это одно, а живость, задор, острота её страниц – другое. Работа журналиста остаётся всегда молодой по своей сути. И сегодня хочется от души поздравить газету «Сельская правда» с пятидесятилетием, а также пожелать удачи и здоровья грязовецким журналистам, и тем, кто набирает, печатает и распространяет газету.

С искренним приветом,

Василий Иванович БЕЛОВ,

писатель, бывший сотрудник редакции грязовецкой районной газеты». 15/.

По природной скромности Василий Иванович в послании газетчикам не обмолвился о бурной комсомольской юности, когда он был вожаком грязовецкой молодёжи.

Мы же не можем промолчать о столь значительном этапе в его судьбе.

*Вот и дом неприметный,
Комсомольский райком.
Холодок кабинетный,
Как он сердцу знаком!
Про дела трудовые
Русобровых ребят,
Что сверчки луговые,
Телефоны звенят.
Сумасшедшие сутки
Канители полны,
До последней минутки
Сочтены-учтены.
Туго дело с силосом,
И бюро на носу.
Сразу сорок вопросов,
Сорок дел на часу.*

Василий БЕЛОВ,

из поэмы «Комсомольское лето».

«СОРОК ДЕЛ НА ЧАСУ...»

Существует ли «машина времени»?

Та самая, с чьей помощью известный автор перемещал литературного героя, славного царя Иоанна Грозного, из средневековых кремлёвских палат в Москву советской эпохи и обратно? «Фантазия автора! – сказал бы иной читатель. – Где её взять, чудо-машину?».

Меня не покидало ощущение: сидящие в зале как-то незаметно «перетекали» из настоящего дня в другой – шестидесятилетней давности. Место, куда пришли люди, было необычное. Мы находились там, где осенью 1958 года делегаты районной конференции избрали Василия Белова первым секретарём Грязовецкого райкома комсомола.

Да, да – в том самом зале! В нём и произошло неожиданное и большое событие в судьбе уже знакомого многим в районе сотрудника газеты «Коммунар».

Даже, если «включить воображение», до слуха долетит весёлый шум молодых голосов, обсуждавших новость. Была ли она неожиданной для юношей и девушек? Едва ли! С первых месяцев пребывания в Грязовце на Василия обратило взор местное начальство. Уже в декабре 1956 года на пленуме Белова избрали в члены райкома ВЛКСМ.16/.

Поэтому дела и заботы комсомольцев района для него не были за « семью печатями ». Василий сам в них участвовал. Но взлететь « вверх » и оказаться на столь ответственной должности первого секретаря – он не думал и не мечтал. В чём через какое-то время он чистосердечно признавался перед широкой читательской аудиторией.

« Отзвучали слова « Интернационала » в зале Дома культуры. Закончился организационный пленум. Разъехались по домам делегаты комсомольской конференции. А я остался один в опустевшем райкоме, – читаем в его очерке. – Тревожно и гулко бьётся сердце. Неуверенно открываю дверь с внушительной надписью: « Первый секретарь ».

Странное чувство! Оно похоже на растерянность. « Давно ли, – думаю, – ты вежливо и безжалостно критиковал бюро райкома за бюрократический стиль в работе и за неразворотливость. Вот и разворачивайся теперь сам! ».

Я взглянул на секретарский стол с пластмассовым письменным прибором, телефоном и прочими атрибутами. И вдруг стало жаль своей прежней работы в редакции районной газеты. А редакция совсем рядом: пройди коридор – и ты снова в знакомой, обжитой обстановке... А достоин ли ты быть вожаком молодёжи, хватит ли у тебя энергии и умения? Две тысячи триста комсомольцев, пять тысяч парней и девчат, с которыми ты должен найти общий язык...». 17/.

Да, редакция « Коммунара » и райком ВЛКСМ находились в одном старинном кирпичном здании на улице, ведущей в Вохтогу, а Дом культуры, где отшумела конференция, стоял напротив через дорогу.

Чувства, которые переполняли в те памятные минуты новоиспечённого первого руководителя молодёжи, вполне объяснимы и понятны.

« Подхожу к схематической карте района. Пухить, Заболотье, Октябрьский сельсовет... До колхоза « Дружба » шестьдесят километров. И, конечно, тарахтящий, со сваренной вилкой райкомовский « Прогресс » тут ни при чём,

так как современные велосипеды к нашим вологодским дорогам пока не приспособлены.

Мельтешат названия бесчисленных деревенок, замысловато выются просёлки, собираясь в центре, где кружком покрупнее обозначен городок Грязовец... Далеко в глубину веков уходят корни грязовецкого маслобойного промысла. Ещё задолго до революции смекалистые купцы Морозовы учредили большую торговлю вологодским маслом. Янтарное, с ореховым привкусом, оно ежегодно санным гужом отправлялось в Москву и другие города. У купцов Морозовых была даже торговая контора в Берлине.

В наши дни Вологодчина идёт в поход за возрождение былой славы вологодского масла. А что в этом походе ляжет на плечи молодых?». 18/.

Из признания Василия следует, что единственным транспортом в райкоме комсомола был старенький велосипед «Прогресс». Но и на нём не везде можно проехать по просёлкам. Самым надёжным средством передвижения оставались... собственные ноги, ещё здоровые, способные переносить всякие нагрузки.

За короткое время, пока Белов жил в Грязовце, он успел приобрести друзей и надёжных товарищей. И они оказались рядом в сложные и счастливые для него минуты.

«Мои размышления оборвал приход Сергея Васильевича Проничева, заведующего типографией, старого комсомольца, на глазах которого прошла почти вся история районной комсомольской организации.

– Что, брат, задумался?

Его серые с белёсыми ресницами глаза так и струятся нестариковским озорством и веселием. Это он сегодня после конференции вместе с Сергеем Дмитриевичем Забродиным, тоже старым комсомольцем, отплясывал в фойе Дома культуры на зависть всему нашему активу.

Словно разгадав мои мысли, Сергей Васильевич рассказывает о жизни комсомольцев двадцатых годов, и в его взгляде я замечаю хитрую веселинку.

– Телефонов да диванов таких у нас, дружок, тогда не было, а райком помещался вон на том чердаке. Комнатушка была, что скворечник, а в ней одна мебелина – стол Серёги Забродина, секретаря нашего. Соберёт он, бывало, нас в этот скворечник, сидим на корточках вокруг стола. Пятнадцать минут – и всё заседание. То-то и то-то сделать – крышка! Ракетой к себе в деревню летишь. Дисциплина, брат, была – за двадцать вёрст пешком на собрание бегал. А то на лесозаготовках, помню, работали. Дома у меня случилась свадьба – брат женится. Иду к секретарю: так и так, домой на одни сутки надо. Собрали специально ячейку, проголосовали – и не отпустили, хотя до дому полтора часа ходу. А ведь что делали! Тут и с кулаками целая война, и с дезертирами приходилось возиться, и с тифом, тут и политграмота, и заготовка хлеба, и сплав леса...». 19/.

Со знатоком местной истории Сергеем Васильевичем Проничевым у Белова возникли тёплые, задушевные отношения. Существенная разница в возрасте не мешала их общению. Бывало, Проничев и Белов просиживали за разговорами до рассвета. Обсуждали историю Руси, долю крестьянскую, характеры русских людей. Кто знает, может, из тех бесед и возникли многие образы будущих художественных произведений?

Что касается Сергея Дмитриевича Забродина, о котором упоминал Проничев и чью должность в качестве эстафеты через два поколения принял Белов, то он через какое-то время стал родственником Василия. Это был отец его будущей жены Ольги. Так вот иногда всё сплетается в «один клубок».

Новые заботы Белова требовали полной самоотдачи, своего рода самоотречения. А как иначе? Он уже в полной мере ощущал себя творческой личностью. Да, возникало противоречие. И это противоречие Василий ощутил в кабинете с надписью на двери: «Первый секретарь». «Впрочем, довольно размышлений. Надо идти спать. Завтра же двинуть в командировку, в колхоз. «Умел начальствовать...».

Фу, чёрт! Так и вертится на языке эта фраза. Теперь надо бросать стихотворные упражнения». 20/.

Но разве по силам самому бросить, оставить то, чем наделил Бог?

Нет, такое сделать невозможно!

Стоял светлый, тёплый день конца августа. По дороге из города шёл молодой человек, одетый в новый костюм серого цвета и белую рубашку. Он свернул с просёлка на кромку поля и окинул взглядом созревшую золотисто-жёлтую ниву, радостно стало на душе.

Рожь уродилась на славу! Она стеной стояла высокая, вызревшая, ни в одном месте неповаленная и неперекрученная порывами грозových ветров.

По всему полю, подступавшему к деревне Фролы, густо теснились стебли с тугими крупными колосьями. Надо было спешить сжать, чтобы зерно «не потекло», не осыпалось.

Рано утром в поле приехала комсомольско-молодёжная бригада, её возглавлял механизатор Паисий Чашин. В районе бригада прославилась добрыми делами. Ребята молодые, горячие, жадные, в хорошем смысле слова, до дела. Одна жнейка за другой ходили кругами по полю, срезая и обмолачивая рожь.

Вдруг раздался скрежет, брызнули искры, агрегат остановился.

– Что случилось? – подошёл Паисий Александрович.

– Камень вон попал в жнейку, будь он неладен, – чертыхнулся тракторист. – Заклинило!

– Ничего страшного, – успокоил бригадир. – Достанем, давай инструмент. Главное, чтобы барабан не помяло. Вообще-то, внимательным надо быть, смотреть, что у тебя идёт под жнейку...

– Из-за травы не заметил камень-то, – бросил тракторист. Механизаторы принялись устранять неисправность.

В эти минуты со стороны дороги к ним подошёл молодой человек в новом костюме.

Бригадир без труда узнал первого секретаря райкома комсомола. Паисию стало как-то неловко: высокое начальство пожаловало, а они оконфузились.

– Здравствуйте, Василий Иванович, – первым поприветствовал Чащин.

– Здорово, ребята! – весело отозвался секретарь. – Что у вас случилось?

– Да, вот, поломка, – виновато кивнул бригадир.

– Помогу справиться с вашей бедой, – предложил Белов.

Скинул пиджак, засучил рукава, взял поданный бригадиром тяжёлый ломик и подошёл к жнейке, где тракторист и его товарищи пытались вытащить камень.

Общими усилиями вывернули на землю камень, барабан жнейки оказался неповреждённым, можно было продолжать уборку.

Видя, что парни из бригады ведут себя настороженно, первый секретарь смягчил возникшее напряжение:

– Мужики, не надо меня стесняться. Я такой же простой человек, как и вы, такой же тракторист, а не записной начальник. Пришёл не инспектировать вас, а поговорить по душам.

От этих слов взгляды у механизаторов потеплели. Они присели на свежую солому, и потекла откровенная беседа, в которой Белов больше слушал, чем говорил, иногда что-то помечал в блокноте.

Привезли обед. Все расселись на обочине поля.

– Покушайте вместе с нами, – пригласил Чащин Белова к столу.

– А я вас не объём? Вам-то хватит?

– Что Вы, Василий Иванович! – удивлённо воскликнул Паисий. – Всем хватит! У нас даётся не ограниченно, а не то, чтобы была маленькая порция.

– Тогда покушаю с вами, – согласился гость.

После обеда Василий Иванович ещё продолжил разговор с механизаторами. Записывал их просьбы, обещал помочь.

– Белов мне понравился, – позднее рассказывал о той встрече в поле Паисий Александрович Чащин. – Много не болтал, слушал нас очень внимательно, что обещал, то и выполнил. 21/.

... В зале продолжало нарастать «присутствие» Василия Белова.

В том самом зале, где почти шестьдесят лет назад ему доверили быть вожаком молодёжи.

Вдохновенно, с чувством читала Елена Ришко отрывок из воспоминаний писателя: «Вот это бюро!». В нём Белов воспроизвёл заседание, на котором миловидную девушку Галю Алову не приняли в комсомол. Причина в том, что Галя ушла из родного колхоза «Первое мая» и устроилась в стройконтору в Грязовце. Член бюро Толик Журавлёв бросил ей в лицо, как пригвоздил: «Мы боремся за подъём сельского хозяйства, а она плюёт на него!».

– Я представила себя на её месте, – говорила Елена Владимировна, директор «Центра развития детей и молодёжи», где отмечали юбилей писателя, – и мне стало нехорошо! Что должен был пережить человек? Галя превращалась почти в отверженное существо, в изгоя. Но Василий Иванович настолько любил правду, что не мог изобразить заседание бюро как-то по-другому, приукрашивая то, что было на самом деле.

Со сцены уже в который раз за вечер зазвучали стихи поэта Василия Белова. Микрофон в руках ученицы треть-

го класса школы № 2 Карины Криводуб, и она по-взрослому декламировала:

Домик с веником у порога
С вековечной четой берёз,
Он стоит у большой дороги,
Незаметен собой и прост.

На ступеньках лежит рогожа,
Разметён у крылечка снег.
В этом доме любой прохожий
Неприменно найдёт ночлег.

Здесь хозяйка тебя осушит,
Если ты в дороге промок,
Тёплым словом согреет душу,
Принесёт с грибами пирог.

Фотокарточки все покажет
С вологодскою простотой,
О своих сыновьях расскажет,
Что с войны не пришли домой.

От старушки огнём и дымом
Навсегда заслонило их...
Сколько в нашем краю родимом
Вот таких матерей седых.

Дети с большой охотой читали наизусть поэтические произведения Василия Ивановича – доступные, понятные, близкие. Душу охватывала радость: прошло много лет, а стихи живут ярко и полноценно, будто автор написал их только вчера.

Кто-то из ребят вспомнил, что стихотворение «Лыжница», опубликованное в «Коммунаре», Василий Белов посвятил молодой доярке Шуре Пылаевой из большого села

Ростилово. Он же, будучи уже первым секретарём райкома, рекомендовал Шуру на Международный фестиваль молодёжи и студентов, который проходил в Москве, где она и побывала.

Следом возникли персонажи пьесы Белова «По 206-й». Из-за кулис вышли участники театральной студии «Ковчег», её руководит Ирина Сергеева. Отрывок из спектакля перенёс зрителей в атмосферу послевоенной деревни. К творчеству классика современной прозы в «Ковчеге» подходят с уважением и любовью. По мотивам беловских произведений Ирина Михайловна создала постановку «Завтра была война...».

Валерия Дебелая, шестиклассница, увлечённо поведала о том, как она и её друзья при поддержке учительницы отыскивали неизвестную широкой публике коллективную фотографию. На ней среди других оказался и Василий Белов в период пребывания в Грязовце. 22/.

Так что, без всякого преувеличения Василий Иванович «присутствовал» на своих торжествах!

В райкоме комсомола будни били ключом и бурлили, командировки в деревни следовали одна за другой. Но Василий Белов всё же «ухитрился» вернуться к заветной мечте о получении среднего образования. Поступил в школу рабочей молодёжи, и, несмотря на большую занятость по службе, он окончил её. Директором школы работала Вера Павловна Комарова.

На вечер пришли трое выпускников, они учились в одном классе с Беловым, их воспоминания слушали с большим интересом.

– Он много читал, – делился Александр Петрович Тихонин. – Обсуждал то, что прочитал, с преподавателем русского языка и литературы, у нас был Александр Липелис. Они

иногда спорили. Мы все знали, что Василий мечтал о Литературном институте. К тому, понятное дело, надо было расположение иметь, и он имел. Выпускное сочинение Василий написал на «отлично». Аттестат зрелости Белову вручили первому из всех выпускников класса. На выпускном вечере я был вместе с ним, мы долго не задержались в застолье, пошли погулять в парк. Гуляли, делились планами на будущее.

– Мы встречались впоследствии редко, – продолжал Александр Тихонин. – Но один случай я до сих пор помню. Случай, в котором проявил участие и Василий Иванович, повлиял на мою судьбу. Я был секретарём комсомольской организации на одном из предприятий Грязовца. Как-то потребовалось идти на пленум райкома комсомола, а руководство категорически не отпускало: мол, дел полно, обойдутся в райкоме и без тебя. Я сообщил о ситуации первому секретарю. Не знаю, как уж действовал Белов, но меня сразу отпустили. А на самом пленуме, думаю, опять же не без поддержки Белова, меня ввели в состав райкома ВЛКСМ, тем самым надолго определили моё призвание. Я стал партийным работником, никогда не пожалел о том, занимал разные должности в районе.

А.А. Рачинская, так уж получилось, знакомилась с Беловым... дважды

– Я была почтальоном, обслуживала участок, где жил Вася Белов, – поведала подробности Ангелина Александровна. – Белов выписывал «Вологодский комсомолец», «Литературную газету», «Правду». Люди тогда очень много читали разных изданий, сумка, бывало, полным полна газет, а писем я разносила целые миллионы. Я вот с ним и познакомилась, когда приносила ему заказное письмо и газеты. Он мне понравился, культурный, обходительный такой. А после оказалось, что мы вместе занимаемся в школе рабочей молодёжи, в одном классе. У него была большая тетрадка, типа амбарной книги, он с ней всегда приходил в школу.

Я горжусь, что училась с Василием Беловым, который стал великим русским писателем.

И ещё отзыв.

– Учёба с Василием Беловым в одном классе мне запомнилась, – отметила Лидия Дмитриевна Белякова. – Он отличался аккуратностью, вежливостью. Сочинение на выпускных экзаменах написал лучше всех. Без единой ошибки!

Александр Смирнов жил рядом с Беловым в двухэтажном деревянном доме на улице Обнорского, 85.

Здесь Василий Иванович получил первую в своей жизни квартиру, она находилась на первом этаже.

– В доме проживали интересные люди, – припомнил Александр Сергеевич. – Семья Сергея Гуляева-Зайцева, он позже стал редактором областной партийной газеты «Красный Север». Сергея Александровича в 1937 году репрессировали, 15 лет он провёл в Сибири. У нас жил Сергей Кириллович Губанов, секретарь Грязовецкого райкома партии, а затем секретарь Вологодского обкома партии. Здесь же проживал редактор газеты «Коммунар» Пётр Алексеевич Неклюдов, а также - грязовецкий поэт Александр Неклюдов, директор школы № 1 Владимир Серавин.

Так что наш дом в какой-то мере «знаменитый».

– Мне было четырнадцать лет, – продолжал Смирнов, – я не мог находиться в дружеских отношениях с Беловым, но всё же мы общались. Я запомнил, что это человек жилистый, с крепко сложенной фигурой. Всегда относился к людям очень доброжелательно, часто разговаривал с нами во дворе, предлагал: «Ребята, если у вас есть какие-то интересные новости, интересные истории, какие-то события, приходите ко мне, рассказывайте, я постараюсь поместить заметку в газету...».

Лирический вечер опускался на тихий городок. Мягкий снежок легко падал из сумрачного неба, чуть подмораживало. Мне захотелось пройти по адресам, связанным с пребыванием Василия Белова.

Мой гид, учительница школы № 2, увлечённый краевед Елена Коновалова, повела сразу на улицу Горького. Улица ничем не выделялась, типичный образчик провинциального городка. И всё же имела особенность: по ней ходил Василий Белов. Он любил заглядывать к друзьям и знакомым, которые жили на этой улице.

Мы остановились напротив симпатичного дома, огороженного забором.

– Когда-то всё выглядело по-другому, – пояснила спутница. – Дом был большой, красивый, с наличниками, по фасаду украшенный резьбой. Рядом, за домом, шумели вековые деревья – начинался парк. От него вообще ничего не осталось. В парке любил иногда пройтись Василий Белов. Ценность дома в том, что в нём когда-то жил известный советский и русский поэт, прозаик, историк и географ Сергей Николаевич Марков. К нему однажды приходили Василий Белов и Сергей Викулов. В том угадывалась символика: неизвестный стихотворец Белов в гостях у признанного поэта. Новоначальный поборник русской литературы как бы принимал «эстафету» от умудрённого мастера слова.

Каким образом поэт Сергей Марков оказался в Грязовце? Он родился 30 августа 1906 года в посаде Парфентьев Кологривского уезда Костромской губернии. Его отец Николай Васильевич занимался межеванием земель в Костромской и Вологодской губерниях.

В начале прошлого века семья переехала в уездный Грязовец. Старший Марков служил здесь в Земской управе «непременным членом уездной землеустроительной комиссии». А юный Сергей пошёл учиться в Грязовецкую гимназию и занимался в ней два года.

Дела у отца шли отлично, он снискал у грязовчан огромное уважение. В память о нём жители увековечили его имя, назвали село Марково, оно находится в нескольких километрах от Грязовца.

После февраля 1917 года, когда Российскую Империю потрясла буржуазная революция, Н.В. Марков переехал с семьёй из Грязовца на свою малую Родину, в Верхнеуральск. Там он поступил на должность мирового судьи, а затем работал председателем земельной комиссии.

«В 1919 году семья Марковых с отступающими под натиском красных колчаковскими частями Каппеля и Дутова уходит в казахские степи, – находим мы сведения в биографии поэта. – Марков глазами подростка видит ужасы братоубийственной гражданской бойни, что впоследствии станет основой его рассказов и романа «Рыжий Будда» (прототип главного героя барон Унгерн).

В Акмолинске от тифа умирает отец, а вскоре и мать. 13-летний Сергей Марков берёт на себя заботу о младших братьях и сёстрах.

Творческое созревание Маркова было стремительным.

В 1924 году его приглашают работать в газеты казахстанского Петропавловска, потом в Томск и Омск. Первая поездка в Москву – 1924 год, первая публикация в журнале «Красная нива». 1926-1928 годы – самый плодотворный период творческой молодости Маркова: работа в Новосибирске, в газете «Советская Сибирь» и новом журнале «Сибирские огни». Окружение Маркова: В. Зазубрин, писатель-минералог П. Драверт и практически весь цвет русской сибирской литературы 20-х. Участвует в геологических экспедициях по всей Сибири и Алтаю, идёт по следам русских землепроходцев былых веков, работает в архивах.

В эти годы Марков становится тем «следопытом веков и тысячелетий», который и оставил свой след в отечественной культуре». 23/.

Это только часть сложной, трудной, но и прекрасной судьбы замечательного русского писателя. Он был широко известным в Советском Союзе, несмотря на то, что по злому навету Сергей Николаевич попал под арест и был выслан на три года в райцентр Мезень Архангельской области.

Вот с таким удивительным мастером слова повстречался Василий Белов, только начинавший тогда путь в литературу.

Но как могла состояться встреча, если Сергей Марков жил в Сибири? Далеко всё-таки от земли вологодской.

– Тут история такая, – уточнила собеседница. – Осенью 1962 года Сергей Николаевич по неотложным литературным делам прибыл в Вологду. Он не мог упустить случай побывать в Грязовце, о котором хранил тёплые воспоминания, зайти в дом, в нём прошли отроческие годы. В Вологде он встретился с Сергеем Викуловым и Василием Беловым, и они вместе направились в Грязовец.

Писатели зашли в дом, – продолжала Коновалова, – перед которым мы теперь стоим, где обитала семья Марковых. Они беседовали, делились воспоминаниями. Сергей Марков увлекал собеседников рассказами о литературе, о встречах с известными литераторами, в том числе и о том, как он общался с пролетарским писателем Максимом Горьким.

– Они в доме и останавливались на ночлег?

– Нет, старожилы припоминали, – продолжала она, – что писатели отправились ночевать к родственникам Белова –

в дом Забродиных, к тому времени Василий Иванович уже был женат на Ольге Забродиной.

Мы продолжали своё путешествие по улице Горького.

У заброшенного деревянного домика мой гид задержала шаг.

– Здесь жила давно когда-то Антонина Александровна Носкова. Её знали многие и до сих пор помнят в Грязовце, – говорила Елена Паисиевна. – Она создала Грязовецкий краеведческий музей. Василий Белов проявлял большой интерес к краеведению, поэтому часто бывал в гостях у Антонины Носковой, беседовал с ней об истории города и района.

Наконец, мы останавливаемся на перекрёстке двух улиц. Взгляд привлекает уютный деревянный домик. В нём в давние годы и жила семья Забродиных, родителей Ольги, а вместе с ними некоторое время проживали и молодые – Василий и Ольга.

В самом центре Грязовца сохранились ещё два здания, связанные с именем великого писателя. Рядом с районным универмагом расположен кирпичный старинный особняк, в нём в своё время и находилась вечерняя школа рабочей молодёжи, которую окончил Василий Белов и получил аттестат зрелости.

Недалеко от бывшей школы, за углом, на улице Обнорского, 85, до сих пор стоит двухэтажный деревянный дом. Здесь на первом этаже была у Белова первая своя квартира, которую он получил, когда занимал пост первого секретаря райкома комсомола. В ней Василий жил с женой Ольгой.

Грязовчане имеют полное право гордиться «кровной связью» со знаменитым писателем Василием Беловым и беречь завидное богатство – места, где он бывал, жил, работал.

Всё-таки, думаю, «машина времени» существует!

Это – благодарная память. Пока она хранит чей-то образ, до тех пор человек с нами, будто живой, хотя его уже и нет рядом.

Вот и я, шагая по центру Грязовца, будто слышал из далёкого прошлого шум демонстрации в честь 41-й годов-

щины Великого Октября, идущей мимо трибуны. А с неё в микрофон звучал молодой, звонкий голос Белова, лились слова, озарённые надеждой на светлый грядущий день.

«ТАЛАНТ В НЁМ КИПЕЛ...»

Беседа с Вениамином Мельниковым

Пожалуй, он остался единственным из тех, кто шёл рука об руку с Василием Беловым в пору его комсомольской юности – Вениамин Мельников. Много лет он возглавлял райисполком в Грязовце, а теперь на заслуженном отдыхе.

Мы сидим в уютной квартире, неторопливо текут воспоминания ветерана.

– До 1958 года я не знал Василия Белова, хотя не чурался комсомола. Я учился в техникуме механизации в Грязовце, входил в состав комитета комсомола, избирался на районную конференцию, – рассказывал Вениамин Александрович. – Тогда я как-то не думал о районных масштабах, о деятелях районных – тем более. Поэтому с Василием Беловым познакомился, когда вернулся в Грязовец из Кадуя. Там после окончания техникума работал мастером производственного обучения в училище механизации.

Меня избрали секретарём комсомольской организации Грязовецкой машинно-тракторной станции. Я стал часто бывать в райкоме, а Вася как раз был первым секретарём.

Но поработал-то он всего ничего: в 1958 году его избрали, а в 1959 году я его вынужден был заменить.

– В каком смысле вынужден?

– В смысле самом прямом, назову некоторые подробности. Белов уже заканчивал обучение в школе рабочей молодёжи и решил поступать в Москву в Литературный институт. У меня в памяти отложилась дата – 29 марта 1958 года. В тот день состоялась районная комсомольская конференция.

Утром Вася вызвал меня к себе, до конференции.

– Пойдём, – сказал мне, – в райком партии к Грибанову.

Виктор Алексеевич Грибанов возглавлял райком партии и по-отечески заботливо опекал Василия Белова.

Мы зашли в приёмную. Там сидела дочь бывшего первого секретаря райкома. Я остался в приёмной, а Василий вошёл в кабинет к Грибанову. Вслед за ним вошла и дочь. Вдруг, смотрю, девушка выходит оттуда вся в слезах. Я ничего не могу понять.

Вася машет мне рукой: «Заходи!».

Я зашёл, начали обсуждать мою кандидатуру на должность секретаря райкома. Я, конечно, категорически возражал. Почему? Мне начальник машинно-тракторной станции говорил: «Вениамин, ты никуда не уходи от нас, из тебя хороший механик получится». А вот теперь Белов и Грибанов меня уговаривали перейти на работу в райком.

Как я узнал позже, на эту должность претендовала вышедшая в слезах девушка, она окончила институт, и ей нужно было «тёплое место».

Против такого «подбора кадров» резко запротестовал Василий.

Конференция прошла успешно: Белова избрали первым, а меня вторым секретарём райкома.

Так мы начали работать вместе.

Василий по характеру был неугомонным, взрывным, ему постоянно надо было пребывать в действии. В его повести «Страшнее всего – тишина», написанной по горячим следам деятельности в комсомоле, приводился такой эпизод.

«Оказывается, можно с успехом бросать бумаги и заседания и больше бывать в первичных организациях. Завтра мы выезжаем по колхозам с шефскими бригадами. Сегодня целый день комплектовали эти бригады, но для колхоза «Дружба» так и не смогли сколотить такую группу. Ещё и ещё перебираем комсомольские городские организации.

Райкомовские телефоны смолкли удивительно точно в срок, и оба сразу. Ровно в шесть часов они онемели. Тихо. Меня вдруг обуревают злость. Хватаю трубку.

– Лесхоз, пожалуйста!

Монотонный, знакомый до чертиков голос телефонистки отвечает:

– Никого нет.

– Отдел культуры?

– Не отвечает отдел культуры.

– Панфилово!

– Тоже не отвечает.

– Среднюю школу! Редакцию! Кормосовхоз!

Телефонистка не выдерживает:

– Да что вы, товарищ Белов, ведь рабочий день давно закончился, и нечего зря названивать.

За моей спиной саркастически усмехается Веня Мельников, наш новый работник.

– Хм, держи карман шире, грязовчане законы знают...

«В комсомоле самое страшное – тишина», – сказал мне как-то один парень, комсомольский активист. Раньше я не понимал этой истины. Теперь она для меня ясна». 24/.

Почти сразу, как только меня избрали, Василий Белов ушёл в отпуск, потом взял отпуск за свой счёт для подготовки к экзаменам в школе рабочей молодёжи и в институт. Он

поступил и уехал учиться в Москву. 23 сентября 1959 года его освободили от обязанностей первого секретаря райкома, а меня избрали вместо него.

Вот практически и весь наш совместный трудовой путь. То время дорого тем, что Василий открылся нам как незаурядная личность, талант в нём кипел, требовал выхода в делах и словах. Ещё эпизод, отражённый в уже упомянутой повести.

«Дело было в августе. Как-то, вернувшись из командировки, я застал Веню Мельникова в полном расстройстве.

– Ты что?

– Да вот, семинарь объявился.

– Какой семинарь?

– Натуральный, какой. Позора теперь не оберёшься. Есть такой Брыленков Алексей, парень из колхоза имени Кирова. Поступает в Загорскую духовную семинарию.

Это было поистине потрясающим сюрпризом.

Не заходя домой, с попутной машиной еду в колхоз.

Уже километров за пять до центра артели вижу голубые с золотыми звёздами купола, и во мне закипает злорадия. Черт возьми! Идёт сорок второй год советской власти, а под ногами у неё до сих пор путается всякая нечисть вроде бога!

Дом Брыленковых оказался запертым. Долго стучусь, наконец, слышу старушечье кряхтение, и дверь открывает пожилая женщина. Не весьма гостеприимно приглашает она меня пройти в комнату. А вот и её сын. Он только что кончил красить окна. Мы здороваемся.

– Что ты, Алексей, такую шевелюру отпустил?

– Знаете, давно собираюсь подстричь, да ведь парикмахерской у нас тут нет.

Он явно врёт.

– Значит, неправду говорят, что ты собираешься поступать в духовную семинарию?

– Конечно, неправду.

– А чего же ты тогда в церковь ходишь?

– Так это так просто, там хор, интересно.

– Ну, а в клуб?

– А что там делать? Здешняя молодёжь, сами знаете, какая безкультурная.

– Ты что, в самом деле, в бога веришь?

– Верю. А что, разве это плохо?

Его мать нетерпеливо ёрзает на месте, ей явно не нравится наш разговор.

– Шёл бы ты своей дорогой, нечего приставать к человеку, – не скрывая неприязни, обращается она ко мне.

– Да ты подожди, мама, дай нам поговорить, – замечает Алексей.

Мы выходим с ним в огород, усаживаемся на завалинку. Мне без труда удаётся выудить у парня признание в том, что он, действительно, собирается стать попом. Смотрю: парень как будто не глупый, в доказательство своих мыслей привёл даже какое-то изречение Чайковского. Я начинаю горячиться.

– Да ведь всё это чушь, бога нет и не было!

– Я этого не знаю, вы тоже не знаете, никто ничего не знает.

Дальше идёт вообще какой-то бред. Этот молодой парень несёт такую дребедень, что мне становится противно. Набираюсь терпения, и мы несколько часов подряд толкуем о философии. Как раз в ту минуту, когда я пытался вдолбить в эту обросшую голову понятие о бесконечности пространства и времени, к нам вновь подкатывается мать Алексея.

– И чего пристал к человеку?

Мелкими куриными шажками она убегает от нас, хватает топор и начинает старательно рубить дрова. Она явно играет на сыновних чувствах, стараясь отвлечь сына от меня, и это ей удаётся.

– Мама, да положи ты топор! Она у меня совсем больная, – обращается Алексей ко мне.

Тогда я прощаюсь и огородом, через капустные грядки

направляюсь к дороге. Слышу, как мне вслед зло и уже без стеснения бранится мать Алексея:

– Неси, неси тебя леший, чтобы духу твоего тут больше не было!». 25/.

– Мы выяснили позже, – продолжал Вениамин Александрович, – что Алексей не был комсомольцем, да и работал не в Грязовецком районе, а в Вологде – помощником машиниста в локомотивном депо. Райком комсомола, по большому счёту, не имел к нему отношения, никак не отвечал за его намерения или действия. Но все всполошились. Приехал из Вологды работник Комитета Государственной Безопасности. Я ездил в Чернецкое четыре раза, но не заставал Алексея, он, предупреждённый, уходил из дома.

Собралась компания: начальник милиции, работник КГБ из Вологды, заведующий отделом райкома партии и должен был быть кто-то от комсомола. Тут «подвернулся» Василий.

«В чём дело?» – спросил Белов.

«Вот собираемся на «семинар», – ответил я. – Поедем ещё раз уговаривать, чтобы не поступал учиться на попа».

«Слушай, – сказал мне Белов, – давай я съезжу».

«Ну, поезжай!», – я не стал возражать.

Вот Вася и ездил вместе с другими, совершил такой поступок. Фактически получилось, что он провожал Алексея Брыленкова на экзамены в Загорскую семинарию, куда тот упорно стремился. Ясно, что Белов отговаривал его от опрометчивого поступка, но Брыленков не свернул со своей дороги. 26/.

– А чем помнился Вам Василий Белов по работе в газете «Коммунар»?

– Да, помню, он работал довольно плодотворно. Я читал его стихи, статьи, очерки, отрывки из будущей книги «Дервня Бердяйка». Уже позднее в журнале «Молодая гвардия» вышел то ли большой очерк, то ли повесть Василия Белова (критики всё спорили о жанре) о работе Грязовецкого райкома комсомола, очень интересно было читать.

– Как Вы оцениваете роль главного редактора Петра Алексеевича Неклюдова в судьбе Василия Ивановича?

– Думаю, он сыграл исключительную роль. Когда Василия Белова отвергли как творческую личность, способную на что-то, Неклюдов не побоялся наперекор всем пригласить начинающего литератора в редакцию. И не ошибся в своём выборе. По воспоминаниям очевидцев, Пётр Алексеевич был яркой творческой личностью. Он делал очень интересную и злободневную газету, поддерживал местные таланты.

Журналистский путь способного редактора закончился неожиданно резко, что вполне характерно для того времени. В одном из номеров была опубликована фотография, подписанная «Леонид Брежнев», а фактически вместо него на полосе стоял портрет известного партийного функционера, члена ЦК, кандидата в члены Политбюро Шелепина.

Видимо, в типографии при вёрстке перепутали фото партийных деятелей, а в редакции не заметили ошибку. В тот же день, то есть в день выхода газеты, в срочном порядке собралось бюро Грязовецкого райкома партии и приняло решение о снятии Петра Алексеевича Неклюдова с должности редактора газеты.

Судьба человека, его профессиональная карьера зависели в то время от культа, от поклонения партийным вождям, которые сидели в Кремле.

– Общались ли Вы с Беловым помимо службы? Какие качества в нём запомнились?

– Василий частенько приходил ко мне домой. Мать бывало, а я жил с матерью, нажарит нам картошки, сядем за стол, а Вася всё чего-нибудь рассказывал. Непрочь он был иногда и «причаститься», то есть выпить, но в меру. Это уже после он припал к «зелёному змию», правда, образумился вовремя, проявил волю, в трезвенники записался.

Хаживали мы с ним подолгу пешком на комсомольские собрания в деревни. Он очень любил бывать в сёлах, беседовал, внимательно слушал. Да и просто так часто встреча-

лись, вели разные разговоры. Когда Василий стал известным писателем, я читал моей матери, Клавдии Васильевне, «Плотницкие рассказы».

«Ну, чего написал Вася? – бывало, скажет она. – Меня бы поспрашивал, я бы тоже рассказала, только записывай, не хуже бы получилось!».

О его характере могу сказать так. Общительный, простой, контактный, взрывы смеха. На первый взгляд не впечатлял, что он писатель, всё у него было сокрыто внутри.

– Приходилось ли Вам встречаться с Беловым после того, как он уехал из Грязовца?

– Да, приходилось, и не один раз. Запомнился пленум Вологодского обкома партии, где шла речь о переброске вод северных рек на юг Советского Союза. Там и Вася выступал. Выступал он с юмором, напористо, очень эмоционально. Говорил, что всё это – блеф, землю в землю закапываем, всю эту мелиорацию надо прекратить, только потеря денег. А переброску рек заклеил как антигосударственную.

Когда вышли в фойе в перерыв, я ему говорю:

– Вася, а ты чего несёшь-то? Ну, переброска рек – ладно, я согласен, это не дело. Но мелиорация-то? Что ты в ней понимаешь? Что о ней знаешь? Это же отличное дело! Сколько заболоченных земель мы освоили и ввели в оборот! На этих полях теперь пашем и сеем!

– Я чего, – начал он оправдываться, – я ведь дилетант!

– Но, извини, тебя слушают как великого человека. Ты истину знаешь один-единственный!

И я тогда подумал вот о чём.

Слава, известность – большое дело. Но за слова и поступки при обладании такой славой – ответственность просто огромная! Люди прислушиваются к слову известного человека, сверяют по нему своё душевное настроение.

Ездил я на 70-летие Василия Ивановича, когда его чествовали в Вологодском областном драматическом театре. Я не планировал выступать. Но мне всё же предоставили слово как «человеку из зала». Я, естественно, душевно по-

здравил Василия Ивановича и подарил ему шпагу, чтобы он «пронзал» врагов России.

Ещё раз мы встречались на дне рождения у Виктора Алексеевича Грибанова, нашего общего друга.

Последняя встреча произошла в сквере у Вологодского областного театра юного зрителя, мы с ним случайно столкнулись. Он сказал, что хочет издать книгу, нужно много денег.

– Помоги, ты же работаешь в банке, – попросил он.

– Хорошо, – ответил, – переговорю с руководством банка, сам деньгами не распоряжаюсь.

– Ты не хочешь помочь? – выразил он сомнение.

– Нет, хочу, попробую, но не могу ничего обещать.

На том мы расстались.

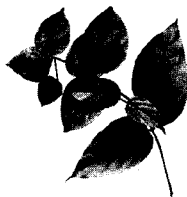
– *Как вы воспринимаете творчество Василия Ивановича?*

– Считаю его превосходным писателем. Во-первых, его произведения – реальное отражение жизни.

Во-вторых, когда он пишет о деревне, то, кажется, из ничего делает событие. Причём, такое событие, из которого можно извлекать полезное и хорошее. Он заставляет переосмыслить некоторые моменты истории крестьянства в России.

В-третьих, его талант заключается в том, чтобы увидеть в повседневном, обыденном бытии что-то необычное, особо выделить это необычное и, естественно, ненавязчиво передать читателю. И, конечно, привлекает в его произведениях настоящий русский язык.

– *Да, полностью разделяю Вашу оценку творчества Василия Белова.*

«НАС ПОЭЗИЯ СВЯЗАЛА...»

Беседа с Ольгой Беловой

Более полувека – 54 года – Ольга Сергеевна разделяла радости, удачи, а порой и горести совместной жизни с Василием Ивановичем Беловым.

Была не только любящей верной супругой, но и надёжной помощницей в творческих устремлениях – давала советы, вычитывала рукописи, находилась в «курсе» писательских забот.

Когда мужа одолевали недуги, милосердно ухаживала за ним.

Это благодаря и её инициативе «обитель» Беловых в доме на Октябрьской улице в центре Вологды превратилась в музей-квартиру писателя В.И. Белова.

Здесь и состоялся наш разговор, а продолжился в Москве.

I

– Расскажите, Ольга Сергеевна, о своей семье: где вы родились, какие ваши корни?

– Я родилась в городе Грязовце. Родители у меня учителя. Мать Чучнева Мария Васильевна была учителем рус-

ского языка и литературы. Она с отцом не расписывалась. В те годы, в начале XX века, это считалось обычным мещанством – скреплять официально брак.

– *Прогрессивными, значит, были ваши родители?*

– Да, прогрессивные такие! *(Смеётся)*. Отец Забродин Сергей Дмитриевич, преподаватель истории, но занимался партийной деятельностью. Я – урождённая Забродина. Он был ещё совсем молодой и работал по комсомольской линии.

Моя мама Чучнева Мария Васильевна родилась в Петербурге в 1906 году. Помнила ещё какие-то эпизоды из предреволюционной эпохи. Няня выводила её гулять за ворота дома, где они жили. Однажды девочка увидела полицейского, в которого стреляли революционеры. Няня быстро увела её, но она надолго запомнила страшную сцену.

– *Детская память очень цепкая!*

– Да, запомнила и мне, спустя годы, рассказывала. Она жила в Петербурге до 14 лет. После началась революция. В 1920-м или 1921-м году её отец, а мой дед, Василий Александрович Чучнев, стал собираться в отъезд из Петербурга. Он был человеком довольно обеспеченным, имел магазин мужской одежды около Невского проспекта, и, кроме того, входил в компанию по продаже швейных машин «Зингер».

Вообще, корни моей родословной, если посмотреть внимательно, довольно интересные. Это всё не выдумка, мой двоюродный брат нашёл сведения в архиве в Москве. Мой прапрадед, а он был грязовецкий, служил в русской армии, участвовал в Бородинской битве, дошёл до Парижа, был ранен, имел царские награды. За все заслуги ему пожаловали дворянское звание. Имения предки не имели, но были дворянами. И дед мой этим гордился.

Но когда случились все эти события революционные, естественно, начались репрессии. И дед, чтобы скрыться и остаться целым и невредимым, поехал в места, где

была его родина – в город Грязовец Вологодской губернии. Только он приехал в Грязовец, как заболел тифом и умер.

Вот такая невесёлая история.

У вдовы деда осталось четверо детей, мама моя, то есть Мария, была старшей. Да, они скрывали, что дворяне, очень скрывали.

– Тогда всё это нельзя было и говорить.

– Да, они молчали о дворянском звании, а также о том, что были зажиточными. Я только много лет спустя узнала от мамы об этом. Мама что сделала? Она вступила в комсомол, надела гимнастёрку, красную косыночку повязала, кобуру на пояс повесила, но кобура была пустой. Это для формы!

Конечно, она не стреляла в людей никогда. Василий Иванович даже исследовал «этот вопрос». Он мне как-то говорил: «Может, и твой крестьян раскулачивал?». Я ему ответила: «Хорошо, исследуй!».

И когда он ездил и узнавал, как крестьяне репрессированные жили на Севере (тогда он писал роман «Час шестый»), то зашёл в архив в Ненецком автономном округе. Там отец мой около года работал первым секретарём окружкома. Василий Иванович ничего «против» моего отца не нашёл (*смеётся*).

Потому что, оказалось, они занимались субботниками всякими, лесосплавы всякие организовывали, а самое главное – боролись с неграмотностью. Это было их основной работой.

Отец у меня как-то быстро шёл в гору, делал карьеру в комсомоле. Он работал в Архангельске, был в Белоруссии, правда, там он служил политработником. Потом его снова взяли в Вологду – такая, вообще, история. Мы всё время переезжали. Мама всё время удивлялась, спрашивала отца: «Что, Сергей, опять переезжаем?».

Мои последние детские воспоминания связаны с тем, как мы жили уже в Саранске.

– Так далеко от Вологды, в Саранске? Почему, Ольга Сергеевна, Вы там оказались?

– Папу назначили первым секретарём обкома комсомола Мордовской республики, и мы приехали в столицу республики – Саранск. В то время «вездесущие люди» подобрались к Косареву, первому секретарю ЦК комсомола. С ним мой отец был хорошо знаком и, пожалуй, даже дружил. По ложным доносам первого секретаря Косарева расстреляли, а всю комсомольскую организацию страны, в том числе и Мордовской республики, объявили троцкистской, то есть получилось, что отец у меня «троцкист». Их всех прогнали из обкома комсомола.

– Василий Иванович в беседе с Рональдом Аполлоновичем Нелепиным, которая проходила в Университете в Петербурге, как раз говорил, что его тесть пострадал из-за Косарева.

– Рассказывал?

– Да, я слушал запись этой беседы.

– Тут мы всей семьёй почувствовали, что дело серьёзное. И отец уехал подальше, переждать, когда всё затихнет. Он уехал в село Шуйское, знаете такое село, не так далеко от Вологды?

– На реке Сухоне! Знаю, это – райцентр. Село Шуйское связано с именем поэта Николая Рубцова, там жила его первая любовь. Он часто плавал туда на пароходе. Николай Рубцов дружил с Василием Ивановичем, но это было уже, конечно, гораздо позже...

– Да, так вот в это село отец и уехал. Он решил, что село Шуйское далеко, до него не доберутся, это – глухой «медвежий угол», доехать туда непросто. Он уехал в Шуйское вместе с мамой. В райцентре папа устроился работать в средней школе учителем истории, ещё географию ему дали, а мама в этой же школе вела русский язык и литературу.

Но, к сожалению, укрыться им не удалось. В 1938 году ночью пришли к родителям в дом и абсолютно без всякого суда и следствия взяли и увезли отца. Мама осталась

со мной маленькой, а отцу дали восемь лет и отправили в ГУЛАГ.

Он строил Воркутинскую железную дорогу. Условия были тяжёлыми, кругом тайга, а дальше тундра. Папа простудился и сильно заболел. И чуть было не умер, весил он пятьдесят с небольшим килограммов. Там, в лагере, всё же попадались хорошие люди, они сжалились над ним, отправили в Няндому Архангельской области делопроизводителем в тюрьму – тем мой отец избежал смерти. Через восемь лет срок у него закончился. А мама так и работала в Шуйском, она была деловая, организатор хороший.

II

Если в школе по коридору шла Мария Васильевна, все стихали. Литератор она была прекрасный. Вот от неё у меня любовь к литературе. И, может быть, это позже и свело меня с Василием Ивановичем.

Мама была очень увлечена литературой. Она ставила школьные спектакли, причём, ставила классику. Я очень хорошо помню, как «синили» платъице Русалочки из поэмы Пушкина «Русалка». Ещё помню, как искали какие-то старые платъя к пьесе Островского «Свои люди – сочтёмся». Мы делали из наждачной бумаги статую Командора к маленькой трагедии Александра Пушкина «Каменный гость» (*смеётся*).

– Из наждачной бумаги? Даже не могу себе представить!

– Костюмов не было, ничего не было, всё старались делать своими руками. У нас был школьный клуб. И когда спектакли ставили уже на сцене, то смотреть приходило всё село Шуйское.

Дальше, стенгазеты были вот от одной стены и до другой, такие большие стенгазеты, старшеклассники писали стихи, прозу. Мама очень хорошо читала стихи, любила

поэзию. Я забиралась на шкаф, потому что было холодно. Мама, закутавшись в платок, проверяла сочинения ребят и говорила мне: «Оля, ты посмотри, как о Базарове написал Саша Ранцев! Ты только послушай!». А Оля и была-то всего во втором классе.

– *Поделиться надо было Марии Васильевне впечатлениями от сочинений ребят?*

– Да, поделиться хотелось. А Оля, то есть я, сидела маленькая в пальтишке, на шкафу, внизу в квартире коптилка горела. Я писала «Былину о Сталине». Помню, рыжими чернилами, макала перо и писала. То есть, какие-то позывы к творчеству у меня были уже с малых лет.

– *Былину даже? Очень интересно! Можно узнать подробности.*

– Да, даже былину. Всё – из книг. Мы все жили книгами, а в них я прочитала русские былины и захотела свою посвятить Сталину. Мои представления об окружающем мире, в отличие от представлений Василия Ивановича (он шёл от жизни) были другие, я из книг начинала всё познавать.

Дальше вот что случилось. Мама поссорилась с директором школы, и не вышла на работу принципиально. У неё был характер волевой. Причину их ссоры я не знаю. Её вызвали в облоно – Областной отдел народного образования. Она вошла в кабинет заведующего и спросила: «Скажите, пожалуйста, сколько доминионов в Англии?». А он сидит, ничего не отвечает – он не знал (*смеётся*). «Вот и я, – сказала ему Мария Васильевна, – тоже не знаю, сколько доминионов, директриса, кроме литературы и русского языка, нагрузила меня ещё и географией». Заведующему Облоно это... так понравилось, что он взял её на работу инспектором.

– *За смелость?*

– Да, за смелость. И у неё были подопечные районы – Грязовецкий и Великоустюгский. Она туда ездила. Однажды подруга мамы, у которой муж был энкавэдэшник, тихонько шепнула: «Маруся, поезжай в деревню, потому что твой Сергеевич вот-вот должен выйти из заключения,

но снова будет волна арестов. Если он будет в городе, его заберут скорее».

Мама тогда всё бросила, пришла к заведующему Облоно и попросила: «Отправьте меня директором школы в деревню». И её отправили в Погибловскую семилетнюю школу, от Грязовца в 16 километрах. Всё было сделано абсолютно правильно. Потому что, когда отец пришёл, даже в Грязовце забирали всех из бывших арестованных, а его не забрали, его эта участь миновала.

— *Иными словами, отпустили и снова забирали? А на каком основании, по каким причинам?*

— Разве кто-то искал основания, причины? Нет, не искал. Это были 1951-1952 годы, тяжёлое время, просто ужас какой-то. И отца, благодаря расторопности мамы, не взяли опять в тюрьму. И мама, конечно, приняла его к себе на работу в школу. Историю ему преподавать не разрешали — «врагу народа» нельзя преподавать историю, он преподавал русский язык и литературу. После смилостивились, наконец, дали ему историю.

И мы некоторое время спокойно существовали в Погиблово. Мама была директором школы, боевая такая. Там живописнейшее место. Когда-то купцы питерские приезжали туда на отдых. От нас недалеко была усадьба Брянчаниновых, она даже видна была, за Юровом. Сама школа находилась в одном из купеческих домов.

Мы, когда с Василием Ивановичем были во Франции, ездили смотреть замки по реке Луаре, нам показывают замок, а я говорю: «Так, это же наша школа!». Русский купец, когда её строил, использовал какие-то западные архитектурные элементы, почти тоже самое: веранды с цветными витражами, расписные потолки. Я нигде не видела таких печей с изразцовыми плитами с позолоченными святыми ангелочками, с виноградом; это всё сохранилось, всё это было в нашей школе. Даже старые книги, даже «Энциклопедия» Эфрона и Брокгауза. И я опять попала в мир книг.

Я закончила Грязовецкую среднюю школу. Но некото-

рое время училась и в Вологде, мама отправила меня в «образцовую женскую школу».

– *Была такая школа?*

– Да, была такая «Образцовая 3-я женская школа». Тогда славилась 8 школа, 1 школа и эта. Это как ехать к мосту 800-летия, сейчас там находится какое-то ведомство. Двухэтажное здание, принимали туда учениц немного, но поскольку у мамы в Вологде связи ещё остались, она меня туда и устроила. Но были бытовые трудности, я жила в большом городе, естественно, одна, и мама взяла меня обратно, и я уже заканчивала обучение в Грязовецкой средней школе. Очень любила литературу, писала стихи, потом поступила на филфак института в Вологде.

III

– Я вообще-то мечтала поступить в Литературный институт. Это у меня была голубая мечта. Я послала документы в Москву.

– *Вы стихи послали в Литературный институт?*

– Послала заявление и запрос. Меня попросили прислать печатные работы. У меня печатных работ не было. Я ходила в творческий кружок в институте. Но не решалась подавать куда-то свои стихи печатать. И правильно сделала. Стихи были бездарные. Правильные, грамотные, но настолько неинтересные, совершенно неинтересные. И вот, тут я – умница, сумела понять, что поэтического дара нет, сама себя хвалю (*смеётся*).

Я уже кончала пединститут, когда родители переехали в Грязовец, у меня там вся родня, всё у меня связано с Грязовцом. Я каждое воскресенье ездила туда, у меня кавалеров было много. Я ходила тогда, естественно, без очков, не скажу, что я была красавица, но была нормальная девушка, как и все молодые девушки, со своим обаянием.

Дальше вот что случилось. В Вологде я открываю областную газету «Сталинская молодёжь», а там напечатана подборка «В добрый путь» – стихи Василия Белова из Грязовца. Меня стихи заинтересовали, даже сейчас помню их названия – «Ива», «Лыжница»... Стихи у Василия Белова были не такие, как мы писали, о любви, о природе и прочее.

А тут я прочла: Господи, глубина-то какая!

Я удивилась: почему его не знаю? В Грязовце живу и ничего не знаю, что такое?

У меня в Грязовце кавалер был. Я при встрече спросила его: «А ты знаешь Белова?». Он ответил: «Конечно, знаю». Ну, я его тогда попросила: «Познакомь меня с Беловым». Он пообещал мне это сделать.

Мы пришли на танцы. И он меня подвёл к Василию, или Василия ко мне – теперь я уже точно не помню. Но мы встретились на танцах.

– А где танцевали?

– В Грязовецком Доме культуры, где все танцевали – и простой работага, и сын секретаря райкома. Вот кавалер и познакомил нас. Василий на меня – ноль внимания. «А, здрастье, здрастье, Василий, Оля», и всё – побежал. Я про себя возмущилась. Такое отношение? Да сколько ребят ко мне равнодушными были! А тут? Какой хам? Что такое?

– Зацепил, значит, Василий Иванович Вас, взволновал с самой первой встречи?

– Зацепил, да ещё как! Ещё больше, чем я думала. А после я перестала думать о нём, я же не всегда ездила в Грязовец, поскольку ещё доучивалась в институте. Потом всё сложилось так. Я практику проходила в средней школе, где когда-то училась, была уже на четвёртом курсе. На практике попала к учительнице Екатерине Зверевой, очень интересная женщина. Она хорошо преподавала литературу, а муж у неё тоже интересный был – диссидент, его выслали из Москвы, Липелис Александр. Выслали за какие-то нигилистические взгляды. Он преподавал в Грязовецкой вечерней школе рабочей молодёжи. А Василий пошёл учиться туда,

они подружились. Однажды я прихожу с конспектом к учительнице, а там сидит Вася, он беседовал с её мужем о поэзии.

– *Выходит, неожиданно случилась вторая ваша встреча с Василием Беловым?*

– Да, встречи этой я не ожидала. После была третья, я ещё раз приходила. И всё – мы с ним подружились. И он ко мне потеплел. Была вначале дружба именно на почве поэзии. Мы с ним вели разговоры о стихах, о литературе. Нас поэзия связала. Мне с ним было всегда интересно. Что меня удивило? Сейчас очень многие говорят, что он был деревенский. И даже Виктор Иванович Лихоносов, который очень любил Васю, написал где-то, что он на всю жизнь остался «деревенским».

– *Вы с такой оценкой не согласны?*

– Нет, я не согласна, конечно. Какой он «деревенский»?! Ничего подобного! Вася к тому времени, когда я с ним познакомилась, уже пожил и поработал в Ярославле, в Перми, в Ленинграде, ходил в этих городах во всякие объединения литературные. Когда он мне сказал, что он из деревни, я очень удивилась, потому что по нему этого нельзя было понять. Потом-то я выяснила, какие корни у него были. Поначалу ничего этого абсолютно не было, ни капельки этого не чувствовалось. С ним так было интересно говорить, причём, на поэзию, на литераторов у него были свои оригинальные взгляды, необычные просто, по крайней мере, для меня.

То, что говорят на лекциях – это одно, а Василий Иванович говорил совсем другое. Я удивилась тому, что некоторые положительные герои ему не нравились, отрицательные герои, наоборот, нравились.

– *То есть, у него был свой взгляд на литературу?*

– Да, буквально на всё. Вот этим он меня уже сразил. Ну, мы близко дружили, дружба перешла в любовь. И поскольку он человек очень решительный и быстрый, то довольно скоро сделал мне предложение выйти за него замуж.

— Вы уже тогда преподавали в школе?

— Нет, у меня всё ещё шла практика, она была долгая — полгода. Я как-то так неопределённо отнеслась к его предложению, он как бы, вижу, обиделся. Родители мои жили ещё в деревне, это потом они переехали в Грязовец. А пока ещё были в деревне, в Погиблове. И он отправился к ним, очаровал их совершенно, моих родителей (*смеётся*).

— Молодец Василий Иванович! Как звучало в песне вашей молодости: «В любви надо действовать смело, задачи решать самому, и это серьёзное дело нельзя доверять никому...».

— Мать мне говорит: «Ты что? Ты что? Парни у тебя совершенно глупые, они же глупые все. А Вася Белов — это, действительно, человек серьёзный, человек глубокий. Ты почему не чувствуешь этого и не видишь?». Я, прямо скажу, не знала, что ответить. Она ещё более меня убедила в том, что мой избранник неслучайный. Я дала ему согласие.

Тогда я была уже на 5 курсе, и вот в феврале, в 1958 году мы поженились. Таким образом, я стала Ольгой Сергеевной Беловой.

IV

— Василий Иванович в то время работал в районной газете?

— Да, тогда был в газете. Но его быстро выдвинули в райком. После того, как он получил аттестат зрелости, его планировали направить в Высшую партийную школу, тем более, что Белов занимал должность первого секретаря райкома комсомола в Грязовце.

Вообщем, ему светила карьера партийного работника, ему уже прямо говорили об этом.

А вот в том, что такого не произошло, лично моя заслуга, вот как хотите! «Только, Вася, в Литинститут! — говорила

ему. – Это моя голубая мечта, и ты её должен осуществить. Причём, не заочно, а только очно! Потому что моя мама говорила, что заочно закончить институт, всё равно, что заочно пообедать. Поэтому лучше – очно!»

Я его, так сказать, благословила, и он со мной согласился.

Я смотрю, к нам в гости пришёл Александр Липелис. Вместе с Василием он стал отбирать его стихи в Литературный институт.

Вася отправил туда подборку, быстро пришёл ответ из Москвы: приезжайте сдавать экзамены. Я помню, что он очень боялся иностранного языка, но всё-таки сдал, а приняли его по стихам, по творчеству.

В газете «Московский комсомолец» появилась статья о Литературном институте, о том, что пришла новая плеяда людей, и среди них, говорилось в статье, очень талантливые поэты Иван Лыцов, Валентин Ермаков и Василий Белов. Самые талантливые поэты из того набора.

Ну, Василий Иванович поступил, а потом он, естественно, с Яшиным встретился, очень большую помощь в продвижении в литературную среду его стихов оказал Яшин, безусловно. Он сразу увидел талант Белова-прозаика, это заслуга Яшина.

Александр Яковлевич Яшин помог опубликовать повесть «Деревня Бердяйка», за которую Василия Ивановича приняли в Союз писателей, таких было мало в Литинституте – два-три человека, не больше. И Василий Иванович стал уже знаменитостью в институте.

– На каком курсе его приняли в Союз писателей СССР?

– На 2 курсе, по-моему. Он меня сразу забрал, ему дали путёвку в Крым, я ни разу не была в Крыму, и Вася ни разу не был, и мы вместе с ним поехали в Крым. Это я хорошо помню.

Дальше у него хорошо складывались дела, стали печатать, всё пошло нормально.

– Мне, кажется, что период жизни в Грязовце можно назвать началом серьёзной творческой деятельности

Белова. Эта повесть о комсомоле, работа в газете, очерки, стихи. Вы как считаете?

- Да, вне сомнения, это так. Потом там было литературное объединение при редакции газеты, и Вася очень активно в нём работал.

- Он же написал повесть «Страшнее всего - тишина», которую напечатал журнал «Молодая гвардия».

- Она была такая комсомольская повесть, потом была и поэма комсомольская. Комсомол на него очень хорошее влияние оказал. Ведь он в комсомоле на всё смотрел оптимистически, во всё верил, наивность это...

- Ольга Сергеевна, но ведь искренне всё было!

- Искренняя вера была, искренняя. Стихи его были и о Ленине, и о комсомоле. Это всё было искренне, конечно. И потом ещё одно обстоятельство. Он, хотя и родился в деревне, по профессии был рабочим. Но тут знакомился с интеллигенцией, сближался с этой средой всё теснее и теснее. Счастливым это было время, безусловно.

Но с Липелисом он разошёлся. Наверное, по каким-то политическим взглядам, я это не комментирую, поскольку не знаю деталей.

- Всё меняется, и взгляды меняются, и люди меняются.

- Александр Липелис прекрасно к нему относился, помогал, это надо признать.

- Вы, когда поженились, жили в Грязовце вместе с родителями?

- Нет, нет. Отдельно. Он стал первым секретарём райкома комсомола, нам дали квартиру, там мы и жили. Потом, когда он уехал, я с родителями жила, родители переехали в Грязовец, домик у них был. Вася, когда приезжал из Москвы, приходил в этот домик. Однажды к нам в домик приехали Романов, Викулов и самое главное - Сергей Марков, я помню. Был прекрасный вечер, в центре вечера был Сергей Марков - старый интеллигент. Господи, какая у него была речь, как он много рассказывал о Горьком, о писателях, которых знал. Да, это был великолепный вечер.

– Ольга Сергеевна, в самой первой книге Василия Белова, поэтическом сборнике «Деревенька моя лесная», изданном в Вологде в 1961 году, есть стихотворение «Соперники» с посвящением Оле. Вне сомнения, посвящено это произведение Вам. Не могли бы Вы вспомнить, так сказать, его «предысторию»?

– Как же, хорошо помню. Я после института некоторое время преподавала в Погибловской школе. Вася на каникулы из Литинститута приезжал ко мне. Какие роскошные стенные газеты он мне делал! И писал, и оформлял, как настоящий художник – просто диво! Приходил ко мне на уроки, слушал, иногда даже высказывал какие-то замечания. Вот из этих впечатлений, думаю, и родилось стихотворение.

После многих и долгих месяцев,
И с дороги не бритый – пусть,
Поднимаюсь по школьной лестнице,
И к учительской тороплюсь.

Ты листаешь листки тетрадок,
Хмуришь брови при виде клякс.
И, тебя не окликнув, крадучись
Прохожу в твой любимый класс.

Вот они в рубашонках ситцевых
Мальчуганы из деревень.
За ребячьими этими лицами
Вижу завтрашний светлый день.

Смотрят будущие коперники
Изучающе на меня.
Дорогие мои соперники,
Светлобровая ребятня!
Расскажите, чему же учит вас
Здесь учительница одна,

И заметно ли, что соскучилась
Хоть немного по мне она?

Впрочем, вам ещё не положено
Говорить о таких делах.
Но горит огонёк восторженный
У ребят в озорных глазах.

Хитрецы! И уже доверенно
Я киваю им. Вдруг звонок.
Тише! Ольга идёт Сергеевна,
Строгий шествует педагог.

– Некоторые читатели, я встречал их и в Грязовце, на основании последней строфы этого стихотворения уверяли, что Ольга Сергеевна учила Белова в школе рабочей молодёжи, там, мол, они и познакомились.

– Нет, этого не было, это всё фантазии читателей. Ко мне в класс приходил – мой муж, а не ученик, и было это в Погиблове.

V

– Начиная с учёбы в Литературном институте, Василий Иванович практически всю свою жизнь был связан с Москвой, где Вы теперь живёте. Как он относился к столице?

– Это отдельная большая тема. Он Москву очень любил. Когда его спрашивали: «Вася, а ты почему так часто едешь в Москву?», он обычно перед родственниками, перед друзьями, перед Александром Романовым оправдывался: «Да мне же надо, Москва меня кормит». И он, с одной стороны, был прав - в Москве его печатали в журналах, рукописи издавали в издательствах, всё так. Но, с другой стороны, я видела, что он хотел в Москву, его притягивали друзья,

выставки, театры. «Ты знаешь, это такой тёплый город, – говорил он мне, – энергичный». Он очень ратовал за то, чтобы русский дух в Москве сохранился, «полоскал» одного градоначальника за пристрастие ко всему иностранному. И даже написал вот такие стихи:

Заросла ты, Москва, бузиной,
И тебя поделили по-братски
Атлантический холод ночной
И безжалостный зной азиатский.

Не боялась железных пантер,
У драконов не кланчила милость,
Отзовись, почему же теперь,
Золотому тельцу поклонилась?

Все заставы сгорели дотла,
Караульщики пьяные глухи,
И святые твои купола
Облепили зловещие духи.

Притомясь в поднебесной игре,
Опускаются с рёвом и писком
В тишину на Поклонной горе,
В суету на холме Боровицком.

Днём и ночью по жилам антенн
Ядовитая влага струится...
Угодила в Египетский плен
Золотая моя столица!

– Да, замечательное стихотворение, правдивое, сохранившее остроту и теперь. Ныне Москва выглядит как город, всеми силами противящийся русскому духу.

– Я отмечу, что стихотворение написано в последние годы жизни, вот что удивительно!

– Думаю, оно ещё раз подтверждает, что Василий Иванович начинал как поэт, и всю жизнь оставался поэтом.

– Пожалуй, соглашусь, так оно и было! Возвращаясь к разговору о Москве, ещё скажу, что он очень любил литературные музеи. Когда мы приезжали в Москву, и у нас было свободное время, он вёл меня в какой-нибудь литературный музей, а уж я его оттуда и не могла вытащить. Это теперь в них обращают больше внимания на внешнее оформление, а раньше были очень содержательные витрины с письмами, рукописями. Васю невозможно было оторвать от экспонатов. «Вот Пушкин! Как он писал, – восхищался Белов. – Как переделывал всё!». А я ему говорю: «Вася, пошли, всё, устали, да и музей скоро закроют».

Вот почему, когда он ушёл из жизни, у меня и возникла мысль превратить квартиру на улице Октябрьской в Вологде в литературный музей, своего рода дань памяти любви Белова к музеям.

– Не раз приходилось слышать от разных людей, что Василию Ивановичу «везло» на всякие приключения, в повседневности он часто попадал в экстремальные ситуации между жизнью и смертью. Так ли было, или это очередной миф?

– Трудно мне судить, в быту, в повседневности Василий Иванович был очень самостоятельным. Может быть, поэтому и случались неприятные истории. Однажды он поехал на лодке на рыбалку на озеро, любил один рыбачить. Лодка стала тонуть, до берега далеко, до дна глубоко. Кое-как доплыл до части озера, где был сопропель, он его и спас. В деревню буквально приполз, потерял столько сил, что не мог идти. Об этом он сам рассказывал.

А вот я была очевидцем другой ситуации. Дядя Василия Ивановича по материнской линии жил в Венесуэле. Как это получилось? Он воевал, был ранен, попал в плен; возвращаться на Родину не стал, потому что многих арестовывали. Он остался за границей, жил в Европе, потом уехал в Венесуэлу, и там долго жил. Но всё же решил вернуться на

Родину, выбрал город Моздок и переехал туда. Он нас пригласил к себе в гости, и мы поехали.

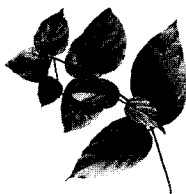
Вечером мы пошли погулять на берег Терека. Душно было, Василий Иванович разделся, с ходу – бух в воду. Думал, что это, как у нас, речка, а там вода ледяная, Терек же горный. Ноги у него начало сводить. Пустынное место, никого нет, дядя плохо плавает, а я вообще не умею плавать. Ужас был какой-то! Всё же он выплыл из этих бурных вод Терека, выбравшись на берег, сказал: «Я чуть не утонул, ребята!».

– Как Вы считаете, Ольга Сергеевна, может ли Грязовец претендовать на увековечивание памяти Василия Ивановича Белова, наряду с Тимонихой и Вологдой?

– Однозначно! Здесь по-настоящему началось его творчество, здесь он создал семью, Грязовец дал ему путёвку в Литературный институт, сохранились здания, которые помнят Белова. Так что дело за малым – увековечить память о нём и проложить сюда туристский маршрут.

– Спасибо огромное за обстоятельный, интересный разговор.

**ВОЛОГДА – МОСКВА,
октябрь–декабрь 2017 г.**

НЕ ЖЕЛАЛ ДАВАТЬ СОВЕТЫ

*Из переписки
Василия Белова с Елизаветой Лялиной*

На улице сияло зимнее чудо!

Всё – искрилось, сверкало, завораживало. Звучала тихая солнечная музыка морозного январского полдня. Главный исполнитель – окружающая природа.

В душе просыпались и звенели классические строки, усвоенные ещё в детстве: «Мороз и солнце, день, чудесный...».

Под голубыми небесами
Великолепными коврами,
Блестя на солнце, снег лежит;
Прозрачный лес один чернеет,
И ель сквозь иней зеленеет,
И речка подо льдом блестит.
Вся комната янтарным блеском
Озарена. Весёлым треском
Трещит затопленная печь.
Приятно думать у лежанки.
Но знаешь: не велеть ли в санки
Кобылку бурую запречь? 27/.

Леса или речки рядом не было, а уж о «бурой кобылке» и мечтать не приходилось. Вдали заманчиво зеленела кедровая роща из молодых и сильных деревьев. К ней-то от

жилого пятиэтажного дома и вела по заснеженной луговине узкая тропинка.

Пока мы шагали по ней, моя спутница Елизавета Фёдоровна Лялина рассказывала о роще, о себе, о своём творчестве.

Она, труженица, удостоенная звания «Почётный гражданин Грязовецкого района». Особо не выделялась среди земляков. В то же время её судьба хранила «тайну», сакральный смысл. Её юность выпала на тяжёлые годы войны. Она, тогда ещё девчонка в четырнадцать лет, наряду со взрослыми женщинами катала брёвна на лесозаготовках, гоняла плоты по рекам, выучилась на трактористку, хотя не женская эта профессия. Выбирать не приходилось: «Всё – для фронта, всё – для Победы!». В мирное время она получила диплом агронома и отдала любимой профессии тридцать лет.

А её заветным делом стала уникальная кедровая роща как память о любимом муже. При жизни её супруг Виталий Андреевич Лялин вместе с другом Ильёй Афанасьевичем Климовым заложили тогда ещё на окраине Грязовца необычный парк – более трёхсот маленьких кедров. Деревца прижились, конечно, благодаря заботе Елизаветы Фёдоровны и со временем превратились в кедровую рощу. Лялина так трогательно любила деревья, что написала и издала о них книжку. И ещё добилась, чтобы рощу наделили статусом «памятник природы».

Друзей, которые заложили рощу, давно уже нет на белом свете, а память о них жива, как бы подтверждающая истину, что добрые дела можно творить всегда, в любом месте, было бы только желание. В роще построили храм в честь Святителя Игнатия (Брянчанинова), причисленного к лику святых, уроженца села Покровское Грязовецкого уезда. И сейчас сюда стекаются на службы горожане.

... Мы вошли с холода в тепло квартиры. Лялина показала небольшие книжки стихов, рассказов, краеведческих исследований, изданные, в основном, на её личные средства.

Господь Бог щедро наградил её добротой, участием, от-

зывчивостью. Она пыталась выразить всё это в слове. Без творчества Лялина не представляла свою жизнь.

Не берусь судить о достоинствах или недочётах книг Елизаветы Фёдоровны. Но знаю, что на протяжении многих лет её произведения охотно печатала районная газета «Сельская правда», их тепло и доброжелательно встречали читатели.

А это важно: любому автору, какого бы уровня он ни достигал, нужна поддержка. В том числе и тех, кого называют «мастер слова».

Для Елизаветы Фёдоровны, без сомнения, таким мастером был Василий Иванович Белов. Он стоял для неё на первом месте, она знала и любила его творчество.

Поэтому и рискнула обратиться к Василию Ивановичу с просьбой дать оценку нескольким рассказам.

В июле 1993 года Е.Ф. Лялина получила от Белова ответ.
«Уважаемая Елизавета Фёдоровна!

Благодарю Вас за письмо, а ответить не знаю как.

Что посоветовать – тоже не знаю.

У меня есть родная сестра, которая пишет стихи и рассказы и обижается, что не помогаю ей печататься.

Как бы Вы поступили на моём месте?

Сейчас многие издают книги за свой счёт или с помощью меценатов.

Большинство этих книг бездарны, а Ваш рассказ-быль украсил бы любой альманах. Но альманахи сейчас не выпускают.

Желаю Вам всего доброго!

Вырезки возвращаю, может быть, они Вам пригодятся.

Василий БЕЛОВ. 6. VII. 93. Вологда». 28/.

В кратком, но по-своему содержательном, письме Белова некоторые «моменты» требуют пояснений.

Странно, на первый взгляд, что классик современной русской прозы не знал, что посоветовать автору из Грязовца. На самом деле, в том нет ничего странного. Творчество – всегда «личное дело», уж это-то Василий Иванович пони-

мал, как никто другой. Давать какие-то наставления он не решался, потому что автор сам должен определиться, как и что ему писать, а «совет со стороны» не всегда принесёт пользу, а иногда – даже вред. «Не навреди!» – вот чего, видимо, и опасался Белов.

Ссылка на родную сестру Александру Ивановну Мартьянову тоже показательна для Василия Ивановича Белова. Стихи, рассказы, повести А.И. Мартьяновой публиковал журнал «ЛАД вологодский», они были изданы. Ни к одной из них классик не писал предисловие. Да и вообще, насколько я знаю, очень редко Белов давал напутствие кому-либо. На моей памяти только к сборнику рассказов вологодского автора Александра Драчёва написал вступление.

А сестре «не помогал печататься». Не думаю, что Василий Иванович «ревниво» подходил к Александре Ивановне или не оценивал её способности. Она владела пером профессионально, у неё свой стиль, своя любовь к слову. Казалось бы, почему бы и «не порадеть родному человечку»? Авторитет Белова, без преувеличения, был огромный. Но это-то, похоже, и могло стать «препятствием». «Как бы Вы поступили на моём месте?» – спрашивал он у Лялиной.

Действительно, как бы?

Справедливо, на мой взгляд, замечание В.И. Белова, что книги, изданные за «свой счёт или с помощью меценатов» бывают, увы, бездарны. Может, и так. Редко встретишь произведения, достойные внимания.

Вернусь к переписке Белова с грязовецкой писательницей.

Очевидно, после первого письма от Белова она поработала над рукописью и выпустила сборник рассказов. Отправила его в Вологду Василию Ивановичу. Вскоре получила ответ, привожу его:

«Здравствуйте, уважаемая Елизавета Фёдоровна!

Благодарю за книжку и приглашение в Грязовец.

Книжку Вашу прочитал и снова вспомнил голодное детство.

Что такое рассказ – об этом никто не знает...

Каждый автор сам решает, что он пишет. Рассказ, этюд, зарисовка и т.д.

Всё же есть классическое определение какое-то.

Я считаю, для рассказа надо: сюжет, композиция, язык, настроение...

Вот и продолжайте осваивать всё это.

Желаю Вам здоровья и удачи.

Как только будет возможность, приеду в Грязовец на встречу с читателями.

Васий БЕЛОВ. 22. V. 96.»29/.

В данном письме, как и в первом, писатель мимоходом затронул некоторые стороны литературного творчества.

«Что такое рассказ – об этом никто не знает...» – откровенно признал Василий Иванович.

Признание удивительное!

Уж, казалось бы, кому-кому, а Василию Белову доподлинно известно, что есть «рассказ». Произведения, написанные им в этом жанре, «За тремя волоками», «Колоколёна», «Кони», «Даня», «Поющие камни», «Плотницкие рассказы», «Холмы» и десятки других, можно отнести к шедеврам русской прозы второй половины XX века. Тем не менее, такое вот его откровение. Писатель пояснял свою мысль: «Каждый автор сам решает, что он пишет».

Так, на мой взгляд, Василий Белов понимал свободу художественного творчества.

Творческая свобода автора!

Именно она, помноженная на талант, позволяла Ивану Тургеневу, Николаю Лескову, Антону Чехову и другим лучшим русским авторам создать произведения, которые, и спустя десятилетия, всё ещё радуют читателя.

А приехать в Грязовец на встречу с читателями после 1996 года Василий Белов, к сожалению, не смог...

В МИНУТУ ТРУДНУЮ

Помощь писателю пришла из Грязовца

Тихо и покойно на солнечной малиновой поляне в лесу. Крупные ягоды, будто сливы, висели на ветках, причудливо обвивших большую поваленную сосну. Раздвигая высокую крапиву, я пробрался к сосне, поднимал ветки, срывал ягоды. Настолько увлёкся, что позабыл обо всём на свете. Сколько времени? Где я? Это уже как бы и не волновало. Когда корзиночка была доверху заполнена отборной ягодой, я отошёл на край поляны и присел передохнуть на старый пенёк.

Неожиданно померкло солнце. Я не придал тому большого значения: наверное, облако закрыло. Вдруг услышал шум, будто заработало много мощных моторов. Я поглядел вверх и обомлел: кроны высоких деревьев мотало. За спиной что-то громко треснуло, я повернулся и увидел, как неведомая сила подняла ввысь мощное дерево, а затем сломала его пополам, будто спичку.

Страх засосал внутри – ураган!

Схватив корзиночку, я побежал по тропе, интуитивно оглянулся: на пенёк, где я только что сидел, грохнулась вековая осина, её ствол, ломаясь, затрещал. Когда я выскочил на опушку, ураган, которого ничто абсолютно не предвещало, ревел-бушевал над лесом, полем и моей деревней.

Вся округа пребывала в полном смятении.

Ослепительные молнии, будто небесная электросварка, пронзали темень от горизонта до горизонта. Гром ударял так, что колебался воздух даже возле ног, будто происхо-

дило дуновение ветра. Вслед грому обрушился сокрушительный ливень. Не помог бы никакой плащ, а уж о лёгкой куртке я и не говорю. Я знал, что оставаться возле леса в грозу и ураган очень опасно и припустил что было мочи по полю к дому.

Деревня напоминала осаждаемую стихией крепость.

Ураган срывал с избяных крыш листы шифера и разбивал о заборы. В воздухе кружились ветки, пакеты, куски досок. Я едва добежал до крыльца, промокнувший с головы до ног. И горячо благодарил Бога, что уцелел.

Зловещая картина бушующей стихии часто приходит на ум, когда размышляю, о, так называемых, «лихих 90-х годах».

Общественные потрясения во многом напоминают ураганную круговерт в природе. Но если в природе она всё же быстро проходит, порой даже не нанося большого ущерба, то в обществе потери от неё неизбежные и существенные. Изменения общественного уклада вызывают ломку судеб, утрату традиций, разгул страстей и самовластия.

Давно замечено: если страну постигают тяжёлые потрясения, то больше всего от них страдают творческие личности, связанные с культурой. Они, погружённые в образы и сюжеты, оказываются беззащитными перед хаосом нигилистов, вседозволенностью новоявленных «хозяев жизни».

Так было во время трёх революций в России в начале XX века, так же случилось и в конце, в 90-е годы, того же столетия.

На слуху имена замечательных русских поэтов Сергея Есенина, Алексея Ганина, Николая Клюева, Сергея Клычкова, их физически истребили «представители революционного класса». А такие звонкие писатели, как Иван Бунин и Иван Шмелёв, да и десятки других, вынуждены были покинуть Родину и скитаться по заграницам, чтобы сохранить жизнь и собственное творчество.

Смута нашего времени, вздыбившая Россию в 1991-1993 годах, тоже сильно ударила по представителям культуры.

Некоторые из них свели счёты с жизнью, не приняв мутного «демократического потока», захлестнувшего страну. Особенно это коснулось тех, кто прошёл сражения Великой Отечественной войны и знал истинную цену добру и злу.

Добровольно ушла в мир иной известная поэтесса Юлия Друнина, чьи стихи знали и любили миллионы читателей в Советском Союзе. Выстрелом из пистолета покончил с собой фронтовик Вячеслав Кондратьев, автор нашумевшей повести «Сашка» и других ярких произведений о войне.

Немало и тех, кто просто был вынужден замолчать из-за того, что нигде не печатали и не на что было жить.

Известный поэт и литературный критик Станислав Золотцев, с которым мне довелось дружить ещё со студенчества, сильно переживал трагические события, пребывая то в Москве, то в Пскове. Довольно точно поэт сказал о том, что время, из которого «я выпал», «обездолило писателей», иными словами, у них отняли их долю, их судьбу.

Дело даже не только в том, что по «либеральной указке» чиновники искусственно раскололи Союз писателей СССР на две части, отобрали или приватизировали издательства, журналы, дома творчества, ликвидировали поддержку авторов из бюджета. Наконец, дело даже не в том, что в либеральной прессе звучали «гневные» призывы «раздавить гадину», то есть расправиться с русскими писателями, как поступили «комиссары в пыльных шлемах», к примеру, с Алексеем Ганиным и Николаем Клюевым.

Со всеми напастями ещё как-то можно было смириться, хотя и сложно.

Трудно было смириться с другим. У писателей отобрали самое главное – возможность полноценно служить народу и Родине своим творчеством.

Ситуация коснулась всех без исключения. Даже таких признанных мастеров литературы, каким был к тому времени Василий Иванович Белов, чьи произведения уже знали во всём мире.

В трудное время я не раз встречал Василия Ивановича

где-нибудь на улице или на каком-либо общественном мероприятии. Когда речь заходила о литературе, помню, он сетовал, что очень трудно издать новые произведения, особенно публицистику, где писатель поднимал острые вопросы бытия современной России.

В Москве ведущие издательства, выпускавшие труды Белова, пребывали в жалком состоянии, всё по той же «финансовой причине». Туда можно было обращаться, уже имея поддержку доброго благодетеля. Ну, а в самой Вологде положение складывалось не лучше. Вологодское отделение Северо-Западного книжного издательства в Архангельске, охотно печатавшее книги местных авторов, по близорукости властей ликвидировали. Частные издательства, появившиеся уже при рынке, не располагали необходимым оборудованием и кадрами и только начинали приобретать опыт.

Нелепо, на первый взгляд, но это факт. В родной Вологде В.И. Белова не издавали в течение многих лет. «Года два назад, – признавался писатель в дневниковой записи, – забрёл я в Вологде в книжный магазин, спросил товароведа, почему нет моих книг. Она даже не знала, что ответить...».

И всё же, наверное, по воле Божьей, отчий край не остался в стороне. Помощь в трудную для писателя минуту пришла оттуда, где начинался его творческий путь – из Грязовца.

Не исключено, что однажды Белов в разговоре с кем-то из знакомых высказал наболевшее, а тот, очевидно, имел связи с чиновниками из областного правительства. И чиновник, почувствовав остроту ситуации, пообещал помочь писателю найти благодетеля.

Выбор пал на руководителя компрессорной станции «КС-17» в Грязовце.

Как-то утром в его кабинете раздался звонок, на проводе была Вологда.

– Не могли бы вы помочь издать книгу Белова? – спросил собеседник, представившись.

– Белова? – уточнил Симаков. – Какого Белова? Нашего?

– Да, Василия Ивановича, известного вологодского писателя.

– Не вопрос! – оживился Константин Павлович. – Постараюсь. Перезвоните через неделю, думаю, смогу сказать уже что-то конкретное.

На дворе стояло, по выражению Василия Белова, «странное время».

Руководитель самого крупного в Грязовецком районе предприятия вникал не только в своё производство, а оно сложное и разнообразное, но и во всё, что только можно представить. Ремонтировал заброшенные, а теперь заново открываемые храмы, помогал школам, поддерживал пенсионеров, художников, писателей, спасал от разорения народные промыслы...

– Если в моём кабинете поставить бы станок для печатания денежных купюр, – как-то пошутил он, – сколько можно было бы поддержать нуждающихся! Сколько сделать хороших дел!

Действительно, было бы здорово! Кто же такой станок установит?

Возможности, предоставляемые предприятием, Константин Павлович использовал сполна. «Лучше дать, нежели взять, – гласит одна поговорка русского народа, их собирал Владимир Даль. – Дай Бог подать, не дай Бог просить!». 30/.

«Подать» – стало потребностью, и он испытывал от неё радость.

А тут подсобить самому Белову!

Константин Павлович помнил, как в молодости «гонялись» за книгами писателя. Он сам старался приобрести их, не пропустить ни одну. Пересказывали на работе или в дружеском застолье похождения и приключения героев повестей «Привычное дело» или «Плотницкие рассказы». Чего стоили только одни сказки, их поведала детям старая бабка Евстоля: «В большой-то деревне, в болотном краю

жили невесёлые мужики, одно слово – пошехонцы, и всё-то у тех мужиков неладно шло...».

Однажды, будучи в Вологде, Симаков зашёл в книжный магазин. Удивился, что полки не пустые – завалены романами-приключениями, детективами, переводными и отечественными, брошюрами с советами на все случаи жизни. Полистал, посмотрел, а выбрать для души или для пополнения багажа знаний нечего. И, к сожалению, произведений Белова не было.

Практически всё, выходявшее из-под пера Василия Ивановича, востребовано читателем, будоражит мысль и чувство. Вот хотя бы неприметная брошюрка «Ремесло отчуждения» в восемьдесят с лишним маленьких страниц, на тему «Бюрократия и экология».

Сколько в ней тревоги и боли за судьбу русской деревни!

«Но поставим вопрос шире. Не то же ли самое чувство горечи, чувство унижения испытываем мы, уже как граждане своей страны, своего государства, покупая финские яйца и сметану, кубинскую картошку, голландское масло, канадскую муку на блины и аргентинское мясо на котлеты? Не знаю, кто как, а я не испытываю при этом особого восторга.

Происходят удивительные, можно сказать, необъяснимые вещи. Великая страна, обладающая грандиозными сельскохозяйственными угодьями, более чем тысячелетним опытом хлебопашества, мощным научным потенциалом и развитой промышленностью, не способна к продовольственному самообеспечению? Чушь и нелепость! В чём же тогда дело?» – вопрошал писатель. 31/.

В публицистическом повествовании Белов использовал и некоторые впечатления давней поры, когда жил и работал в Грязовце. «Комсомолец 30-х годов и ветеран партии С.В. Проничев из Грязовца рассказывал мне анекдотический случай с председателем колхоза, посланным в деревню одновременно с шолоховским матросом Давыдовым. Семён Давыдов хоть пахать выучился. Этот же, увидев в

окно навозный бург, возмущился и назвал навоз грязью и бескультурьем. Уже в те времена открылась борьба за чистоту на фермах, – отмечал писатель, – обернувшаяся борьбой с навозом. В централизованном порядке быстро ликвидировали подстилку. Начали строить скотные дворы с деревянными полами, а термин «навозоудаление» до сих пор в полных правах. Но разве зря народ испокон веков называл животные испражнения «ночным золотом»? Позволю себе напомнить читателям: богатство и состоятельность русского северного (и не только северного) крестьянства измерялась раньше не тем, сколько у него зерна в амбаре или денег в кармане, а тем, сколько навоза в хлеву. (Говорили, кстати, не навоз, а назём)». 32/.

... Вскоре Симаков получил от Василия Белова наброски издательского проекта. Он сразу позвонил одному из руководителей объединения «Севергазпром» в г. Ухте, где определяли использование благотворительных средств. Там дали согласие на издание книги.

– Ну, а дальше началась непосредственная работа с Василием Ивановичем, – вспоминал Симаков. – Я побывал у него дома на улице Мальцева в Вологде, душевно поговорили за чашкой чая. Речь шла об издании книги для детей «Рассказы о всякой живности». Как не поддержать книгу для ребят? Сумма финансирования была сравнительно небольшой. Руководство в Ухте её оплатило, и книга получилась замечательная. И после этого мы не теряли деловые связи.

Сотрудничество писателя с газовиками продолжалось ещё около двух лет. Благотворители помогли Василию Ивановичу подготовить и издать сборник публицистики.

Как в молодости, так и в зрелую пору Грязовец пришёл на помощь писателю в трудную минуту.

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава I

1. БЕЛОВ Василий. «Я был в наряде, когда Берия объявили врагом народа». Автобиография. Москва. Газета «Слово», 2012 г., № 35-36., с.5.

2. Там же.

3. Там же.

4. Там же.

5. БЕЛОВ Василий. «На делянке», из первой поэтической книги «Деревенька моя лесная», Вологда, Вологодское книжное издательство, 1961 г., с.25.

6. МАРТЪЯНОВА Александра. «Коси, коса, пока роса!». Беловские чтения. Вологда. Журнал «ЛАД вологодский», № 2, 2017, с.12.

7. БЕЛОВ Анатолий. «Письмо Василию Ивановичу Белову», Вологда, журнал «ЛАД вологодский», № 2, 2011 г.

8. БЕЛОВ Василий. «Я был в наряде, когда Берия объявили врагом народа». Автобиография. Москва. Газета «Слово», № 35-36, 2012 г., с. 5.

9. БЕЛОВА Ольга Сергеевна. Воспоминания о муже. Беседа с автором. 2017 г.

10. БЕЛОВ Василий. «Деревенька моя лесная». Стихи. Вологда, Вологодское книжное издательство, 1961, г., с.8-9

11. ЕСЕНИН Сергей. Собрание сочинений. М, «Правда», 1983 г., с. 115.

12. Газета «КОММУНАР», г. Грязовец, 7 ноября 1956 г., №90, с. 3.

13. В.БРЕДЕНЬ. «Целебный двугривенный», г.Грязовец, газета «КОММУНАР», № 72, 19 июня 1957 г., с. 3.

14. БЕЛОВ Василий. «Мне память ваша дорога», г. Грязовец, газета «КОММУНАР», 22 февраля, № 24, 1958 г., с.2.

15. БЕЛОВ Василий. «От души поздравляю», г. Грязовец, газета «СЕЛЬСКАЯ ПРАВДА», 8 марта 1969 г.

16. «СОСТАВ РАЙКОМА ВЛКСМ», г. Грязовец, газета «КОМУНАР», 5 декабря 1956 г.

17. БЕЛОВ Василий. «СТРАШНЕЕ ВСЕГО – ТИШИНА», г. Москва, журнал «Молодая гвардия», 1961 г.

18. Там же.

19. Там же.

20. Там же.

21. КОНОВАЛОВА Елена. «Воспоминания об отце – П.А. Чащине». г. Грязовец. Беседа с автором книги, ноябрь 2017 г.

22. ДЕБЕЛАЯ Валерия. «ИСТОРИЯ ОДНОЙ ФОТОГРАФИИ», г.Грязовец, школа №2, автореферат, 2017 г.

23. ЗОЛОТЦЕВ Станислав. «МАРКОВ С.Н. – поэт, писатель, историк, географ. Биографический очерк», Интернет – (источник – Институт Русской цивилизации), 2018.

24. БЕЛОВ Василий. «СТРАШНЕЕ ВСЕГО – ТИШИНА», Москва, журнал «Молодая гвардия», 1961 г.

25. Там же, с.194-195.

26. БРЫЛЕНКОВ Алексей, впоследствии известный грязовецкий священнослужитель; служил в храмах сёл Чернецкое и Раменье, г. Грязовца и других населённых пунктов.

27. ПУШКИН Александр Сергеевич. «ЗИМНЕЕ УТРО», Собрание сочинений, том 2., М., «Правда», 1981 г., с. 157.

28. БЕЛОВ Василий. «ПИСЬМО к Е.Ф.ЛЯЛИНОЙ от 6. VII. 1993 г.» Грязовец; ксерокопия письма передана автору краеведом Е.П. Коноваловой, ноябрь 2017 г.

29. БЕЛОВ Василий. «ПИСЬМО к Е.Ф. ЛЯЛИНОЙ от 22.V. 1996 г.» Грязовец; ксерокопия письма передана автору краеведом Е.П.Коноваловой, ноябрь 2017 г.

30. ДАЛЬ Владимир. «ПОСЛОВИЦЫ РУССКОГО НАРОДА», С-Петербург, «Диамант», 1966 г., т. 2, с. 462

31. БЕЛОВ Василий. «РЕМЕСЛО ОТЧУЖДЕНИЯ», Москва, «Советская Россия», 1988 г., с. 4-5.

32. Там же, с.27-28.

ГЛАВА II

ПЕЧАЛЬНИК
ЗЕМЛИ
РУССКОЙ

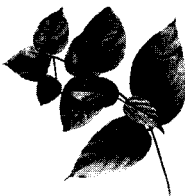
*Вологодская
тетрадь*

*Печальный Батюшков – во мгле,
В земле своих Прилук...
О, сколько было на земле
Свиданий и разлук!*

*И сколько горестных утрат
На гибельной стезе...
Вся жизнь – как чёрный виноград
На сломанной лозе!*

Сергей МАРКОВ.

ПОД ЗВЕЗДОЮ ПОЭТА БАТЮШКОВА

Вспоминаю, как я впервые увидел Василия Ивановича Белова.

Тут необходимо уточнить обстоятельства, которые этому предшествовали.

... Дул непрерывный ветер из древней степи, без отдыха днём и ночью; то сильнее, то тише, но без остановок – всё дул и дул.

Свежак, странник вечный, он вольно гулял на просторах от тёмно-синего неоглядного Каспия до скромных отрогов седого Урала.

Ветерок крутил пыльную позёмку по широкой бетонке и гнал её к зеленеющей вдали лесополосе.

Когда все вошли в салон, то сразу забыли в уютных креслах о назойливом ветре-степняке.

Лайнер «Ту», развернув мощный корпус, вырулил на взлётную дорожку, прибавил обороты турбинам. Лёгкая дрожь пронзила обшивку салона, и стальная птица всё быстрее и быстрее покатила, неощутимо взмыла в синеву и стала набирать высоту.

Внизу, удаляясь, лежала неразгаданной тайной Великая степь. Я остро почувствовал, как успел полюбить её, прикипеть душой к её пугающей беспредельности и какой-то детской беззащитности.

Причудливые виды природы Южного Урала, разные и

неповторимые, мелькали в сознании, будто кинохроника, заставляя сладко биться сердце.

Опьянённый солнцем апрель растопил снега в горах, лощинах, оврагах, и потоки отовсюду потекли в разбухающий Урал. Это была уже не река, а океан какой-то – бурный разлив подступал к жилым кварталам, грозя безудержной стихией. Стоя на берегу, не окинуть взглядом равнину с большой дубовой рощей, наполовину утопающей в воде...

Двигаясь в сторону Казахстана, мы остановились, чтобы передохнуть и вышли из машины. Я замер от красоты. Вдалеке под лёгким дуновением степняка колыхалось, переливалось море серебристого ковыля.

Не передать восторг, наполнивший душу!

Шёлковый ковыль, как и дикие красные тюльпаны, уже почти нигде не встретишь – степь распахали на поля.

А тут – ковыльное чудо!

Теперь всё это уходило в сторону, отодвигалось в потаённые уголки памяти, заслонялось коротким названием – Вологда. Далёким, лесным, неизведанным тянуло от него, но и одновременно чем-то близким. Судьба делала очередной разворот в сторону Русского Севера.

В Москве давний приятель и коллега по работе в газете «Правда», впоследствии известный прозаик Александр Арцибашев, напутствовал меня в «ольховую столицу».

– К Василию Ивановичу едешь, – обронил он фразу, показавшуюся мне странной. – Я тебе по-хорошему завидую!

– К какому Василию Ивановичу? – спросил я товарища, не понимая, о ком он говорит.

Руководителя области (тогда им был первый секретарь обкома партии), я знал, звали-величали иначе.

– К Белову! – удивлённо взглянул Александр. – Вот, к слову, вспомнил: мы договорились с ним о сотрудничестве, надо подготовить выступление Белова. Тебе придётся включиться в это без раскачки.

– Ладно, – согласился я. – Обустроюсь, сразу возьмусь.

Тогда было неудобно уточнять, почему Арцибашев, го-

вора о Вологодчине, на первое место поставил Василия Белова. Но вскоре я убедился в том, что Александр был прав. Ко многому имел отношение Белов. Его мнение, гражданскую позицию власти учитывали, решая вопросы культуры, экологии, русской деревни, творчества местных авторов.

Привычке пересекать большие расстояния по воздуху я не изменил и в тот раз. Авиарейс «Москва-Вологда» выполнял «Як-40». Мы вылетели из аэропорта Быково, и через час стюардесса объявила, что идём на посадку. Первое, что я увидел, когда самолёт снижался, золотой купол высокой звонницы и стального цвета луковицы Софийского собора, рядом – тёмную ленту реки.

После современного Оренбурга, что вольно раскинулось на десятки километров на высоком берегу Урала, Вологда предстала передо мной провинциальной, патриархальной, словно выступившей случайно из далёкого прошлого.

Первое впечатление, вероятно, обманчивое, но оно было именно таким.

Весна уже на полном излёте хозяйничала на улицах. Свежая травка зеленела на газонах, в клумбах раскрывали бутоны разнообразные цветы. В воздухе витал дух праздника, особенно на Соборной горке, где ожидалось центральное событие Дней славянской письменности и культуры – увековечивание памяти великого русского поэта Константина Батюшкова.

29 мая 1987 года отмечали 200 лет, он родился в 1787 году в Вологде, в семье Николая Львовича и Александры Григорьевны Батюшковых. До девяти лет мальчик жил с родителями в их имении, в селе Даниловском Бежецкого уезда Тверской губернии. Ныне эта усадьба в Устюженском районе Вологодской области.

Довольно рано Константин проявил интерес к изящной словесности и сам пробовал сочинять. В 14 лет, будучи учеником пансиона морского кадетского корпуса, Батюш-

ков предпринял первый литературный опыт – перевёл на французский язык «Слово митрополита Платона по случаю коронации Александра I». Пошехонскому помещику Павлу Соколову, знакомому Николая Львовича Батюшкова, понравился перевод юного Константина. И помещик издал его отдельной брошюрой, выступив в качестве благотворителя.

Так начался путь в литературу будущего замечательного мастера поэзии. Вскоре он поступил на службу в Министерство народного просвещения. Проживая в Москве, молодой поэт завёл знакомства с членами «Вольного общества любителей российской словесности, наук и художеств». В общество входили известные литераторы той эпохи Дмитрий Языков, Николай Радищев, Николай Гнедич, Гавриила Державин, а чуть позже – Иван Крылов.

В январе 1805 года Константин Батюшков, ему было 18 лет, впервые опубликовал свои стихи в московском журнале «Новости русской литературы».

В летописи отечественной культуры Батюшкова часто называли предшественником и учителем поэта Александра Пушкина. И это, действительно, так. Много чего молодой Пушкин творчески «заимствовал» у Батюшкова, развил и продолжил. «На ниве русской поэзии, прополотой Батюшковым, – писала в дни юбилея областная газета, – уверенней пошёл в рост и налился в дивный колос талант гениального Пушкина. И мы горды уже тем, что судьба поставила их рядом, что они пожимали друг другу руки, что на полях его книги, скромно названной «Опыты в стихах», Пушкин оставил свои восхищённые и благодарные пометы». 1/.

Уже современники оценивали поэтический дар Константина Батюшкова очень высоко, ему делали посвящения. Поэт из старинного города Тотьмы Феодосий Савинов, автор слов известной народной песни «Вижу чудное при-волье...», в 1887 году написал стихотворение «Памяти К.Н. Батюшкова».

Вот небольшой отрывок из него.

Любил он наш Север, природу родную,
«Светила любезного» сердцу искал.
И грусть, и печали, и душу больную
Лишь только в родимом краю врачевал...
Он странствовал много и часто при жизни,
Отторженный рано от дома судьбой,
Но с юга, прекрасного юга, к Отчизне,
К любимым Пенатам он рвался душой.
При солнечном блеске луна померкает, —
Но в Божием мире всему свой черёд:
Забвенья себе наш поэт не узнает,
И имя его на Руси не умрёт. 2/.

Вологодская тетрадь

Существует ещё одна, чрезвычайно важная особенность творчества Константина Николаевича Батюшкова. О ней в советский период нашей истории умалчивали по причинам, вполне ныне понятным. Его поэзия устремлена к тайнам Православия, они её питают. Его поэзия дышит глубокой Верой, отражает сердечные движения и устремлённость души к Богу. Этим он противостоит «чужебесию Запада», а также декабристам, среди которых у него было немало товарищей.

Духовную высоту, которой достигали стихи Батюшкова, не всегда мог понять даже Александр Пушкин. Поэт Батюшков категорически не принимал стремление «прогрессистов» разрушить русскую православную государственность. Этому посвящена поучительная повесть современной вологодской писательницы. 3/.

... Накануне Дней славянской письменности, совпавших с юбилеем поэта, была опубликована беседа с Вячеславом Клыковым, известным русским и советским скульптором, он создавал памятник Батюшкову. На вопрос, что привлекло его в вологодском краю, Вячеслав Михайлович ответил так: «Ощущение единства культуры, единства взглядов на

поэзию, литературу, архитектуру, которое объединяет с многими моими вологодскими друзьями.

Я из Курска. Вы знаете, как пострадал город в войну, и в нём нет тех ценностей, что есть в Вологде. То, что хранится у вас в музеях, является нашими непреходящими ценностями. Вот это духовное богатство наше и притягивает.

И, конечно, присутствие такого писателя, как Василий Белов, который создаёт собственное силовое поле. И, конечно, Батюшков...» 4/.

Это «силовое поле» я и ощутил чуть позже, когда началось памятное событие на Соборной горке у белокаменного вологодского Кремля. В числе приглашённых и я стоял на площадке, в глубине которой большая белая ткань закрывала скульптурную композицию. Вся вологодская «элита» тех дней собралась сюда, важные гости из Москвы, среди них, конечно, скульптор Вячеслав Клыков.

Взрослые, молодёжь и дети заполнили пространство от Софийского собора до Воскресенского собора. Бросилось в глаза и запомнилось, что люди были одеты довольно бедно, их внешний вид как-то не вязался с величием Софийской звонницы и всего древнерусского облика Кремлёвской площади. Но эта горчинка промелькнула в сознании лишь на какую-то минутку.

Играла бодрая музыка.

Наступил момент торжества.

В микрофон оратор вещал про поэзию Батюшкова, её питали источники народного языка родной Вологодской земли, песни и предания, которые он услышал в «краю брусники и клюквы»...

Право открыть памятник Батюшкову предоставили родственникам поэта, литературному критику из Москвы Валерию Дементьеву, прозаику Василию Белову и почётно-му гражданину Вологды А. Крошкину.

Они подошли к композиции, сняли покрывало, и в полный рост предстала фигура поэта рядом с верным спутником – боевым конём, товарищем в военных походах.

На постаменте сверкала надпись: «К. Батюшкову от благодарных потомков».

– Образ пасущейся на лугу лошади с детства привлекал меня, – признался автор скульптуры Вячеслав Клыков в упомянутой беседе. – Тот же образ мы находим в поэзии Рубцова, да и Батюшкова. Вообще, отношение к памятнику – важный аспект культуры. В памятнике фокусируется и выражается национальная идея во времени. В памятнике должна проступать не схема, а человечность; и в форме, и в масштабе – внимательное отношение к среде. И это хотелось выразить в памятнике Батюшкову.

Дополняли фигуру поэта размещённые на гранитных тумбах две небольшие скульптуры: богини войны Афины Паллады и богини поэзии Музы.

Неподалёку от микрофона, где ораторы сменяли друг друга, я увидел писателя Василия Белова. Он стоял ко мне вполоборота – невысокий, весь седой, белый, как лунь, в потёртом светло-коричневом плаще. «Да, – подумал я, – не легко живётся русским писателям, если многотрудная работа над словом столь изнуряет...».

Вид у него был, действительно, усталый.

Но что меня поразило – взгляд. Я уже хотел было подойти к нему и познакомиться. Но, заметив, что взгляд его как бы излучал особый свет, остановился. Да, в глазах его был загадочный блеск или свечение. Наверное, ощущалось то самое «силовое поле», о котором упомянул Вячеслав Клыков.

Мне это запомнилось. Не знаю, заметили другие или не заметили? Скорее всего, не заметили, потому что в повседневном общении привыкли и к облику, и к взгляду, и к манере Белова. А я живым видел его впервые. И мне этот взгляд запомнился. Не знаю почему, но больше мне не виделся таким светящимся его взгляд, хотя приходилось беседовать с ним не раз.

Позже я прочёл дружескую эпиграмму на Василия Белова замечательного вологодского поэта Юрия Леднева, к которому Белов относился с большим почтением.

С черновиками нет покоя,
Аж руку от стила свело.
А впечатление такое,
Что сразу пишет набело. 5/.

Обживать на новом месте хлопотно, и я окупился в море хозяйских забот. По традиции, существовавшей в редакции, собору выделяли служебное жильё предшественника. Так было и в Оренбурге. В Вологде мой коллега по личным обстоятельствам не уехал из города, и я попал в непростую ситуацию. Но местные власти пошли навстречу.

– Можем предоставить квартиру Белова, – предложил первый секретарь обкома партии Валентин Купцов. – Она свободна, он только что переехал на улицу Октябрьскую. Или, если она не устроит, поищем другой вариант.

– Да мне, собственно, всё равно, – сказал я. – Главное, чтобы удобно было для работы, я работаю дома.

– Претендентов на беловскую квартиру хватает, – заметил секретарь как бы между прочим.

Мне было не с руки «бороться» с конкурентами.

– Хорошо, давайте посмотрим, – дал я согласие.

С работником обкома мы прошли пешком минут десять от гостиницы и попали в квартал, который он назвал «дворянским гнездом». Ну, уж и «дворянское»!? На Южном Урале такие «гнезда» были за высокими заборами и непременно с охраной. «Колчак с Дутовым напугали, так до сих пор боятся!», – шутил знакомый.

В Вологде в «дворянском гнезде» стояли обычные кирпичные дома без охраны. В угловом доме на улице Мальцева мы поднялись на четвёртый этаж и осмотрели хоромы, где долго жил и творил Василий Иванович Белов. Жильё мне понравилось, одну из четырёх комнат можно было оборудовать под рабочий кабинет.

– Ну, тогда по рукам? – спросил обкомовец.

– По рукам! – подтвердил я.

– Сделаем небольшой ремонт и милости просим, – продолжал он.

Через некоторое время я с семейством переехал, как бы незримо вступил в определённое «родство» с писателем.

Василий Иванович, будучи в весёлом настроении, иногда шутливо произносил в какой-нибудь компании:

– Этот человек из моей квартиры!

Собеседники бросали на меня недоуменные взгляды с оттенками зависти.

Пора наступила «взрастать» в местные дела, и я вспомнил о поручении Александра Арцибашева. Начал готовиться к разговору с Василием Ивановичем, тема которого возникла само собой – русская деревня. И, думаю, неслучайно.

Я переехал на Русский Север из степного края, где село определяло всё – экономику, социалку, культуру, несмотря на существовавшую в Оренбуржье мощную, развитую промышленность. Забота о хлебе – вовремя посеять миллионы гектаров, вовремя убрать урожай, вовремя вспахать зябь – заполняла повседневность степняков. В этом смысле Вологодчина была похожа на Оренбуржье, но со своей особенностью – главную «скрипку» играло молочное и мясное животноводство.

А уж Василий Иванович, я хорошо знал, стоял в центре нужд и забот северной деревни, воспринимал их как кровные.

Всё же накануне встречи я перечитал замечательные труды деревенского экономиста и писателя Александра Чайнова, жившего в начале XX века, тогда они только что вышли в свет из-под «спуда цензуры».

Белов охотно согласился придти в гости.

– Взгляну заодно, – добавил он, – как устроились в моей квартире.

В назначенный час, 26 марта 1988 года, Василий Иванович пришёл на улицу Мальцева, дом 19, в квартиру 26.

Писатель переступил порог, и я заметил в его руке свёр-

нутые рулончиком листки. В них были наброски того, о чём писатель хотел поведать миллионам читателей самой массовой газеты Советского Союза – «Правды».

Василий Иванович достал из пакета свою книгу и подарил мне с надписью: «Геннадию Алексеевичу Сазонову в честь нашего доброго знакомства». Это был новый нашумевший роман «Всё впереди», вышедший год назад в издательстве «Советский писатель» тиражом в 200 000 экземпляров, что по нынешним временам даже трудно представить.

– Вот ещё «Роман-газета», – протянул мне второй подарок писатель и оставил автограф на обложке.

Это было популярное издание повестей «Привычное дело», «Плотницкие рассказы», «Воспитание по доктору Споку».

– Сердечно тронут! – поблагодарил я Василия Ивановича.

Кратко я поведал о себе, Белов заметил, что он заочно знаком со мной по публикациям в прессе.

Мы сели за стол, и началась наша беседа. Много, о чём говорил Белов, было для меня настоящим откровением, а что-то – и открытием.

С того памятного дня минули десятки лет.

Боже, как быстро пролетело время!

Но прошедших лет как бы и не существует, когда я беру кассету, включаю диктофон и слышу неторопливый, с характерными интонациями, голос Василия Ивановича Белова.

Голос искреннего печальника земли русской.

Да, печальника!

Он ставил её благополучие выше всего остального в жизни.

Беседу под названием «Возродить в крестьянстве крестьянское...» редакция поместила на целой странице под рубрикой «Правдинские пятницы». 6/. Она вызвала огромный читательский отклик. Письма шли потоком в Москву

и в Вологду, причём, на конвертах иногда писали просто: «Вологда, писателю Белову», и послания доходили.

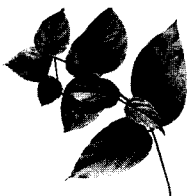
Своя «кухня» существует в любой редакции. И, естественно, была она и у нас. В текст беседы я добавил что-то, что-то уточнил Александр Арцибашев, фразу-другую, наверное, подправил главный редактор, замечательный публицист, фронтовик, боевой лётчик Виктор Афанасьев.

Ныне, когда у нас идёт разговор о личности Василия Белова, я хочу представить давнюю беседу в «натуральном виде», без добавлений и купюр.

Думаю, Василий Иванович Белов не стал бы возражать.

Мужик беды не меряет,
Со всякою справляется,
Какая ни приди.
Мужик, трудясь, не думает,
Что силы надорвёт...
Где не пробраться лошади,
Где и без ноши пешему
Опасно перейти,
Там рать-орда крестьянская
По кочкам, по зажоринам
Ползком ползёт с плетюхами, –
Трещит крестьянский пуп!
Николай НЕКРАСОВ,
из поэмы «Кому на Руси жить хорошо».

СУДЬБА ДЕРЕВНИ

Необычную картину наблюдал я осенью в центре Вологды. На подходе к книжному магазину стояла длинная очередь за новой книгой Василия Белова. И подумалось: такое зримое читательское признание само по себе говорит об авторитете и весомости слова автора.

Немногим современным писателям удалось столь ярко и проникновенно отобразить бытие крестьянства Русского Севера, как это сделал Василий Белов. Для людей разных возрастов его книги стали настольными, привлекая глубиной мысли, широтой обобщений, искренностью.

Читая Белова, ощущаешь неподдельную тревогу за судьбу русской деревни, за сохранение земли-кормилицы и всей окружающей природы, за сбережение крестьянского миропорядка.

О «столбовых» темах в творчестве – беседа с писателем.

Часть первая

О РУСОФОБИИ

– Я хотел начать с того, что русофобия, которая в моде в мире и в Европе (нельзя закрывать глаза на это явление!), тесно связана с недоверием и даже с ненавистью к русскому крестьянству в определённых кругах, – приступил к беседе писатель. – И в прошлом такое отмечалось, и нынче, то есть, явление имеет свои корни, на мой взгляд.

За что ненавидят прошлое крестьянства? Я говорю не о тех, кто понимает, кто нейтрален или даже с любовью относится к русскому крестьянству. Я говорю о тех, кто – ненавистники, об этом можно много сказать, но они существуют, я знаю точно. У меня есть документы и факты.

– В чём вы видите истоки ненависти?

– На мой взгляд, ненавидят русское крестьянство за прошлое России, которое было своеобразным. За то, что крестьянин держал на своих могучих плечах всё государство экономически, в военном плане – рекрутов давало крестьянство; в духовном и культурном смыслах. Да и во всех других смыслах крестьянство несло на себе могучее государство.

Этот порядок, это состояние были, на мой взгляд, разрушены после революции. Хотя, конечно, по инерции традиция ещё долго продолжалась. Если бы не крестьянство, допустим, как бы могла советская Россия выжить? Ведь рекрутов всё равно в Красную армию поставляло крестьянство. А если взять более поздний период? Кто вливал силу

в промышленность? Опять же крестьянство! Правда, здесь уже примешивается тема трагическая.

Откуда черпали кадры в Великую Отечественную войну в промышленность и в армию? Тоже из крестьянства, в основном.

Не любить крестьянство – значит, не любить самого себя. Так получается! И уничтожение крестьянства, ликвидация крестьянства – это равносильно тому, что человек сидит и рубит сук, на котором он сидит. То есть, сам себе вредит тот, кто подобным образом относится к крестьянству. У нас и в современной интеллигенции есть отголоски такого недоброжелательства к этому слою населения нашего.

– Василий Иванович, само понятие «русофобия» в вашем представлении что означает? Можно раскрыть подробнее? Как вы понимаете это явление?

– Я читаю зарубежные издания, я слушаю голоса «западные» – передачи их радиостанций, там мотивы русофобские звучат очень сильно. Тут можно говорить очень много о западной пропаганде. Сейчас у нас началось сближение с Западом. Я отнюдь не против такого сближения. Я за дружбу! Но почему же дружба односторонняя получается? Они нас паскудят всячески, а мы с ними всячески заигрываем. Это мне совершенно не нравится! Паскудят они нас по-прежнему, только всё это более хитро происходит. У них пропаганда поставлена лучше, чем у нас. И мы ничего не противопоставляем им, а молодёжь заражается «такими вещами», я считаю, что это очень плохо.

Я отнюдь не хочу конфронтации. Но и проходить мимо явлений, когда от них несёт русофобией, считаю, нельзя. Вчера, например, радиостанция «Би-би-си», которую у нас «глушат» (а я слушал), вела гнуснейшую совершенно литературную передачу, не помню автора, «Москва-Петушки» называлась. 7/.

Уже несколько вечеров «Би-би-си» передаёт эту мерзость. Паскудная литература, это даже литературой нельзя

назвать, а они преподносят как литературное явление.

Или взять выступления Аксёнова 8/, других, там много таких. Это русофобия в прямом смысле, в чистом виде – ненависть ко всему русскому. Она, впрочем, есть и внутри страны, не только за границей. И она очень часто выражается в том, что видят в крестьянстве русском отсталый элемент, непрогрессивный что ли элемент, хотя ещё совсем недавно большую часть народа составляло крестьянство. Да оно и сейчас, вообще-то, большую часть составляет.

Вот в этом смысле я и упомянул русофобию.

ВРАГ КРЕСТЬЯНСТВА – ТРОЦКИЗМ

– Всё же, насколько я помню из истории, ненависть к русскому крестьянству усилилась после крушения Российской Империи, разгула жестокости и насилия после осуществления революции...

– Если говорить об отношении к крестьянству, то нельзя не вспомнить Троцкого. Троцкизм и крестьянство – тема в нашей науке совершенно не разработана. Вот и сейчас, во времена гласности, она не только не разрабатывается, а наоборот – замалчивается. Единственное, что косвенно сейчас получилось, коснулось этой темы – это публикации по поводу Чаянова и реабилитация Бухарина. 9/.

Но наука пока не говорит открыто о взаимосвязи троцкизма и уничтожения крестьянства.

Ведь нужно просто знать Историю!

Мы судим об Истории, например, по тому, что сейчас говорится. А сейчас не говорят о том, что троцкизм был злейшим врагом государства, в особенности – крестьянства.

– Да, сейчас на частностях останавливаются, на каких-то подробностях личности Троцкого, а о сути того, что он творил, помалкивают.

– Я бы вспомнил здесь Гражданскую войну, когда Троц-

кий и его компания выдвинули идею рассказывания на Дону. Гражданская война на Дону во многом была спровоцирована именно действиями троцкистов. Рассказывание, когда расстреливали, уничтожали, – это был практически геноцид.

- В обширном Оренбургском крае было то же самое...

- Да, и там. Всё делалось под видом того, что, дескать, в царской России казачество существовало в привилегированном положении, казаки имели больше земли, чем остальные, им полагались какие-то льготы государственные. Но мы забываем о том, что казачество несло службу, военную службу, оно всегда было мобилизовано. В случае военных конфликтов казачество поставляло государству армейские кавалерийские части. И уничтожить целый слой, многомиллионный слой крестьянства – казачество, это было тоже преступлением. Об этом мы забываем почему-то...

И если говорить об этом преступлении, то надо начинать с Григория Мелехова. Это самый трагический образ нашей литературы, и он злободневен и до сего времени.

- То есть, мы можем сегодня видеть, что обретает какой-то новый поворот, новый смысл великий образ, созданный гением Михаила Шолохова?

- Да, конечно. Этот образ осмысливается совершенно по-новому в наших условиях, шире просто, он просветляет многие проблемы. И вот, если бы я вспомнил сейчас, что писали о Шолохове в 20-х и 30-х годах XX века, это было бы полезно узнать читателям. Но это тема другого разговора, а не того, который мы ведём.

Троцкий выдвинул идею, так называемых, «трудармий». Это – принудительное сельскохозяйственное производство, мобилизация, полная армейская дисциплина, казарменный быт и так далее. И он вводил свою идею в оборот. Вообще, троцкизм не был оригинальным. Ещё при царе Александре I государственный деятель князь М.М. Щербатов в книге

«Путешествие в землю Офирскую» 10/ предлагал идею военных поселений. Это было во времена «наполеоновских войн». Царь Александр I под давлением приближённых вводил военные поселения. Их приписывают обычно Аракчеву, но, как выяснилось, Аракчев был против поселений. Идеологически поселение обосновывалось этой книгой Щербатова, она была, так сказать, русской утопией по поводу крестьянства и утверждала идеи, которые через десятки лет стали называть «троцкистские». А вдохновителем поселений был некто Сперанский, известный деятель, он писал даже статью, которая обосновывала идею поселений.

– **Сперанский, о котором Лев Николаевич Толстой писал?**

– Да, тот самый Сперанский.

Так что, повторюсь, Троцкий не был оригинальным в этом деле. Военные поселения, трудармии, полное подчинение крестьянства государству. Троцкий ненавидел русское крестьянство, он хотел его уничтожения, и это во многом свершилось, к сожалению. Троцкистские методы были введены в обиход крестьянства.

Передышка была вот только после Гражданской войны – до 1928 года. Когда крестьянин, действительно, владел землёй, когда, действительно, ему была дана какая-то экономическая свобода.

А затем, после 1928 года, троцкистские идеи снова восторжествовали. В чём это выразилось? Непосильные налоги, займы, реквизиции, изъятия кооперативных средств. Ну и, наконец, массовые репрессии – расстрелы, суды, выселения. Миллионы крестьянских семей пострадали. Об этом говорят сейчас и наши историки. Но они, историки наши, пока не подсчитали, сколько погибло народу. А если и подсчитали, то не говорят.

Эти репрессии продолжались буквально до начала Великой Отечественной войны – до 1941 года. Это я тоже могу доказать, если кто выскажет сомнение – с цифрами и фактами в руках. Элементы раскулачивания, элементы вы-

селений были, но уже не такие массовые, как в 30-е годы, давление на крестьянство осуществлялось уже через колхозы.

Таким образом, идеи троцкизма продолжали действовать, хотя идейно и организационно троцкизм был разгромлен. Но идеи-то троцкизма остались и фактически продолжали действовать. Более того, я хочу сказать, что они действуют и сейчас, ещё сиюминутно.

НАЛОГИ СТРАШНЫЕ

– Казалось бы, Василий Иванович, грянула война, Родина в опасности, власти могли бы как-то смягчить своё отношение к крестьянству?

– Этого, увы, не произошло. Во время Великой Отечественной войны налоги были страшные с колхозов, индивидуальных хозяйств и приусадебных участков. Не оставалось ничего, люди погибали с голоду, этому я сам был свидетель. А громадные запасы зерна были в складе, в бывшей церкви до самого конца войны, а люди гибли с голоду. А запасы зерна были! И ежегодно колхозы сдавали очень много зерна. Я сам лично возил мешки зерна; как только обмолят, и сразу везём в церковь на склад. И этот склад был вывезен чуть ли не после войны, а в селе были случаи голодной смерти.

Отголоски троцкизма не стихали и во время войны, и после войны. В 50-х годах продолжалось «раскрестьянивание». С самого послевоенного времени и дальше. Троцкистские методы воплощались, например, в укрупнении колхозов. Я считаю, что укрупнение колхозов во времена Хрущёва было вредным явлением. Уничтожались лучшие хозяйства и низводились до худших хозяйств.

– Ещё Хрущёв запрещал крестьянам держать личный скот, ограничивал приусадебные участки, мол,

лучше трудитесь на «общественном производстве». Что это, как не продолжение идей Троцкого?

– Да, да, так. Но это был короткий период. А потом всё складывалось так: от одного откажемся, кто-то придумывает другое. Волюнтаризм дикий! До сих пор диктуют мужикам, как себя вести в той или иной ситуации. Я сам знаю это по родной деревне: что сеять, что не сеять, чем кормить, чем не кормить...

«НЕПЕРСПЕКТИВНЫЕ» ДЕРЕВНИ

Троцкистский метод восторжествовал и в пресловутой «неперспективности» деревень. Я считаю, что должны были нести ответственность люди, которые готовили и внедряли «неперспективность». Они до сих пор не ответили за это преступление.

– Цель, смысл «неперспективности», на ваш взгляд? Почему это делалось? В моей родной Калининской области в «неперспективные» попали около шести тысяч деревень. Представляете!? А в годы Великой Отечественной войны на тверской земле фашисты разрушили пятьсот сёл и деревень. А тут – в 12 раз больше!

– Так вот, я и считаю, что было совершено государственное преступление! У нас в Вологодской области то же самое, уничтожены тысячи деревень, об этом я подробно пишу в статье в журнале «Новый мир».

Я не знаю, кому это было нужно! Но это опять же было основано на той русофобии, с которой мы начали разговор, и на негативном отношении к крестьянству вообще. Есть в мире силы, которые ненавидят государственный образ жизни, и очень печально, что среди русской интеллигенции такие силы есть.

– Если они разумные люди, то их ненависть должна

быть на чём-то основана, а не являться стихийной ненавистью?

– Видите, я не разобрался в этом деле всерьёз. Но я знаю, что существуют такие силы. Ну, какой смысл противопоставлять город деревне? Это нелепость! Многие из городской интеллигенции считают, что деревня покушается на город и так далее и тому подобное, что деревня «задушила» город – всё это глупости дикие. А враги государства действуют по своим принципам, главный из которых – уничтожить крестьянство, что, вобщем-то, у нас и произошло. Великая страна – мы не можем обеспечить себя продовольствием, закупаем «натовское» сливочное масло, залежалое, и везём сюда...

Это позорное явление, я так считаю!

Вологодская губерния

Часть вторая

О КРЕСТЬЯНСКОЙ КООПЕРАЦИИ

– Вчера, Василий Иванович, закончился Всесоюзный съезд колхозников, весьма значимый, я считаю. А что Вы думаете о нём?

– В перестройку совещаний, собраний, заседаний оказалось не меньше, чем раньше, а больше. Почему? Я не знаю! Но съезд колхозников всё же не рядовое, мне кажется, событие. Чувствуется в некоторых выступлениях изменение отношения к крестьянству. Речь шла, в частности, о кооперации крестьянской, а не о той, которая была внедрена в деревню после революции, то есть, мы возвращаемся к идеям Чаянова, и это очень приятно. На этом пути мы только и можем выжить, я так считаю, иначе мы окажемся в зависимости полнейшей от Запада.

Если говорить о кооперативах, то здесь будет очень много трудностей.

О кооперации в деревне мы просто забыли. Наша историческая наука умалчивает о том, что ещё до революции была создана могучая кооперативная система в России, я имею в виду именно деревенскую кооперацию, а не городскую, промышленную. По опубликованным данным, на 1 января 1917 года в Российской Империи действовало 63 тысячи кооперативов, они объединяли 24 миллиона членов-пайщиков.

Это – огромная сила!

Если взять сибирские кооперативы, то у них были грандиозные обороты финансовые, они торговали с границей. Об этом очень хорошо знает Сергей Павлович Залыгин, в одной из своих последних книг он как раз говорит о кооперативном движении в Сибири.

У нас на Севере, в крупном селе Ошта, оно рядом с Онежским озером, создали первый кооператив, по-моему, в начале XX века. И с тех пор пошло кооперативное движение очень широкое и глубокое. Это истинно народное движение, инициатива шла «снизу», без всяких давлений «сверху». Государство, естественно, помогло. Возник «Крестьянский Банк», крестьянин мог взять льготный кредит. Действовали мелиоративные организации, то есть, мелиорация тоже шла «снизу», а не как сейчас, «сверху», от Минводхоза. Эта организация, я считаю, стоит над крестьянином.

Уже в 20-х годах, ещё до колхозов, создавались машинные станции, товарищества по обработке земли, маслоартели, льноартели... Всё это – ядрёные кооперативы, они развивались, укреплялись. Была не только сбытовая кооперация, но и производственная. Чайнов как раз в своих работах и развивал эти идеи.

Необходимо помнить, что всё это было до революции. А мы делаем вид, что ничего этого не было. Вот только твердят одно: «У нас было крепостное право, у нас было крепостное право...». Мы забываем о том, что в России из всего числа крестьян меньше половины было крепостных.

- Кстати, ведь на Русском Севере вообще не было никакого, так называемого, крепостного права. Хотя в музее Тотьмы я видел какие-то документы о крепостных.

- У нас - да, фактически отсутствовало крепостное право. Немножко было - 5-8 процентов, есть данные. В Прионежье, например, крепостных насчитывалось меньше одного процента. В Архангельской губернии, в громадном крае, десятая часть одного процента. Как же можно говорить о повсеместном крепостном праве? Конечно, явление это гнусное, но оно не было масштабным. Существовали государственные крестьяне. У нас на Севере полная свобода - бери делянку, вырубай, паши, сей; так и поступали, подсечное земледелие называлось. Борьбы за землю не было, борьба шла за лучшие земли на переделах.

Возвращаясь к кооперации, отмечу, что в 20-х годах до-революционная крестьянская кооперация активно развивалась. И если бы ей не мешали «сверху», она обеспечила бы страну не только продовольствием, но и трудовыми ресурсами. Совершенно свободно стали бы высвободиться новые силы, и не потребовалось бы арестовывать крестьян, строить лагеря, копать каналы, то есть использовать принудительный труд; они сами бы пришли в промышленность.

У нас же всё случилось наоборот. Кооперативы разрушили, а это были богатые кооперативы, деньги у них просто забрали - и всё. Паевые взносы ликвидировали, то есть присвоило государство, кооперативы распустили. Прежде чем началась коллективизация, разрушили кооперацию. И занимался этим никто иной, как Отто Юльевич Шмидт. 11/.

А кооперация ведала не только производством. Она занималась культурными, издательскими делами, агрономией, в животноводстве пропагандировала всё передовое, всё лучшее. Но, повторяю, троцкистские идеи восторжествовали. И хотя Сталин разгромил Троцкого организационно, сослал его как соперника личной власти, некоторые его

идеи взял на вооружение. Он поставил ведать народным хозяйством Аркадия Яковлева (Эпштейн его настоящая фамилия), сына гродненского аптекаря. Ну, что он понимал в сельском хозяйстве? Абсолютно ничего! И все деятели сельского хозяйства той эпохи были чужды сельскому хозяйству, русскому крестьянству. Более того, у них присутствовала ненависть к крестьянству как к «тёмному», «реакционному» слою населения.

Оставили только потребительскую кооперацию, которая существует до сего дня. Кстати, она тоже обюрократилась и выродилась, хотя в войну и после войны сыграла свою положительную роль. Непросвещённые люди, к сожалению, путают потребительскую кооперацию с крестьянской кооперацией, которая была в 20-х годах. Это две совершенно разные вещи. Потребительская кооперация осуществляла торговлю и заготовки продуктов, сырьё, заготовки она значительно свернула.

А Чаянова упрятали в тюрьму!

О ГОЛОДЕ ПОСЛЕ ВОЙНЫ

В числе трагических событий 30-х годов – репрессии, под видом «кулаков-эксплуататоров» были репрессированы миллионы крестьянских семей. Кто такой вообще «кулак»? По-моему, это тот, кто не трудился на земле, а занимался ростовщичеством, скупкой, перепродажей, торговлей. Нормальный крестьянин умел и любил трудиться, почему-то был «записан в кулаки». Ему вменяли наёмный труд. Ну, а почему крестьянину не позволено нанять работника на сенокос или на уборку урожая? Обычная практика! «Кулак», на мой взгляд, был ликвидирован ещё при Ленине, а при Сталине его «искусственно» придумали, чтобы проводить коллективизацию «сверху».

- Плоды насилия мы пожинаем до сих пор: мужик терял прежде и продолжает терять теперь лучшие качества, отличавшие русского крестьянина от тех, кто работал на земле в Европе или Америке.

- Да, коллективизация шла сама по себе «снизу», в форме крестьянской кооперации, добровольно, без какого-либо давления. Но её прекратили «сверху» и принялись насаждать колхозы. Первый результат – голод 1932-1935 годов. До сих пор испытываем нужду. Мы, по существу, не вылезали из нужды с продовольствием, начиная с 1929 года, когда разрушили кооперативы.

А что было после окончания Великой Отечественной войны? В 1946 году тысячами люди умирали у нас на Севере от голода и болезней, связанных с голодом. Я это прекрасно помню, сам был свидетелем. У меня был дружок, я пришёл к нему, а у него мать – Вера Плетнёва, лежит на печи мёртвая, умерла от голода. В соседней деревне у моего тёзки тоже мать умерла от голода. Да и мы сами, семья, где было пять детей, голодали. Моя бабушка умерла от недоеданий, у неё опухли ноги. Люди ходили с опухшими ногами.

Одновременно с разрушением материальных условий существования крестьянства разрушали и духовные, культурные и бытовые традиционные устои. Опять всё шло «сверху».

- Получается, экономические потрясения вызывали вслед и нравственные потрясения?

- Ну, конечно! Культура, нравственность – они ведь имеют и материальную основу. Народная, тысячелетняя культура была разрушена одновременно с экономическими устоями. Чего же нам удивляться такому явлению, что теперь мало кто хочет работать на земле? Заниматься крестьянским трудом, вобщем, неперспективно стало.

Часть третья

ВОЗРОДИТЬ В КРЕСТЬЯНСТВЕ КРЕСТЬЯНСКОЕ ...

- И всё-таки, Василий Иванович, стране невозможно существовать без мужика. Как его «вернуть» в крестьянское русло?

- Крестьянину нужна земля – его главная опора. До двадцати соток раньше разрешали иметь мужику в деревне, и они, кстати, сотки эти, кормили, являли способ существования. Но налоги непомерные гнали людей с земли, в том числе – и с двадцати соток.

Я в 1949 году работал счетоводом в колхозе, делал отчёт за год. Что-то выходило по 5 копеек на трудодень и по 150 граммов зерна. А какого зерна? Отходов, их уже не сдавали государству, третий сорт. Можно ли прожить на это? Ясно, что не прожить!

Не мудрено, что побежали из деревни. Но не везде было так. В моём родном Харовском районе стоял крепкий колхоз «Нива», даже во время войны у них хватало хлеба. Наши женщины ходили туда, обменивали одежду, ещё что-то на зерно. Они выстояли войну, всю войну сдавали очень много хлеба, словом, сильное хозяйство.

Ну, вот после войны пошло это нелепое укрупнение, я считаю, что это тоже вредительство было. Соединяли несколько хозяйств. У нас колхоз сделали протяжённостью 45 километров. Это нелепость! Как им управлять? Причём, протяжённость – это по прямой линии, а ещё вбок уходила территория, слили десятки хозяйств. Вот как-нибудь придёте, я вам покажу...

Когда произошло укрупнение, у колхозников в «Ниве» забрали сено, увезли в какое-то другое место, у них забрали то, это. Люди всё побросали, побежали, куда глаза глядят. «Нива» сразу была разрушена. Земли прекрасные запущен-

ны, зарастают лозой, деревни стоят пустыми, дома крепкие, до сих пор, нежилые...

Вот результат укрупнения! А вскоре доплыли и до «неперспективности».

И теперь я не знаю, как быть?

Но, думаю, надо возвращаться к утраченным крестьянским традициям. Звучит непривычно, но пора возрождать в крестьянстве крестьянское, в первую очередь менять отношение к труду.

– В каком смысле менять, Василий Иванович?

– В самом прямом! У меня на родине есть колхоз, «Родина» называется, а у соседей – «Большевик». До перестройки «Большевик» не имел долгов, сам производил комбикорма, хорошие урожаи собирал, надои имел приличные. Наш же колхоз при тех же условиях (хотя наши ссылались, что дороги нет, но дорога есть) работал хуже, просто люди работали хуже – ссуды жуткие были, государственные займы. С него списываются ссуды, а мужики похохатывают: «Вот опять списали!».

А тому, кто лучше работает, никаких ссуд нет. Но когда он прибавлял в производстве, ему тут же план увеличивали, то есть тормозили развитие.

Вот два отношения к труду на земле.

Но совесть-то у крестьянина должна быть!?

Сейчас, когда перешли на хозрасчёт, в «Родине» нечем платить зарплату, уже второй месяц её не дают. Я не знаю, как будут жить?

Раньше пахарю-истинному земледельцу – некогда было пьянствовать, охотиться или играть в карты. Да и сама природа, труд на земле требовали от него высокой нравственности. Каждый день – неподражаемый день! Всё менялось! Не было в году одинаковых дней. Все дни разные – погода разная, работа разная, он как бы срастался с землёй, а через неё и с природой. Они зависели друг от друга. Всё лишнее, ненужное в этой связи само собой отмирало. И так было всю жизнь – от рождения до смерти.

Отходничеством, например, занимались по жестокой необходимости – надо было платить подати, налоги, а платить нечем. Мой отец Иван Фёдорович до самой войны ходил на заработки, а концы с концами не сводил – у нас не было даже сапог. Можно было бы с телёнка снять шкуру и сшить ребятишкам сапоги. Однажды отец так и сделал: выделал шкуру – в бане висела. Так пришли, забрали. Как тут было жить? Хотел бы я услышать, что сказал бы на это иной московский «интеллигент», который недолюбливает крестьянство за его мнимую косность. Но хлеб он почему-то «косным» не называет. Я скажу больше: крестьянство представляет великую нравственную силу.

Крестьянину необходима свобода действий, свобода развязанных рук. Но ему ещё необходима и земля. Как он может что-то делать, если у него ничего нет?! Земли-то в его распоряжении нет. И он не берёт её, хотя такая возможность есть. Я недавно разговаривал с соседями. Говорю: «Вот сейчас выделяют 50 соток приусадебного участка. Вы знаете?». Отвечают: «Нет». Просто им не сообщили. Разрешено иметь лошадь, но сомнительно, чтобы кто-то её взял. Выросли поколения, которым не нужны ни земля, ни животноводство, мы отучили детей от крестьянского труда. Если введут частную собственность на землю, у нас на Севере, вряд ли, кто захочет взять именно для крестьянствования.

В колхозе некому коров доить, присылают, извините, проституток из городов. Ну, что такое? Где испортили девочку, там её пусть и перевоспитывают. От таких новоявленных «животноводов» один вред. У нас сроду не было проституции в деревнях. Наоборот – была скромность потрясающая. Она переселилась и в города, когда туда уехали люди – женская простота, скромность, чистота.

Видите ли, если рассуждать о традициях, то говорить на эту тему можно долго.

– Вы сказали о том, что крестьянин «срастался с землёй» в своей повседневности. Это мне напомнило

«власть земли», о которой писал в очерках русский публицист Глеб Успенский, в то же время он показывал и разорение деревни...

– Я давно не перечитывал Глеба Успенского. 12/. Если вспоминать ощущения, которые были от прежнего чтения, может быть, у меня ошибочные ощущения. Остались странные, противоречивые ощущения. С одной стороны, да, он правильно, правдиво показывал деревню, с другой стороны, было нечто ущербное в Успенском. Может, я и не прав, надо перечитать.

Я помню, что с большим удовольствием читал публициста Александра Николаевича Энгельгардта «Письма из деревни». 13/. Там не совсем я согласен, во всяком случае, у Энгельгардта я почувствовал доброжелательное отношение автора к человеку земли.

– Я как-то анализировал биографии солдат и офицеров, удостоенных звания Героя Советского Союза во время Великой Отечественной войны, выходцев из тверской земли. Меня поразило: девяносто процентов из них родились и выросли в деревне. Иными словами, традиции крестьянские явили мощную нравственную силу и на поле боя...

– Да, именно так, а не иначе. Я уже говорил в нашей беседе об этом, но ещё продолжу.

Крестьянские трудовые и культурные традиции были по существу общенародными. И теперь, до сего дня, не косность, не отсталость, а великую нравственную силу черпаем мы в народе. Когда-то существовали ярмарочные сёла, в нашей округе было Кумозеро. Русские ярмарки – уникальное явление, подзабытое. Они являлись формой не только хозяйственного, но и культурного, духовного общения между людьми разных национальностей. Наверное, следовало бы их возродить, а то жизнь у нас движется по административному плану: вот область, вот район – и всё, а дальше не лезь. Даже книжку, изданную в другом регионе, не купишь.

Крестьянин всё ещё в дурацком положении – он «вин-

тик». Целая армия чиновников по-прежнему командует крестьянами – от Москвы до самых до окраин. Давайте дадим сельскому жителю свободу и землю, и положение должно измениться в лучшую сторону. В крестьянстве просто необходимо возродить крестьянское.

– Вот, кстати, Василий Иванович, теперь много шума об арендной форме хозяйствования в деревне. Как Вы думаете, поможет ли она возрождению крестьянских традиций?

– Я полностью поддерживаю такие формы, они развивают самостоятельность. Единственное, чего я боюсь, что желающих не будет. Разрешим аренду, разрешим мелкий кредит, но если не перепрофилируем промышленность, и будем продолжать выпускать могучие «Кировцы», которые давят на своём пути и землю, и всё живое, то толку будет мало. Почему бы не выпускать трактор «Т-14» «Владимировец» – экономичный, маневренный? Он может делать всё, только навешивай оборудование. Так нет, у нас деньги вкладывают не в производство малой техники, а в выпуск гигантов, как «Кировец».

У нас, например, туристическая индустрия обеспечена всем необходимым; выпускаем для рок-музыки всякие инструменты, а создать обычную малую технику для крестьянина не можем. Он по-прежнему косит у нас вручную, копает огород лопатой. Позорное это дело, думаю, кто-то нарочно не хочет.

Надо искать и поддерживать людей, которые ещё остались в деревнях, которые любят труд на земле и в животноводстве. Кстати, земля и животноводство неразрывно связаны, их нельзя разделять, как у нас делают. Я уже не раз говорил о преступной технологии комплексов, где внедрили бесподстилочное содержание скота. Ни в одной стране мира не внедряется такое дикое содержание скота. Я объехал всю Европу, бывал на фермах, везде навоз копят и берегут, как зеницу ока. Раньше и наши крестьяне тоже его копили. Теперь смывают брандсбойтами – и всё!

Часть четвёртая

О ДОРОГАХ И ЭКОЛОГИИ

- По поводу состояния дорог в России иронизировал ещё Александр Сергеевич Пушкин. А что мы имеем теперь? Крестьяне зачастую покидали и продолжают покидать насиженные «гнезда» именно из-за нерешённых социальных проблем. Не так ли, Василий Иванович?

- Бездорожье – большая беда, из-за плохих дорог крестьянин теряет немыслимое количество продукции. Нет нужды называть цифры, но мы растрясем не только продукцию. Бездорожье отрицательно сказывается на всей деревенской жизни. Да, выделяют немалые средства, в том числе и на Вологодчину, но не везде есть дороги к центральным усадьбам, а уж о дорогах к деревням, полям и фермам и говорить не приходится. Хотя они должны быть! Вместо дорог стараются сделать мощную технику, чтобы проехать. Посмотрите, сколько прекрасных лугов и пастбищ испорчено техникой – мнут, корёжат землю и так, и сяк.

О социальных проблемах можно говорить очень долго. Когда в духовно-нравственном смысле город противопоставляют деревне – это нелепость. Но по бытовому обустройству деревня сильно обижена. Да и в других смыслах – тоже. У меня на родине в восьмилетней школе несколько лет не преподают иностранный язык, нет учителя, хотя в области два педагогических вуза. Деревенские школьники поставлены в ущербное положение. Или вот медпункт в деревне то откроют, то закроют, а до соседней же амбулатории – семь километров. Пошагай-ка с температурой...

Я далёк от мысли, будто нынешняя деревня должна копировать городской быт, напротив. Надо бы сохранить неповторимость уклада, сберечь национальные бытовые особенности. Избежать стандарта, например, в жилищном строительстве не так уж и сложно. Дайте возможность са-

мому строить свой дом, обеспечьте материалами, тогда крестьянин будет не временным, а постоянным работником. Тот, кто не имеет своего дома, обычно к земле относится по-казённому, равнодушно. Такой готов в любой момент сорваться с места и уехать куда угодно. Что ему земля? Его ничто не держит на ней...

- Деревня существует не изолированно, экологические неурядицы касаются и её. Как их разрешить и совместить с благополучием природы?

- Да, экологических проблем на Севере поднакопилось, ждать дальнейшего их обострения преступно. Нужно предвидеть хотя бы ближайшие последствия хозяйствования. Вот уже вокруг Харькова лесов стало больше, чем вокруг Вологды или Котласа. Тысячи кубометров бесхозного леса уносятся в море, ложатся на речное дно. До 30-40 процентов древесной массы остаётся на делянках. Дело идёт к гибели северных лесов. Как это скажется на жизни страны в широком смысле? Трудно даже вообразить! Тундра уже соединилась с лесостепью. Зона тайги практически исчезает. И никто, как это ни странно, не видит в том трагедии. Все делают вид, что так и должно быть. Полная безответственность - местническая, отраслевая. Чиновники не думают ни о чём. Целые фирмы процветают на нашем лесе. Это не считая того, что мы законным путём продаём лес за границу по дешёвке.

Потому и болит душа! В 1936 году говорили: это дело временное, мол, создадим индустрию, так сразу и сократим вырубку. Индустрию создали, а вырубки не только не сократили, но и увеличили в десятки раз. Кстати, лесная промышленность выкачала многие силы из крестьянства. Их обязывали не только пахать и сеять, но ещё и рубить лес именно в северных регионах. На лесозаготовки давали разнарядку, женщины, девчонки, мужики и ребята месяцами из леса не вылезали, а им не платили ни черта. Это целая эпопея. Я как раз пишу книгу об этом.

А сколько других повинностей было!

Сейчас вокруг моей деревни с трёх сторон – пустынные вырубки. Это трагедия. Та самая трагедия, о чём предупреждал, что предсказывал Леонид Леонов в романе «Русский лес», в знаменитой лекции своего героя Вихрова.

У такого, с позволения сказать, хозяйствования, есть и ещё один минус – оно снижает нравственный уровень личности. Бюрократ особым талантом и высокой нравственностью, как правило, не обладает. Но ведь у нас много настоящих, талантливых хозяйственников. Они-то и страдают больше всего от бюрократов вышестоящих, да и нижестоящих тоже. Как настоящий хозяйственник, так он обязательно в конфликте с бюрократами.

И раньше не все любили сельское хозяйство, уходили, кто в армию, кто на заработки, кто в промышленность. Но основная масса крестьянства всё-таки оставалась в деревнях, была высокая рождаемость, были большие семьи. И крестьянство не страдало от того, что поставляло кадры на сторону.

Но теперь, когда произошло обезлюдивание деревень, другая картина.

– Завершая нашу беседу, хочу узнать, Василий Иванович, ваше мнение об утверждении, что природа обделила нас плодородием. И ещё: имеет ли экономика национальные черты?

– Ну, природа здесь не виновата!

Издавна страна славилась урожаями зерновых, широко развитыми маслodelием, сыроделием, пчеловодством... А сколько – и не в так уж давние времена – мы заготавливали рыбы, грибов, ягод, орехов?! Теперь почему-то говорим о скудости нашей природы. Ещё не так давно господствовало мнение, что сельское хозяйство для государства – нечто второстепенное.

Думать так, по меньшей мере, глупо. Национальный доход, к примеру, в США во многом создаётся за счёт сельского хозяйства. В большинстве стран Европы такая же картина.

Не помню, кто из наших учёных сказал, что экономика

имеет национальное своеобразие. Да, это именно так! Во Франции, к слову, свои особенности, в Японии – свои.

Почему мы должны обязательно кому-то подражать?

У нас своя стихия, свой национальный характер. Русский крестьянин не похож на немецкого фермера, японский фермер не похож на американского фермера. Все они разные. Думаю, нашим экономистам надо бы больше считаться с особенностями того или иного региона внутри страны. Одно дело, допустим, крестьянин на юге, он, может, больше любит сам торговать своими продуктами. Совершенно другое дело – наш северянин: этот явно торговлю недолюбливает.

И так – во всём!

Пожалуй, одни бюрократы везде одинаковые. Хотя, может быть, русский бюрократ чем-то и отличается, скажем, от английского.

*Беседа состоялась
26 марта 1988 года в Вологде.
Запись беседы воспроизведена
полностью в апреле 2018 г.*

**МОЗАИКА
БУДНЕЙ**

АВТОГРАФ НА МАНДАТЕ

Стояло серенькое зимнее утро, на дворе декабрь потрепывал морозцем. В центре Вологды наблюдалось оживление – люди суетились у здания обкома, одна за другой подъезжали чёрные «Волги», микроавтобусы. Открывалась областная отчётная партийная конференция. Ну, а Василий Белов – член обкома, его присутствие обязательно. И он, конечно, пришёл. Звучали, как обычно, деловые доклады. Не помню, по какому именно вопросу, но вскоре дали слово писателю.

Казалось, делегаты особо ждали его выхода к микрофону. Всё-таки не всякий день услышишь автора нашумевших повестей и рассказов. Их ожидания оправдались. Василий Белов выступал интересно, эмоционально, по существу, добирался до корней событий и явлений.

Я записал в блокноте некоторые отрывки из речи Белова, будучи приглашённым на конференцию в качестве собкора центральной газеты.

Вначале он сказал о том, что «перестройка идёт пока что только на словах». Но хорошо, что хоть на словах. Разрешили говорить – и то дело. Но ведь это странно: засе-

дают в стране каждый день миллионы людей вместо того, чтобы, засучив рукава, делать эту самую перестройку.

После Василий Иванович выделил три, на его взгляд, важных момента.

Во-первых, о переброске вод рек Севера на Юг. Перебросчики фактически победили общественность, которая боролась с переброской рек. В чём эта победа? Министру Минводхоза СССР вместо того, чтобы его судить, дали орден Ленина.14/. Говорильня не поможет. Сейчас они ведут работы на Юге страны, а потом перейдут и на Север. Так что борьба с перебросчиками ещё предстоит.

Во-вторых, говорил о своей «больной теме» – борьбе с алкоголизмом. Правительство, отмечал писатель, принимает постановление, которое противоречит ранее принятому решению от 1981 года. По существу, Правительство сводит на нет то, что было раньше завоёвано, то есть, – это отступление назад.

В-третьих, он ратовал за то, что необходимо приостановить строительство Костромской атомной станции в г. Буге, в трёхстах километрах от Вологды. Иначе все мы будем заложниками этой АЭС.

Здесь же в своём выступлении писатель высказал собственные соображения по улучшению доли русского крестьянства.

– Деревню мы обездолили, разграбили, унизили, – сетовал он. – Сделали её бесправной, а теперь требуем, чтобы она нас кормила. Да как же она может кормить? Ей долги нужно вернуть!

И он назвал ряд мер, как это сделать на его взгляд.

Надо всех, кто желает и умеет работать в деревне, наделить землёй. Затем следует принять закон, по которому дать крестьянам право передавать выделенную землю по наследству.

Беспокоился писатель и о том, что пора взять на учёт пустующие дома в деревнях и сёлах и как-то попытаться их сохранить.

В перерыве я встретил Белова на лестнице, мы пожали друг другу руки и стали спускаться в фойе. Я сказал Василию Ивановичу, что выступление у него было хорошее, но по некоторым пунктам уже есть и возражения.

В частности, молодой делегат подошёл к микрофону, установленному в зале и громко заявил, что не согласен со словами Белова про сельскую молодёжь.

И вот, когда мы спустились в фойе, то увидели этого парня.

Василий Иванович подошёл к нему, дотронулся до рукава пиджака.

– Эй, шеф, – обратился он к нему не очень любезно, – в чём не согласен со мной? В чём я не прав?

Тот стал излагать свои доводы. Выяснилось, что он ничего не имел против позиции писателя. Просто от волнения не точно высказал собственные мысли. Он признал это искренне.

– Ну, вот и хорошо, что так, – с лица Белова ушло некоторое напряжение. – Хорошо, что между нами нет разногласий.

Мы, разговаривая, не заметили, как вокруг образовалась небольшая группа людей. Все с любопытством разглядывали Белова.

Когда прозвенел звонок, и надо было подниматься в зал, к Белову подошёл здоровый, высокий мужчина, делегат конференции.

– Василий Иванович, я собираю все ваши речи, – пооткровенничал он. – И это выступление на конференции записал.

Он достал из кармана блокнот и показал записи.

– Пожалуйста, Василий Иванович, распишитесь здесь, – попросил он, – оставьте автограф на память.

– Ну, что вы, это же не книга?! – возразил Белов.

– Какая разница! – настаивал собиратель беловских речей.

Белов скрепя сердце оставил размашистый автограф в блокноте.

– И мне автограф, вот здесь, – протянул красную карточку мандата какой-то делегат из окружавших нас.

Василий Иванович оставил автограф на мандате.

– И мне ещё! – попросил другой делегат.

– Ребята, ну, что вы в самом деле? – взмолился писатель.

– Я же не на каком-то вечере писательском или на встрече с читателями...

И, чиркнув последний автограф в протянутый блокнот, он поспешил в зал, хотя желающих получить автограф было предостаточно.

В другой перерыв я наблюдал, как происходил оживлённый диалог писателя с молодым председателем колхоза, приехавшим на конференцию из Шекснинского района. Он жаловался Белову, что на селе идёт утрата русской народности, духовных традиций. И отчасти пытался переложить вину за всё это на писателей, не имея в виду конкретно Белова.

– В деревне не купить книги Пушкина, Некрасова или Достоевского, – плакался председатель. – Вот до чего мы дошли...

– Ну, это уже не ко мне, – возразил писатель. – Эту претензию надо направить издателям.

В мимолётных эпизодах ещё раз проявилась большая любовь людей к честному, смелому писателю. Настоящая любовь, а не напоказ. И она, по большому счёту, дороже похвал критиков или литературных наград.

«Я БЕЗ РОДИНЫ НЕ МОГУ...»

С дочкой-школьницей я возвращался вечером, где-то около семи часов, из больницы домой. Выпавший свежий снежок красиво разукрасил улицы, их было трудно узнать, будто мы вошли в незнакомый сказочный городок.

Во дворе своего дома я встретил Василия Ивановича Белова.

Остановились, поздоровались, разговорились.

– Не знаете ли, где здесь живёт Раздрогин? – спросил он. 15/.

– Доктор что ли? – уточнил я.

– Да, он самый.

– Не помню точно подъезд, Василий Иванович, – ответил я, – но вон в том доме, напротив, там он точно живёт. Подъезд надо уточнить, спросите там у кого-нибудь...

– Ладно, спасибо. А как у тебя дела?

Василий Иванович общался со мной иногда на «вы», а иногда на «ты».

– Жаловаться грешно, – ответил я.

И рассказал, что иду от жены из больницы, где ей сделали операцию. Василий Иванович выразил мне искреннее сочувствие.

– Моей тоже надо бы делать операцию, – обронил он, – да вот всё откладываем...

Я догадался, что Василий Белов и шёл к Владимиру Александровичу Раздрогину, очевидно, посоветоваться насчёт этого житейского вопроса.

Тут я вспомнил, что на днях читал справку о деятельности колхоза «Родина», где расположена Тимониха, родная деревня Василия Ивановича. Я также знал, что колхозники приезжали в Вологду к высокому начальству с единственным вопросом: «Что делать?». Грядёт расформирование колхоза.

Об этом я и сказал писателю.

– Что делать? – запальчиво заметил Белов. – Работать надо! Коров доить. А работать не хотят. Я вот к ним, когда бываю в Тимонихе, приду в мастерскую, сорок мужиков сидят в домино забивают. А работать не хотят. Только за водку всё делают. Председатель плачется всё время, что колхозники ничего делать не хотят.

Вот ведь в чём беда-то!

Корова отелится где-нибудь не на ферме или пропадёт в лесу, так её даже и не ищут. Спишут – и всё!

– А вы сами-то бываете зимой в деревне? – спросил я Белова.

– А как же! – ответил Василий Иванович.

И, чуть помолчав, добавил:

– Я без Родины не могу!

– Вот и завтра опять поеду туда, – продолжал он.

– А ты их пока не трогай, – попросил он за земляков, – не пиши пока.

– Хорошо, – пообещал я. – Погляжу, как ситуация будет складываться.

Слово за слово, перешли, как часто бывает у русских, «на политику». Василий Иванович вспомнил про «августовский путч» в Москве. 16/.

– Я тогда отдыхал в Сочи, – говорил он. – Но сразу же, на второй день, когда начались события, самолётом вылетел в Москву. Весь этот спектакль видел своими глазами...

– А кто вам ближе – «левые» или «правые»? – подзадал я собеседника.

– Одинаковые – и те, и эти, – усмехнулся писатель.

КРЕСТ - ОН ВСЕГДА ТЯЖЁЛЫЙ...

Жанр воспоминаний стоит в литературе особняком, поскольку требует от писателя не только творческого осмысления давно прошедших событий, но и одновременно строгой документалистики. Далеко не всякий художник слова рискует вынести на суд читателя какие-то воспоминания.

К слову, наш русский замечательный прозаик Фёдор Александрович Абрамов так и не рискнул написать развёрнутые воспоминания об известном советском поэте и главном редакторе журнала «Новый мир» Александре Трифоновиче Твардовском. Видимо, масштаб личности А.Т. Твардовского и его роль в текущей литературной жизни требовали от автора некоторой «дистанции», потому что вблизи многое воспринималось ещё достаточно обыденно.

Но зато Фёдор Абрамов оставил блестящий образец портретного очерка-воспоминания о вологодском и московском поэте Александре Яшине. После Абрамова уже никому не удалось воссоздать такой живой, яркий и, конечно, непосредственный образ Александра Яковлевича.

В какой-то мере «яшинский очерк» Фёдора Абрамова мог бы служить эталоном того, как следует писать воспоминания и придерживаться канонов жанра.

Обо всём этом думаешь, когда берёшь в руки воспоминания Василия Белова «Тяжесть креста», посвящённые другу и соратнику, прозаику, режиссёру, актёру Василию Макаровичу Шукшину. 17/. С ним Белов дружил, часто бывал у Шукшина дома в Москве. Да и Василий Макарович наведывался в Вологду и Тимонику, полюбил вологодский край, снимал в окрестностях древнего Белозерска знаме-

нитый фильм «Калина красная». Из этих встреч и бесед и возникла повесть Белова о Шукшине

Сам Василий Макарович Шукшин, его актёрская, писательская, режиссёрская деятельность воспринимались в обществе по-разному. Одними – с восторгом и поклонением, другими – с неприязнью и даже ненавистью.

Теперь прошло много лет после неожиданной кончины писателя-актёра на Дону во время съёмок фильма «Они сражались за Родину» по роману Михаила Шолохова. О романе написано достаточно, хотя его мало переиздавали. Свежи в памяти и публикации о «донской трагедии» Василия Макаровича.

Казалось бы, что нового можно сказать о Шукшине? Вроде бы, всё о нём известно! И всё же, зная, что Василий Белов и Василий Шукшин – друзья в самом высоком смысле слова, ожидаешь чего-то необычного.

И ожидания, к счастью, не напрасны.

С самого начала автор отступает от канонов жанра и излагает нам план рукописи воспоминаний, а ниже уже идут и сами воспоминания с оговоркой, что «план – одно, а его выполнение – нечто иное...». Василий Иванович, говоря об-разно, приоткрывает дверь в собственную «творческую лабораторию», чтобы читатель мог соучаствовать в процессе написания воспоминаний.

Это довольно оригинально!

По ходу развития и изложения событий отход писателя от особенностей жанра (равно как и плана написания книги) становится всё отчётливей, всё ощутимей. Думаю, такое сделано сознательно. Это как бы приковывает внимание читателя. В конце концов, разве дело в плане или в какой-то схеме?

Нет, конечно!

Дело – в правде эпохи, в правде образа писателя-друга, ради чего Василий Белов и взялся за перо.

Читая страницу за страницей, невольно, но неизменно приходишь к выводу, что «Тяжесть креста» – не столько

воспоминания, а скорее, повесть-размышление о времени, в котором жили Шукшин и сам автор. В произведении мы узнаём о делах разных людей – простых, или наоборот – о знаменитых, как актёр Иннокентий Смоктуновский или поэт Михаил Дудин. Все их дела – и хорошие, и плохие – по-новому дополняют литературно-художественную и общественную обстановку, которая была тогда в Советском Союзе.

Итак, повесть! Её можно назвать документальной, но весьма условно, потому что элементы художественности в ней довлеют.

Белов старался показать главное действующее лицо – Василия Шукшина, что называется, без прикрас, крупным планом, открывая в нём светлые и не очень светлые стороны характера. Но не возникает ощущение, что автор использует модный ныне принцип: «Всё на продажу!». Этого, то есть «продажи» сокровенного, как раз и нет в повести.

Приравнивая Шукшина к символам своего поколения, Василий Иванович убедительно доказывает, что пробиться к вершинам творчества, к вершинам признания «человеку из народа», а именно таковыми были Шукшин и сам автор, невероятно сложно, практически невозможно без каких-то моральных потерь и потерь собственного здоровья.

В демократической России, кстати, положение фактически не изменилось. Одну из причин автор видел в «сионизации культуры», то есть в том, что группы или кланы людей, мало имеющих отношение к подлинному творчеству в литературе и искусстве, определяли развитие национальной культуры, выстраивали по «собственному ранжиру» её представителей, особенно русских деятелей.

Можно и поспорить с писателем, но сделать это будет очень трудно. Трудно опровергнуть доводы, которые он приводит.

В последние годы Василий Белов активно выступал в печати как публицист, откликаясь на злобу дня. Его очерки, статьи, интервью печатали многие центральные и ре-

гиональные издания. С точки зрения художественной, в этих работах далеко не всё равноценно.

В повести же о В.М. Шукшине мы снова видим «прежнего» Белова – автора знаменитых повестей «Привычное дело» и «Плотницкие рассказы».

Воспоминания, как признался однажды сам автор, писались долго, мучительно.

Но, как известно, лёгкого креста не бывает.18/.

«НЕ БОЙТЕСЬ ГЛАСНОСТИ...»

О позиции писателя на выборах Верховной власти в 1989 году.

Свежим ветром повеяло над страной, когда чиновники стали «уходить от разрядки» и предоставили народу избирать представителей Верховной власти, как было заведено ещё в Древней Руси.

Поэтому бурно проходили встречи кандидатов с избирателями. Я был на одной такой встрече в «Доме политического просвещения» в центре Вологды, где обсуждали писателя В.И. Белова, кандидата от партии.

В зале полно людей. После краткого представления доверенным лицом на трибуну вышел Василий Иванович.

Привожу отрывки выступления.

– Почему я не взял самоотвод? Лучше было бы отказаться? Я долго думал и пришёл к выводу – не следует отказываться. Я согласился баллотироваться, чтобы защищать права наших людей. Если изберут, может, я успею сделать что-то, оказать влияние на ход событий в стране.

Я вспоминаю случай тридцатилетней давности. Тогда, накануне выборов, пришёл в районную газету один товарищ и, хлопая по карману, говорил: «Чего вы спорите? Все депутаты вот, у меня здесь...». Там у него были фотографии будущих избранников, хотя их выдвижения ещё не было.

Если сравнивать тот факт с событиями современными, то увидим, как далеко мы ушли. Выдвижение депутатов, особенно теперь, проходит интересно...

– Скажу коротко о личных планах, – продолжал Белов. – Если меня изберут народным депутатом, я буду действовать, исходя из того, что произошло с нашей страной за последние пятьдесят лет. В 30-е годы коллективизацией не только крестьянству, но и всему русскому народу был нанесён сильный урон. По моим сведениям, сейчас русских людей в стране меньше половины. Но находятся учёные, утверждающие, будто русские обладают какой-то «особой агрессивностью». Одна учёная мадам осмелилась заявить, что есть средства лечения «агрессивности» русских.

Я был просто возмущён!

– Гласность у нас, к сожалению, ещё неполноценная, полной гласности у нас нет. Не бойтесь гласности, она никому вреда не принесёт. Что мы знаем, например, об экономике? По-прежнему ведомства и Госплан нам неподвластны, командуют страной, как им вздумается. Куда и за сколько продают лес, газ, нефть? Обидно, что экономика почти полностью ориентируется на помощь от Запада.

Все переключились на валюту и хотят с помощью западной техники восстановить народное хозяйство. Хотят всё продать и всё купить. Я считаю, что это неправильно, это губительно.

Надо самим создавать и технику, и технологию. Чем мы хуже других? Ориентируясь на Запад и на их технологии (а они продают нам всё устаревшее), мы очень быстро превратимся в колонию Запада.

А вы знаете, что произошло с Югославией, которая жила в долг!

В одной из газет я недавно прочитал, что мы готовы каждый год продавать за границу большое количество экологически чистого мёду. Да, кое-кто у нас желает всё продать! Уже существуют кооперативы, страшно сказать, по продаже... крови человеческой. Всё самое лучшее, всё самое хорошее продаём.

Какая же может быть экономика?

Я сам видел в Молдавии, как огромное поле, красное от зрелых помидор, запахивали тракторами. В то же время покупаем в банках помидоры и везём из Венгрии и Болгарии. Или вот привозим яблоки из Польши, а свои, гораздо лучшие по качеству, сгноим или свиньям скормим...

— Насчёт деревни я уже многое говорил и не раз. Месяца три назад я послал в Политбюро записку, в ней подробно высказал соображения о возрождении деревни, их можно считать частью моей предвыборной платформы. В записке много разных предложений. В том числе, я просил создать в Москве специальную радиостанцию для сельских жителей, а на Центральном телевидении выделить сельский канал, не довольствоваться одним «Сельским часом».

Михаил Сергеевич Горбачёв ознакомился с моей запиской, распространил её среди членов Политбюро. Какие будут действия? Я пока не знаю!

— Несколько слов о молодёжи. Сейчас многое делается, чтобы с помощью разных усыпляющих средств увести её в сторону от главного. Я имею в виду нажим на телевидении и в кино на то, чтобы притупить у молодёжи чувство стыда, чувство Родины, уменьшить её тягу к трудолюбию. Всё поставлено на то, чтобы лишить её самых корневых, самых основных нравственных ценностей. Вы можете судить об этом по нашим вологодским делам. Одурманивание происходит очень активно. Причём, демагоги уверяют, что нельзя запрещать ничего, дескать, должна быть свобода. Свобода — это дело хорошее. Но когда она оборачивается несвободой для большинства и будущими бедами для страны, то, вероятно, это будет не свобода, а что-то другое.

«Ну, давайте разрешим наркотики?» – часто слышу такой вопрос. Его уже задают без всякого стыда. У нас активно пропагандируют дешёвую музыкальную продукцию, эротическую продукцию, дело доходит до порнографии...

Я думаю, что всё это ужасно!

В Америке, в 1987 году, свыше двухсот тысяч детей родились, заражённые СПИДом. Такое связано, в основном, с нравственным состоянием людей, потерей ими нравственных ориентиров, моральным разложением самого общества. Видов одурманивания в нашей сегодняшней действительности очень много. Я вспомню лишь алкогольное одурманивание. То, что алкоголь – наркотик, признано всеми учёными мира. Но у нас в обществе почему-то не считают алкоголь наркотиком. Борьба со злом не ведётся планомерно. Ну, а что делается в итоге свободной продажи алкоголя? Почитайте хронику в газетах – где-то убивают друг друга, где-то гибнут в огне, где-то калечатся...

– *Кстати, здесь есть кто-нибудь из горисполкома? – спросил Белов.*

На этот вопрос Василия Ивановича поднялся исполняющий обязанности председателя горисполкома В. Кармаёв.

Белов попросил его подойти к трибуне и передал ему свои талоны на водку.

По залу прокатился одобрителный шум.

Правда, в некоторых частях зала раздались и недоумённые возгласы. Тогда писатель объяснил, почему так поступил.

– Если я непьющий, – продолжал он, – престарелая моя мать непьющая, непьющая дочь-девочка, жена непьющая, а нам приносят талоны. За квартал мы должны выпить девять бутылок водки. Представьте себе! Наш горисполком вручает талоны, как почётные грамоты. Я посылал письмо

с предложением, чтобы талоны не вручали, а кому нужно, пусть придёт и возьмёт.

– Таковы, товарищи, мои взгляды по насущным вопросам жизни, – подвёл итог Василий Иванович. – А теперь я отвечу на записки.

Записок кандидату поступило много. Ответы на них фактически превратились в дискуссию с аудиторией и заняли в два раза больше времени, чем само выступление писателя.

Воспроизведу некоторые моменты своеобразной дискуссии.

– *Василий Иванович, является ли сегодня партия авангардом, если – да, то в чём?*

– Я считаю – является. Всю перестройку затеяла именно партия, сняты многие запреты в идеологии. Уже одно то, что можно говорить открыто и смело с этой трибуны – любой может выйти и сказать – я считаю, победа большая!

– *Если Вас изберут, придётся решать вопрос о передаче власти Советам. Каким бы Советам вы хотели передать власть – 1905 года, 1917 года или нынешним?*

– Я не знаю тех Советов. Я предпочитаю отдать власть хорошим Советам. Но это от нас всех зависит. Каких туда выберем людей – такие Советы будут. Опыт у людей есть. Двигайте в Советы достойных, чтобы они представляли бы ваши интересы.

– *Если Вас изберут, будете ли вы считать себя народным депутатом или депутатом от партии?*

– Наше выдвижение в кандидаты, в том числе и моё, произошло по закону, который вы обсуждали и который потом был принят. Но, думаю, многие избиратели плохо этот закон знают. К тому же, есть в нём и несовершенства. Мне, к примеру, придётся участвовать в выборах трижды:

в Центральном Совете общества борьбы за трезвость, в Союзе писателей РСФСР и дома, то есть через население. Имею ли я право, чтобы меня трижды избирали? Такой странный закон! Если меня выберут, то больше буду считать себя от вас, от народа, потому что меня выдвинули и поддержали люди.

– *Как Вы относитесь к постановлению ЦК КПСС об обеспечении каждого жителя страны к 2000 году жильём – отдельной квартирой или домом, реально ли оно?*

– Я считаю, что реально, но у нас многое не делается. Вот, скажем, в сельской местности тысячи домов гниют, тысячи домов брошены. Одновременно строят бараки из бруса, которые простоят 10-15 лет и разрушатся. Ещё сложнее в городе, надо упорядочить квартиросъёмочный закон. Недопустимо, когда, скажем, два пенсионера занимают трёхкомнатную квартиру, а молодая семья ютится в комнатухе или в подвале. Хороший опыт имеется у наших соседей в социалистических странах, но мы его не используем.

– *Что, на Ваш взгляд, надо сделать, чтобы общественное мнение обязательно учитывалось в деятельности органов власти и управления?*

– Нужна гласность во всём огромная. Повторяю: не надо бояться гласности! У всех групп населения должна быть возможность высказаться в печати, на телевидении. У нас этого пока нет. Пока у нас, то есть у общественности, нет никакого рычага воздействия на власть. Я не вижу пока, как найти этот рычаг. Сколько я ни выступал в печати, по радио о каких-то больных проблемах, к моим словам мало прислушивались. Необходимо вместе искать эти рычаги – они в самоуправлении, в самостоятельности.

– *Василий Иванович, являетесь ли Вы миллионером?*

– Нет, я не миллионер. У моего соседа в деревне денег на сберкнижке больше, чем у меня. Конечно, если бы я захотел стать миллионером, я бы им стал, особенно сейчас, когда многие издательства просят переиздавать уже написанное, хотя, правда, за переиздания платят немного. У меня

издаются книги за рубежом, там платят валютой. Но государство забирает больше половины. Замечу: один выпуск «Роман-газеты» большим тиражом принёс государству доход в несколько миллионов рублей. Так что я своим трудом даю стране и советские рубли, и доллары. Обижаться на заработки мне не следует. Если вы желаете, чтобы у меня была задача стать миллионером, то не стоит меня выбирать в депутаты Верховного Совета...

– Была ли Вам взбучка за недавнее интервью по радио про вологодские небоскрёбы?

– Нет, не была. А какую вы имеете в виду взбучку? Я не знаю, как можно сделать взбучку члену партии? Критика есть критика. Если кому-то не нравится, пусть выступит, скажет. Если я правду написал – какая же тут взбучка? Нет, времена у нас теперь не те...

– В романе Василия Гроссмана «Судьба» звучат явно русофобские мотивы. Как Вы оцениваете шумиху вокруг романа?

– Да, произведение называют гениальным. Я его не считаю таким. Роман, на мой взгляд, талантливый; талантливее, чем «Дети Арбата». Но мотивы русофобские, которые звучат в романе Гроссмана, характерны и для многих наших современных журналистов и писателей. Стоит только об этом сказать вслух, тебя тут же обвинят в шовинизме или назовут поклонником «Памяти».

Вот недавно мне из Америки прислали две вырезки из газеты «Новое русское слово». Там написано: «Неожиданным для нас было выдвижение кандидатом в депутаты от КПСС В. Белова. Ведь он – один из главных руководителей в «Памяти». Я никакого отношения к «Памяти» не имел. А в Америке утверждают обратное. Да и не только там. По Вологде ходят слухи, что я субсидирую «Память» и так далее.

Я не знаю, как бороться со слухами. Единственный способ – это их игнорировать.

Ну, и ещё, что касается русофобии.

Огромный регион в центре страны называется не иначе, как Нечерноземье. А ведь это – Россия. Почему мы всё же стыдливо стесняемся произносить прекрасное название? Я не могу сказать про себя: «Я – нечерноземец». Но всегда скажу: «Я – русский!».

Были и другие вопросы, касающиеся литературного процесса, состояния нравственности в обществе, воспитания молодёжи.

Собрание решило ходатайствовать в общественные организации об избрании В.И. Белова народным депутатом Верховного Совета СССР.

1989 – 2018 гг.

ЧАЙ В ХМУРЫЙ ДЕНЬ

На моём рабочем столе несколько дней лежало письмо, присланное на имя В. И. Белова из Москвы, из какого-то издательства.

Хотя на улице Мальцева в доме № 19 он не жил уже шестой год, но не все и не везде, наверное, знали новый адрес на улице Октябрьской. Поэтому иногда и отправляли письма на старый адрес.

Я позвонил в двенадцатом часу Белову, сказал:

– Василий Иванович, есть Вам письмо, хочу занести. В ящик бросить или зайти?

– Заходи, – ответил писатель.

– А какая у вас квартира, – уточнил я, – что-то запамятовал...

– Четвёртая, – назвал Белов.

Я взял письмо и вышел на улицу. Идти-то всего ничего – миновать перекрёсток, а от молодёжного театра до дома Белова метров сто...

На дворе было хмуро и пасмурно, полутемно, даже мрач-

новато как-то, хотя день уже наступил. Такое время, что непонятно: то ли глубокая осень, то ли ранняя зима. Вот и подъезд, дом, так называемый, правительственный. В нём когда-то поочерёдно жили два первых секретаря обкома партии. В подъезде, насколько я знал, был оборудован милицейский пост и на дежурстве стоял милиционер.

Теперь ничего этого, конечно, не было. Подъезд немного обшарпанный, но на лестничной площадке, куда я поднялся, всё прилично. Нажал звонок в четвёртую квартиру.

Дверь открыл сам Василий Иванович. В прихожей очень просторно и полутемно.

– Я на минутку, – предупредил я, зная, что писатель очень занят, и каждая минута у него в буквальном смысле на счету.

– Ничего, ничего, проходи, – пригласил Белов.

– А что, света нет? – спросил я.

– Свет есть, – ответил хозяин и нажал включатель.

В прихожей стало светло.

Я передал Василию Ивановичу письмо из Москвы и повернулся, чтобы уйти.

– погоди, погоди, – остановил он. – Попей хоть чаю!

И показал рукой, куда надо пройти. Я разулся, повесил куртку и вслед за хозяином прошёл в смежную комнату. Это была кухня, довольно просторная, слева вдоль стены стояла газовая плита, мойка, маленький столик, а справа, тоже у стены – большой стол, на котором была посуда.

Я сел за стол.

– Кушать хочешь? – спросил Белов.

– Спасибо, Василий Иванович, я только что завтракал. Поздно встал, почти всю ночь читал. Но от чая не откажусь.

– А я уже обедаю, – пояснил он и стал продолжать трапезу.

Перехватив мой взгляд, Василий Иванович добавил:

– Холостякую.

Но не стал объяснять, почему «холостякует». Видимо, жена Ольга Сергеевна и дочь Аня были где-то в отъезде.

За его словом «обедаю» я почувствовал что-то недо-

сказанное. Скорее всего, писатель поднялся рано, как он обычно вставал до солнца, много работал, и день для него уже, выходило, как бы прожит. Причём, прожит день с пользой.

А мне за себя и про себя стало несколько неудобно. Вот сам всё время хочу писать лучше и больше, а пример Василия Ивановича всё недосуг взять на вооружение – проспал полдня. Да, и вообще, дни зачастую проходят бесследно, хотя не должно быть так.

Всякий день и час надо наполнить делом, работой, благими помыслами, как это получается у Белова. Мы, берущиеся за перо, всё ждём каких-то чудес, манны небесной, а нужно умело и радостно работать.

«Умение управлять талантом, – не раз утверждал в своих записках вдумчивый Михаил Пришвин, – есть сам талант».

– Ну, как жизнь, как газета, как с финансами? – спросил меня Белов.

– Спасибо, Василий Иванович, – ответил я. – Всё идёт, вроде бы, неплохо.

Он распечатал письмо, достал листок и посмотрел на него в полумраке, сказал, что плохо видит.

– Наверное, письмо из «Скифов», – продолжал он. – Есть такое издательство. Я им дал книгу публицистики. Вот должны бы выпустить.

– А... «Скифы», – протянул я. – Как же, слышал, знаю. Они выпустили недавно книгу этого, как его...

Тут я, к стыду своему, совсем забыл фамилию. У меня так бывает с памятью – провал полный, как будто я никогда и не знал того или иного человека.

Я потёр ладонью лоб.

– Вот вспомнил: Иван Сергеевич, повесть «Солнце мёртвых»...

– А Шмелёв! – подсказал Белов.

– Да, да, он самый. Они издали его «Солнце мёртвых» отдельной маленькой книжечкой в мягком переплёте...

– Я что-то не видел, – сказал Белов.

– Я её купил, когда был в Москве, – уточнил я.

Хозяин заварил чай и поставил маленький чайник на стол настаиваться.

– А что ты читал ночью-то? – спросил он.

– В журнале «Север» Леонида Зурова роман «Древний путь» – про гражданскую войну...

– Ну и как?

– Как писатель-то он неплохо пишет, – сказал я. – Но тяжело про гражданскую войну читать – всё смерти, кровь...

– Я что-то такого писателя не помню, – удивился Белов.

– Ну, как же, Василий Иванович, он ещё с Иваном Буниним дружил, жил в его семье как приёмный сын...

– Ах, да, да, вспомнил теперь, – оживился Белов. – Да, знаю, знаю.

Видно было, что Василий Иванович с трудом отрывался от каких-то других мыслей, от какого-то другого мира, в котором он, наверное, жил с самого раннего утра, когда работал за письменным столом. Он пребывал в своём творческом измерении.

Потом он снова взял раскрытое письмо, повертел в руке.

– Публицистику-то надо бы издать к съезду народных депутатов, – продолжал он. – Они там тоже, наверное, тянут...

– А публицистика – это то, что Вы печатали в «Русском Севере»? – попробовал я уточнить. 19/.

Василий Иванович посмотрел на меня недружелюбно (областную газету «Русский Север» он не очень жаловал), но потом взгляд его смягчился.

– То, что было в «Русском Севере», конечно, туда войдёт как часть публицистики. Там собраны многие статьи, большая книга...

– Да, сейчас сложно издать что-либо, – поддержал я.

– Я вот тоже собрал книгу стихов, хотел издать в издательстве «Русская книга», там охотно согласились, но потом отказали, мол, нет денег на полиграфию и всё остальное...

– А что за «Русская книга»? – спросил Василий Иванович.

– Ну, бывшая «Советская Россия», – пояснил я.

– Где Борис Миронов? – уточнил он.

– Да. Ему моя рукопись очень понравилась, я же с ним работал в «Правде». Рукопись готовил к печати и редактировал московский поэт Саша Целищев, он сам из Костромы. Борис мне сказал: «Либо жди полгода или больше, когда у нас появятся финансы, либо попробуй издать ещё где-то...».

– Бесплезное дело, – махнул рукой Белов. – Мой знакомый Анатолий Заболоцкий тоже к ним сунулся с книгой стихов, тоже наобещали, а потом ничего.

– Я рукопись забрал у них, до сих пор не знаю, правильно сделал или нет, – вздохнул я.

– Думаю, правильно, – сказал Белов.

– Хотя, в принципе, издательство, вроде бы, неплохое, – продолжал я, – издают приличные вещи. Вот выпустили, мне Миронов подарил, сборник документов «Под стягом России».

– Я его читал, – отозвался Василий Иванович. – Мне не очень понравился сборник. Я эту книжку прочитал в поезде, когда ездил в Приднестровье. Составитель подошёл к материалам как-то не очень добросовестно. И я хотел сказать об этом Борису Миронову при встрече. Некоторые документы там вообще не нужны, некоторые документы паскудят Россию, а так не должно быть...

«Паскудят...»

Это слово я слышу от Василия Ивановича не впервые.

В его речи оно означает самое презрительное, самое уничижительное, самое отвратительное.

Мы продолжали беседовать об издательских делах. Разумеется, не о моих делах, а Василия Ивановича. Он сетовал, что в издательстве «Искусство» второй год лежит том произведений Ивана Ильина, русского философа, критика, писателя, предисловие к которому сделал Белов – не выпускают, не объясняя причин. В «Советском писателе», говорил он, отложили выход, повторный, романа «Всё впереди». Неизвестно, кто и почему приостановил и выпуск

пятитомника собрания сочинений, третьего тома до сих пор нет.

Такие вот, не очень весёлые, новости рассказывал Василий Иванович.

– Всё вздорозало, – продолжал он. – Но всё это искусственно. Русскую культуру «притормаживают» совершенно сознательно. Завели дело в тупик. Да, впрочем, не только у нас. Во всём мире идёт разложение национальных культур...

– Заменяют национальное достоинство псевдокультурой, массовой культурой, культурой, в которой культуры как таковой нет, – поддержал я Белова.

– Да, в том-то и дело! – кивнул он. – Но это ж, я говорю, искусственно делается.

Чтобы развеять грустное настроение писателя, я сказал, что все эти издательства что-то же издают: зайдите в книжный магазин в Вологде, там полки завалены «анжеликами», «голыми королями» и прочим ширпотребом, от него уже мутит. Мне, кстати, поступило предложение из Москвы написать в «пожарном порядке» детектив за большие деньги, то есть, за гонорар, но я отказался от такой «удачи».

– Правильно сделал! – поддержал Белов. – Что до книжных полок, то и в Москве они завалены, книги не берут...

Ещё писатель жаловался на то, что издатели очень мало платят, за печатный лист – 300 рублей.

– Толстая книга, – говорил Белов, – стоит 12 тысяч рублей. Ну, что это за оплата?

Увы, интеллектуальный труд у нас никогда не ценился так, как это положено. Ну, что ж, Россия в этом отношении не меняется, наверное, уже двести лет. Хотя мне было и обидно за писателя, получившего своими произведениями мировую славу.

Обсудили мы ещё и вологодские издательские дела. Я поделился планами: может быть, если удастся найти спонсора, издам книгу стихов здесь.

– Я вот никак не понимаю, – сказал Белов, – как можно на издание давать деньги? Как можно, чтобы автор сам платил? Ему ведь должны платить за его труд, а не наоборот. И какие-то деньги можно взять и отдать? Наверное, такие уж деньги!

– Не думаю, Василий Иванович, что у благотворителей «деньги лёгкие», – пояснил я то, о чём сам много думал и приходил к такому же выводу, как и Василий Иванович. – Но я с вами полностью согласен: надо бы сделать так, чтобы за труд, тем более интеллектуальный, нормально платили издатели или государство, а не сам автор тратил чьи-то средства на издание собственных произведений.

– Нет, – мотнул головой Белов, – я всё равно этого не понимаю.

Да, «издательский маразм», воцарившийся у нас в 90-е годы, и действующий до сих пор, трудно понять нормальному писателю.

Разговор затихал, и я стал собираться. Но, прежде чем подняться, спросил:

– Давно ли Вы были в Тимонихе?

– Давно уже, – вздохнул он.

– А зимой туда дорогу чистят?

– Иногда чистят, иногда нет, – пояснил он. – В иной раз оставляю машину прямо у фермы, до дома иду пешком.

Я вспомнил, как будучи осенью на родине у Белова, познакомился с его добрым другом Осипом Самсоновым, колхозником из соседней деревни, плотником и механизатором. Колоритная фигура! И теперь сказал Белову, какой Самсонов замечательный человек.

– Когда мы возвращались от Вас, – вспомнил я, – мы зашли к нему в дом, осмотрели всё, дом мне очень понравился.

– А старуха его не была в тот раз? – спросил Василий Иванович.

– Нет, не была, мы же застолье не устраивали...

– А то она у него злая, – продолжал писатель. – Я сам видел: он вылез как-то из трактора немного хмельной, а она

коромыслом и начала охаживать прямо на лужке. Он такой беззащитный: съёжился, закрылся руками, а она его охаживает, охаживает...

Я засмеялся.

– Не веришь? – расценил мой смех Белов. – Я сам видел!

– Верю, конечно, Василий Иванович. Но я представил всю эту картинку на лужке, и мне стало смешно...

– Да! – протянул Белов.

Напоследок напомнил, что некоторое время назад я просил писателя подготовить очерк или публицистическую статью для «Труда», где я тогда работал.

– Мне ещё раньше заказали статью для газеты «Мы» в Америке, издающейся на русском и английском, я написал «Письмо американскому фермеру», – рассказывал Белов. – Но редактор, как я узнал потом, еврей, без видимых причин отклонил письмо. Я передал письмо в газету «Россия» в Москве, вроде бы нейтральную, продемократической ориентации. Но и там сказали, что, мол, надо бы подождать главного редактора, он в отъезде, а когда придет, тогда всё и решит. Вообще, если и там откажут, то я предложу письмо вам, оно небольшое, четыре странички.

Уже в прихожей Белов спросил меня о ближних планах. Я сказал, что намереваюсь поехать в Новгород и сделать беседу с Дмитрием Балашовым, который много и интересно пишет про Святую Русь.

Белов согласился, что это хороший писатель. Но заметил, что он не разделяет его пассионарности, её Дмитрий Балашов, по мнению Белова, заимствовал у Льва Гумилёва. Этот последний был сыном Анны Ахматовой, еврейки по происхождению, и Николая Гумилёва, татарина по происхождению. Поэтому их сын, Лев Гумилёв, и пытался создать некую «теорию пассионарности»; заодно он высказывал предположение, что монгольское иго, как и монгольское завоевание, было благом для России.

– Это какая-то чушь! – горячился Василий Иванович. – Какой-то абсурд. Я эту теорию не разделяю.

Мне нечего было сказать в ответ, я не вникал в «этот вопрос» так глубоко, как Василий Иванович.

– Всё же передай, – голос Белова потеплел, – большой привет от меня Дмитрию Михайловичу.

Впоследствии я это и сделал.

Я вышел на улицу, мне показалось, что никакой хмури нет, что с неба сеется свет, а вокруг идут самые добрые, самые лучшие люди.

Это во мне ощущалось участие души Белова!

8 декабря 1992 – май 2018 гг.

ЛУЧШИЙ ПОРТРЕТ

Всякий человек – сокровенная тайна. Так, видимо, устроено Божественным Промыслом. «Тайная тайна», её разгадка ускользает от нас. Искренний поэт Николай Рубцов, лучший друг Василия Белова, в одном из стихотворений не зря сказал: «Я – как есть загадка мироздания!».

Порой кто-либо прилагает усилия проникнуть в тайну, но она всё равно не до конца раскрывается.

А, может, её и не следует раскрывать?

Если вдруг такое и случится, что её разгадают, тогда, пожалуй, человек перестанет быть человеком, а превратится в нечто иное.

Не приведи, Господи!

И всё же одарённая личность, будь она в науке или искусстве, как бы произвольно, по зову души, желает познать «тайну» человека.

Думаю, этому служит и портретная живопись. Художник, передавая духовность натуры, взятой для портрета, собственными средствами раскрывает её тайну. Далеко не всякому мастеру кисти такое по плечу. Перед портретистом стоят две сложные задачи. С одной стороны, он должен

быть полностью подчинён природе. Только природе! Ни в чём не отступать от неё. С другой стороны, если художник просто перенесёт на холст природу, то выйдет у него, скорее, не портрет, а всего лишь копия. К природе он должен добавить ту самую «тайну», а сначала увидеть её и понять.

Именно так творчески и работал над портретами Олег Александрович Бороздин, на мой взгляд, один из самых талантливых живописцев на Русском Севере. Художник Божьей милостью, он всегда следовал Природе, лучшему, по его мнению, Учителю. Олег Александрович творчески усвоил и продолжал традиции выдающихся русских художников, особенно любил картины передвижников.

Бороздин родился на станции Няндомы Архангельской области 7 октября 1929 года, отец работал в локомотивном депо, а мать – из вологодских крестьянок. Олег рано проявил тягу к рисованию. Подростком попал на областную «Олимпиаду молодых дарований Севера» в Архангельск, где его рисункам присудили первое место. Начиная художник познакомился со Степаном Григорьевичем Писаховым, знаменитым северным сказочником, художником, получил от него напутствие: «Надо тебе, Олег, учиться!».

Внимая этому совету, поступил в Ярославское художественное училище, окончил его. В училище встретил Елену Кулакову, женился на ней и приехал на её родину – в Вологду. Так Бороздин связал судьбу с древним русским городом. Здесь он иногда выполнял заказы Вологодского областного книжного издательства. Ему поручили оформить первую книгу Василия Белова – поэтический сборник «Деревенька моя лесная». Олег Александрович с душой исполнил заказ – обложка вышла симпатичная, сразу притягивала взгляд читателя.

С тех пор пути писателя и художника не пересекались.

Но судьбе было угодно, чтобы они снова встретились.

Произошло это так.

В начале XXI-го века «либеральное руководство» РФ бросило культуру, прежде всего – русскую литературу и

русскую живопись, фактически на произвол судьбы, на самовыживание. Большую часть издательств закрыли, систему распространения книг и печати отдали в частные руки, выставки художников устраивали редко. Возникла ситуация, когда само существование русской культуры едва ли не полностью зависело от благотворителей.

В краю вологодском самым известным из них стал Евгений Лунин, человек, разносторонне одарённый – изобретатель, предприниматель, собиратель произведений живописи. В культуру он вкладывал большие средства и, естественно, был знаком с лучшими её представителями, в том числе и с Василием Ивановичем Беловым, они часто общались.

Приближалась памятная дата – 70 лет со дня рождения Белова (23 октября 2002 года). Лунин решил преподнести юбиляру необычный подарок. Евгений Михайлович попросил Олега Александровича Бороздина написать портрет Белова. Художник после некоторого раздумья согласился, тем более, что Лунин ещё раньше приобрёл у живописца несколько полотен для своей коллекции.

И вот в назначенный час порог квартиры художника на тихой окраинной улице переступил писатель. Рядом с жилыми комнатами у Бороздина была небольшая мастерская, туда он и пригласил Белова.

– Я позировать не хочу! – ещё не закрыв дверь, объявил Белов.

Ну, это надо знать Василия Ивановича!

А что делать художнику?

– Как же я буду писать? – невольно воскликнул он.

Белов промолчал.

Всё же Олег Александрович усадил именитого гостя в кресло и встал у рабочего мольберта.

– Я очень занят, – опять предупредил Василий Иванович, – могу посидеть только с десяти часов до двенадцати, больше не могу.

Понятно!

Что такое два часа для художника?

Они пролетают, как одно мгновение. Первый сеанс рисует Бороздин Белова, второй сеанс, а всё получается не то.

Мимика у Василия Ивановича подвижная, трудно ухватить какое-то определённое состояние. Писатель как бы показывал, что он не привык сидеть просто так, без дела. Позирование, по его мнению, разве дело?

Олег Александрович набросал портрет углём. Пора бы переходить к краскам, но он чувствовал: чего-то важного в набросках не хватало, не уловил «самое-самое».

Что же делать?

И тут вдруг, невольно для самого себя, Бороздин стал рассказывать писателю о своём детстве на станции Няндомы, выпавшем на годы войны, о матери, уроженке Вологодчины, об отце, о впечатлениях военного лихолетья...

И, к удивлению художника, рассказ тронул Белова. Он заинтересовался воспоминаниями Бороздина, успокоился, сидел молча и слушал.

Бороздину только того и надо!

Наконец-то, ему удалось поймать то единственное выражение лица Белова, которое и «сделало» портрет.

Ещё до начала работы Василий Иванович показал Бороздину фотографии некоторых портретов, которые писали с него другие художники. Один московский живописец, кстати, академик, изобразил Белова таким курчавеньким весёлым старичком – нечто вроде персонажа Луки из пьесы Максима Горького «На дне». В жизни, особенно в творчестве, Белов был совершенно другим, о чём хорошо знал Бороздин.

Когда он закончил портрет, Василий Иванович пришёл вместе с женой Ольгой Сергеевной.

– Сколько его ни писали, – воскликнула она, – этот портрет – самое-самое!

А Василий Иванович скромно добавил:

– Похож!

Из уст известного писателя такая оценка многого стоила.

И на самом деле, портрет Белова – значительное произведение Олега Бороздина, которое можно отнести к одной из вершин его портретной живописи. Не случайно, что фото, сделанное с портрета, фигурировало на приглашениях по случаю юбилея писателя. Оно после ухода его из жизни украшало залы и сцены «Беловских чтений».

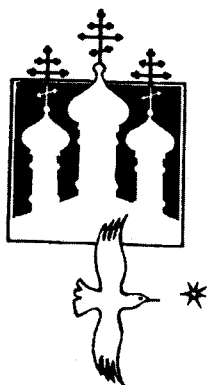
Портрет побывал на межрегиональной выставке художников «Русский Север» и на федеральной выставке в Москве.

«Всё прекрасно в этом портрете, – написала жительница Московской области Лебедева. – Взгляд Белова завораживает. Смотрит прямо в душу. И никуда от него не спрячешься. Когда так смотрят, хочется жить с чистой совестью...

Талант Художника с большой буквы!»

Последняя фраза в равной степени характеризует и Мастера слова, и Мастера кисти.

2004-2018 гг.

ДУША ЖИВА В СЛОВЕ

Беседа с писателем 23 октября 2002 года.

Сердцем как-то и не веришь, что Василию Ивановичу Белову, признанному классику современной русской литературы, исполняется уже 70 лет.

Как быстро летит время!

Несмотря на возраст, Белов, как и в далёкой молодости, пребывает в творчестве, работает за письменным столом, в поездках по России и зарубежным странам.

Словом, не уповает на «участь пенсионера».

Писатель не очень жалуется собственные «круглые даты», и, наверное, он по-своему прав. И всё же этот юбилей стал радостным праздником для читателей, любящих его творчество.

В своё время литературный критик Юрий Селезнёв писал о В.И. Белове: «Присутствие такого художника в жизни любого народа, любого общества – явление отрадное...».

Он издал свыше ста книг общим тиражом более двух миллионов экземпляров. Причём, зарубежных изданий больше, чем российских. Его произведения включены в школьные и вузовские программы.

Отправляясь на встречу с юбиларом, я хотел, чтобы он, насколько возможно, оглянулся на пройденный путь. 20/.

– Великая река Волга берёт разбег от ручейка в болотце в окрестностях озера Селигер. А где исток Вашего пути в литературу?

– Определённо об истоке говорить можно. Он – в стихии народной жизни, деревенском детстве, в неброской, но милой северной природе. Я благодарен матери – Анфисе Ивановне, круглой сироте. Она знала столько поговорок, песен, стихов, частушек, присказок.

Иван Фёдорович, мой отец, крестьянин и плотник, погиб в бою в 1943 году, защищая Смоленск. Мама поднимала пятерых детей одна. Мы рано узнали труд, хлебнули нужды, голода.

В 1947 году я окончил Азлецкую семилетнюю школу, потом – ФЗО, где получил аттестат столяра 5-го разряда. Я немало странствовал – жил то в Грязовце, то в Ярославле, то в Перми, освоил несколько профессий – моториста, электро-монтёра, журналиста. И везде тосковал по отчим местам, по родной деревне Тимонихе.

Моё увлечение литературой началось с поэзии. Первые стихи напечатал, когда служил в армии, в газете Ленинградского военного округа «На страже Родины» и в журнале «Звезда». Позже, в Вологде, рукопись моих стихов прочитал Александр Яшин, земляк, уроженец села Блудново под Никольском. Он тогда уже был известным поэтом и прозаиком, имел вес в столичных литературных кругах. Александр Яковлевич похвалил, одобрил мои стихи, поддержал моё стремление поступить в Литературный институт. Рекомендации мне дали московские поэты Ярослав Смеляков и Николай Старшинов. Учился я на отделении поэзии в семинаре поэта Льва Ошанина.

Дружил я с Яшиным и другими писателями. Кое-кто из них советовал обретать себя в прозе. Это соответствовало моему внутреннему зову. Вообще, к моему творчеству Александр Яшин был пристрастен до последних дней, его

замечания, иногда острые и резкие, но точные и правдивые, окрыляли. Его добрый взгляд не обошёл и других писателей-вологоджан. Яшин стоял у истоков Вологодской писательской организации, он – главный создатель «вологодской школы» в литературе, если такой термин уместен. Во всяком случае, читателям хорошо знакомо творчество её представителей – Сергея Викулова, Николая Рубцова, Ольги Фокиной, Александра Романова, а также прозаиков, критиков.

– Публикация повести «Привычное дело» буквально «взорвала» общественное мнение в Советском Союзе. Её зачитывали до дыр, передавали из рук в руки. С неё начался триумф Белова как истинного художника слова. Почему тема крестьянства стала определяющей?

– Путь повести «Привычное дело» к читателю не был ровненьким. Редакция «Нового мира» отклонила некоторые мои рукописи. Напечатал «Привычное дело» журнал «Север» в Петрозаводске, главным редактором был прозаик, фронтовик Дмитрий Гусаров. Сразу после этого, а потом и два десятка лет кряду вокруг «Привычного дела» не затихали споры.

Особенно противоречивые мнения вызывал мой герой Иван Африканович Дрынов. Я смотрел на всю эту шумиху спокойно. И тогда, и теперь не могу сетовать на равнодушные ко мне читателей и критики. Каждая новая вещь, в частности, роман «Всё впереди», вызывали бурную реакцию публики. И, Слава Богу! Самое страшное, когда твой труд, которому отдано столько сил и времени, никого не трогает.

Я не выбирал, как полагают некоторые, тему деревни, крестьянства – это естественное состояние моей души, как дыхание, как сердцебиение. Дело, разумеется, не в описании зипуна или физиономии «из народа».

Напомню: русский крестьянин был опорой огромного государства в экономическом, военном, духовном, культурном смысле.

– Вас часто называют лидером «деревенской прозы», как бы обозначая термином направление в литературе и общественной жизни. Как Вы к нему относитесь?

– Если честно, отрицательно отношусь к этой и подобным классификациям, даже в условном понимании. А куда мы с вами поместим прозу Михаила Лермонтова, Никблая Гоголя, Льва Толстого? В деревенщики? Или Николая Лескова? К горожанам что ли? Какие же «деревенщики» Фёдор Абрамов или Валентин Распутин, если творчество каждого – напряжённый поиск ответов на самые острые вопросы жизни, поиск нравственных ориентиров в мире?

Внешний материал произведения ещё не всё определяет. Цикл моих повестей «Воспитание по доктору Споку» имеет городскую основу. Ну и что? Проблемы, которые я хотел отразить, одинаково близки и жителю промышленного мегаполиса, и обитателям какой-нибудь глухой деревушки.

– Василий Иванович, в ваших произведениях огромное количество героев и персонажей, не похожих друг на друга, из самых разных социальных слоёв. Насколько они реальны? Насколько они вымышлены?

– Спросите о чём-нибудь полегче! Это «моя кухня», не стоит её приоткрывать. Скажу лишь, что я много езжу по России и другим странам, встречаюсь с разными людьми, мне пишут письма со всех концов, и, конечно, что-то от этого общения я беру. Не забываю жизнь и рассказы односельчан. Большую часть своих вещей я написал в черновиках в Тимонихе. Когда работаешь, чей-то конкретный образ в воображении, конечно же, как бы есть. Но я всегда различал, где «голый документ», где образ документально-художественный. То есть, как бы комбинированный.

– К слову, о деревне Тимониха. Хоть до неё от Вологды и далеко, под двести вёрст, но в разные годы у Вас там побывали и Фёдор Абрамов, и Евгений Носов, и Валентин Распутин, и Василий Шукшин, и Александр Яшин и ещё многие известные писатели и поэты. Что можно сказать о писательской дружбе?

– Те дни, когда у меня в деревне бывали друзья, может, самые счастливые в моей жизни.

Это незабываемо!

Увы, многих уже нет в этом мире. Вот недавно ушёл из жизни Евгений Носов, которого я люблю, с которым мы по-настоящему дружили. Большой писатель, крупный художник.

Единственное, чем можно оправдаться перед друзьями, – создать мемуары о них. Такую задачу я ставлю перед собой. Два года назад журнал «Наш современник» опубликовал мою повесть-воспоминание о Василии Шукшине «Тяжесть креста». Я старался не приукрашивать Василия Макаровича, а показать его, что называется, крупным планом.

– *Вы работаете во многих жанрах – стихи, рассказы, повести, романы, киносценарии, драматургия. Ваши пьесы поставлены в ведущих театрах страны, в частности, «Александр Невский» – в Академическом театре драмы имени А.С.Пушкина в Санкт-Петербурге. Почему выбор пал именно на этого исторического деятеля?*

– В русской истории Александр Невский – одна из самых трагических и одновременно героических фигур. Эпоха, когда жил и действовал князь, положение Руси в чём-то схожие с нашими временами. Европа вела себя предательски по отношению к Руси, с Севера и Запада на нас жали рыцари, с Юга – татары. Чтобы в тех условиях не только выстоять, но и одержать победу над врагом, требовалось огромное мужество, талант государственного деятеля. Этими качествами обладал Александр Невский. Не всегда у него складывались отношения с новгородцами, с братом Андреем и сыном Василием, но он им прощал, обладая широтой души и христианским милосердием. Пьесой я хотел привлечь внимание нынешней молодёжи не только к фигуре Александра Невского, но прежде всего – к истории Отечества. Её многие знают плохо, по-школьному поверхностно.

– *Земляки постарались: дорогим подарком юбиляру и всем читателям стал выход книги, где под одной обложкой*

размещены три романа – «Кануны», «Год великого перелома» и «Час шестой»...

– Да, я рад этому. Тем более, что книга поступит во все библиотеки области. Спасибо губернатору В. Позгалёву и всем, кто помогал выходу издания. Над трилогией я работал более 30 лет. Я пытался воссоздать широкую картину жизни русского крестьянства в XX веке, включая и трагические события – коллективизацию, сталинские репрессии. Не мне судить, как получилось, это дело читателя.

– Вас знают в стране и как человека, равнодушного к общественным проблемам. Вы были членом обкома партии, народным депутатом СССР. Что осталось в памяти?

– Не раз я давал себе зарок не ввязываться ни во что, а только писать. Но опять ввязывался – такой характер! Да и как отмолчаться, например, о недавних событиях в Югославии?

... Я вспомню только один эпизод. В своё время хотели перебросить сток озёр и рек европейского Севера в Волгу, на юг. Это была бы настоящая катастрофа. Я написал статью против проекта и передал её в орган ЦК – газету «Правда». Там материал долго пролежал, а потом вышел, как раз в день моего 50-летия, в заграничном журнале «Посев». Я сразу попал в «диссиденты».

Во всяком случае, я был рад тому, что так или иначе публикация помогла остановить варварскую акцию.

– Вы не раз вставали на защиту русского языка. Что ему, на Ваш взгляд, угрожает?

– Древнеславянский язык, «кровный» родитель русского, мы получили от Бога, нельзя с ним обращаться кое-как. Родное слово в полноте своей выражает всё духовное и эмоциональное состояние человека.

С этих позиций и необходимо вести борьбу против повсеместного распространения иностранной лексики. На мой взгляд, прежде всего нужно спасать кириллицу. Наш разгром идёт с того, что кириллицу вытесняет латинский шрифт.

Порабощение народа начинается с отвержения родного

языка, с раздвоения культуры. В существующем русском языке за последние годы произошли огромные изменения не только в лексике, но и в синтаксисе, пунктуации. Идёт явное обеднение языка по количеству слов, замена их на чужие слова.

Русский язык в значительной мере утратил свойственные ему ритмичность и тональность. Что же касается реформы языка, на которую замахиваются некоторые учёные и администраторы, то она выглядит абсурдно и нелепо. Тихой сапой проник в наш быт, так называемый, «сленг», людей приучают думать и чувствовать не по-христиански, не по-русски. Это – скрытый цинизм, тайная похабщина.

Я убеждён: сохраним родной язык – сохраним всё!

«МЫ ВСЕГДА С ВАСИЛИЕМ БЕЛОВЫМ...»

Накануне II-х Всероссийских Беловских чтений под девизом «БЕЛОВ. ВОЛОГДА. РОССИЯ» (21-23 октября 2015 г.) я встретился с главным редактором литературно-художественного журнала «ЛАД вологодский» Андреем САЛЬНИКОВЫМ. Это издание знают и любят читатели России, на его страницах встретишь произведения не только вологодских авторов, но и писателей и поэтов, живущих в самых разных регионах.

– Андрей Константинович, что значит имя Василия Ивановича Белова для Вас, для журнала и читателей?

– Собственно говоря, именно Василию Белову журнал обязан своим названием. Нынешний «ЛАД вологодский» –

продолжение журнала для семейного чтения, его издавала редакция областной газеты «Красный Север» с 1991 по 1994 годы. Название тому журналу выбирали, можно сказать, всем миром – собирали предложения в редакции, просили высказаться читателей. Больше всего голосов набрал «Лад» – и именно в честь знаменитой книги Василия Ивановича. Это показало не только любовь вологжан к своему народному писателю, но и ожидания от нового издания: людям хотелось, чтобы речь в нём шла о ладе, а не о том раздрае, который окружил тогда нас всех.

Журнал за это время сильно изменился: сменил формат, оформление, периодичность, даже название чуть-чуть другое. Но суть его осталась прежней. Мы стараемся в основных публикациях рассказывать о том историческом, литературном, природном, культурном феномене, которым является Русский Север, в частности – Вологодчина.

Именно этому была посвящена замечательная книга Василия Белова, и мы, как можем, продолжаем «беловскую линию».

– Сколько за последние годы было в журнале публикаций, так или иначе посвящённых Василию Белову?

– Ну, как тут посчитаешь! Во втором номере «Лада», ещё того, который выходил в девяностые годы, мы опубликовали главы из романа Василия Ивановича «Год великого перелома», он специально их для журнала передал. Возрождённый «Лад», уже в 2006 году, в первом же номере поместил фоторепортаж о жизни Василия Ивановича в Тимонихе. В 2007 году выпустили специальный номер, посвящённый 75-летию писателя. Готовили номер к 80-летию, но, увы, пришлось делать его траурным: в декабре 2012 года Василий Иванович скончался. В том году финансовые трудности позволили выпустить только один номер журнала, и этот единственный номер был посвящён Василию Ивановичу. Мы печатали статьи о творчестве Белова, воспоминания о нём, рассказы о встречах с читателями. Да что говорить – есть в журнале специальный раздел «Уроки

Белова»; вот недавно в нём был опубликован репортаж из музея-квартиры писателя в Вологде.

– *Василий Иванович – один из создателей «вологодской школы» в литературе, которая привержена народной правде, народной почве, народным традициям. Как журнал поддерживает всё это?*

– Русская литература, и не только «вологодская школа», всегда была привержена народной правде, если нет – то это сложно назвать русской литературой. Хорошо, что вологодские писатели, в основном, и теперь стараются не отходить от традиций великой русской классической литературы, развивать их. И наш журнал всегда готов их поддерживать. Среди наших постоянных авторов Сергей Багров и Александр Цыганов, Геннадий Сазонов и Ольга Фокина, Ольга Кузнецова и Анатолий Ехалов, Роберт Балакшин, Александр Ломковский, Виктор Плотников и другие прозаики и поэты, известные не только на Вологодчине. Не раз публиковались у нас Владимир Личутин и Николай Зиновьев, Александр Сегень, Владимир Крупин, Владимир Костров, многие другие выдающиеся писатели России.

– *В старину Вологодский край справедливо называли «Русской Фиваидой на Севере». Какое место тема Православия, традиций христианских занимает в журнале?*

– У нас есть раздел «И ныне, и присно», один из основных в журнале. Здесь публикуются беседы священнослужителей, ответы на вопросы о Боге, Вере, очерки о современной жизни Церкви, её святых. Журнал постоянно рассказывает о вологодских храмах и монастырях, были материалы о замечательном реставраторе Сергее Белове, возрождающем старинные иконы, о представителях современного церковного искусства. Собственно, разговор о Вере не ограничивается рамками православного раздела. Звучит эта тема в прозаических публикациях, искусствоведческих, в публицистике – ведь Православие составляет основу бытия, и журнал старается показать самое важное в жизни нашего края и всей страны.

– Андрей Константинович, как Вы оцениваете I-е Беловские чтения, которые прошли в октябре 2014 года? Что ожидаете от нынешних чтений?

– Прошлые чтения были первыми, и это, пожалуй, самое большое их достоинство. То, что на родине великого русского писателя Василия Белова начат системный и серьёзный разговор о его творчестве, о проблемах, которые раскрывали книги Василия Ивановича, – очень хорошо. Хотелось бы, чтобы разговор не оказался «засыпанным» показушной суетой, чтобы он имел достойное продолжение и в изданиях, и в жизни.

– На взгляд главного редактора литературно-художественного журнала «ЛАД вологодский», какие существуют тенденции в современном литературном процессе? Что в них положительное, а что неприемлемо?

– Тенденции в литературе, пожалуй, вряд ли, изменились за всё время существования письменности. Как и прежде, писатели восхищаются красотой мира и страдают от несовершенства человека. Как и прежде, одни хотят своими книгами сделать этот мир лучше, а другие стремятся улучшить только собственное существование.

Говорить о технических особенностях нынешнего литературного процесса, выделять какие-то тематические или ремесленные особенности, вряд ли, нужно.

Мне кажется, что прогресс в литературе едва ли возможен – лучше ли Александр Пушкин древнего писателя Гомера?

Виктор Шкловский находил в прозе Льва Толстого все приёмы, которыми гордились как открытием писатели двадцатого века. Наверное, их можно найти не только у Льва Николаевича, но и у Мигеля Сервантеса, скажем. Или в тексте «Слова о полку Игореве»...

Мне видится история литературы не лестницей – от плохого к хорошему, а «рекой времён», как говорил великий наш поэт Гавриил Романович Державин. И положительные тенденции – это как раз те, которые находятся в

русле многовековых традиций. А неприемлемое – те, кто эти традиции отрицают. Точнее – пытаются отрицать.

Влияние таких «отрицателей» на ход литературного процесса, значение громогласного ниспровержения идеалов в общественной жизни, мне кажется, сильно преувеличено.

Стремление шокировать читателя языком или тематикой разговора не сегодня же пришло в литературу, оно всегда было, но было всегда маргинальным, малозаметным по существу. Таковым оно, конечно же, и осталось. 21/.

НЕ ИЗМЕНЯЯ ПРАВДЕ

Опыт литературного анализа

Очерк «Дорога на Валаам» – «краткая энциклопедия» современного бытия не только России, но и целого мира, всего человечества.

I

Если хотите узнать о Василии Белове то, что таилось у него в душе, желаете понять в нём самое сокровенное, тогда неторопливо, вдумчиво читайте про то, как он ездил на знаменитый архипелаг Валаам. Там среди скал и бескрайних вод Ладожского моря, на лесистых островах действует одна из древнейших колыбелей русского Православия. Там монахи возносили и возносят молитвы к Небу о благоденствии Русской Земли, её сохранении и процветании, сбережении русского народа.

Заметки откроют вам глаза на многое и в обычных ваших заботах, и в событиях пёстрого, противоречивого современного мира.

Удивительное дело!

Очерк написан 21 год назад, а не покидает чувство, что

произведение вышло из-под пера Василия Ивановича вчера, оно ещё «свеженькое».22/.

Отчего так?

Существует, на мой взгляд, несколько причин «нестарения».

Определяющая причина – верность Василия Белова правде жизни, правде творчества, духовной правде. Не изменить Правде – было сложно для писателя во все времена. Ну, а в наше время – особенно непросто. Что мы наблюдаем вокруг? Очень часто ложь старается везде, где возможно, собой заменить Правду. Одни люди искажают события и факты из истории России, свершения её государственных и культурных деятелей, другие – без стыда называют предпринимательством обычное ростовщичество и корысть безмерную, третьи – обирание «правлящей верхушкой» нищих людей возводят в ранг благотворительности.

Перечислять «новшества» можно ещё и ещё.

Ясно, что в подобной обстановке сохранить себя от соблазна «подыграть либералам» довольно трудно. Некоторым творческим работникам прямо-таки не терпелось «распнуть» с экрана или в «демократической газете» «кондовую Русь», обозвать русских людей «вековыми рабами», утверждать, будто «Россия тащилась всегда в хвосте Запада» и прочая, прочая.

За всё «это», так называемые, «новые хозяева» отменно платили рублём или долларом. И, увы, отыскалось немало «служителей пера», не устоявших в профессиональном долге и впавших в «ересь русофобства».

Василий Белов счастливо избежал «страшной участи». Как ему удалось? Очерк «Дорога на Валаам» даёт ответ. Будет к месту привести одно из рассуждений о профессиональном долге. «Творческая деятельность по призванию лучше всего образует, формирует личность и помогает осуществить общее для всех христиан призвание: строительство Царства Божия в себе и в мире, – считал Епископ

Александр (Семёнов-Тян-Шанский). – Этой основной цели должны служить все таланты. Без этого основного творчества, совершаемого со Христом и во Христе, всякая человеческая деятельность, хотя бы и по призванию, искажается и увядает». 23/.

Другая существенная причина. Очерк «Дорога на Валаам» – едва ли не единственный в большом художественном наследии классика русской литературы, где героем является он сам, то есть, писатель Василий Белов. Мы узнаём об авторе почти всё: о привычках, характере, слабостях и пристрастиях, симпатиях и антипатиях, слышим оценки разных событий и явлений в обществе. Перед нами раскрывается, если можно так выразиться, «история духовного состояния великого писателя». Она заставляет читателя задуматься о смысле существования, несёт в себе много поучительного и познавательного.

Ведь от камней Ладоги до природы родной деревни, как посчитал автор, «всё сотворено Богом!». Путевые заметки по замечанию вологодского искусствоведа, «горькое свидетельство нашего духовного и душевного неблагополучия». 24/.

Наконец, очерк по-прежнему сохраняет актуальность из-за того, ради чего был написан. «Так христианин ли я?» – спрашивал себя писатель.

Это – вопрос вопросов!

Для ответа на него и потребовалась поездка в древнюю обитель. Позже Белов признался, что жизнь его разделилась на две части: до поездки на Валаам и после поездки.

II

Исповедальный стиль «путевых заметок» не требует пояснений. Сам автор подтверждал своё желание очиститься от «накипи лет», он то и дело «изливал душу» читателю,

выкладывал наболевшее. Из чего вполне можно заключить, что писатель ехал в монашескую обитель не как турист или паломник, а как желающий приобщиться Божественных Таинств.

Исповедь – величайшая Тайна, дарованная грешному человеку Богом.

Известно, что перед её совершением всякий обязан вспомнить свои прегрешения, большие и малые, осудить их, покаяться в них, и, по возможности, не совершать ничего подобного в будущем.

Так и поступил в своём очерке Василий Иванович Белов, – каялся!

Поскольку он большой писатель, чувствующий личную ответственность за всю Россию, её прошлое и будущее, за весь русский народ, то и начал он «свое покаяние» с пороков и всяких нестроений, которые пышным цветом расцвели в обществе в последние десятилетия.

В подтверждение мне пришлось бы, наверное, пересказать весь объёмный очерк, ибо «покаянный вопль» слышен в каждой из семи частей. Но дело это неблагодарное, пусть сам читатель прочтёт произведение. Я же хотел бы задержать внимание на «ключевых» моментах.

С самого начала автор даёт оценку того, что происходило в России: «После первого действия великой трагикомедии с ельцинскими выборами вздумал я сделать себе маленький отпуск... На выборах тоже свои законы и тайны. Никогда не понять простому человеку, откуда появляются на свет, например, такие газеты, как «Не дай Бог». Или почему демократы называют себя демократами, а всех патриотов коммунистами? Лукавство явное, и справедливость тут даже не ночевала. Что, разве Александр Николаевич Яковлев демократ? Увольте! К слову демократ без кавычек не обойтись», – писал Белов.

И тут же сорвалось с языка: «Вот если б взять отпуск от «демократии!»».

На его взгляд, особую разрушительную роль в круше-

нии Советского Союза, а затем и в существовании Российской Федерации сыграли и продолжают играть, так называемые, средства массовой информации. И это наблюдение писателя абсолютно точное. «Поэтому я редко слушаю радио, не получаю газет. По «ящику» гляжу только новости, – признавался он. – Новости сообщаются главным образом «демократические», а если и бывают чуть правдивые, то очень редко и очень малыми дозами, да ещё и перемешанные, с так называемой, «музыкой». Послушаешь – и тошно становится. Реклама противна того больше. Напрасно думают, что она безобидна! Реклама, если даже нейтральна в политическом смысле, всегда вредна в смысле моральном. Она ядовита в нравственном и противна в эстетическом. Но «демократу» ничего не докажешь».

Каким же целям, возвышенным или низменным, служит огромная армия «демократических писак»? Свету или мраку?

«Как никогда раньше, обнажается нынче в средствах массовой информации суть дьявольских действий, – давал ответ автор. – «Разделяй и властвуй!» – безмолвно вопит своим клеветам враг рода человеческого. И народ забыл христианскую истину о разделённом доме. Да, Россия под водительством Ельцина – дом разделённый.

Страшная вещь раскол, к примеру, в семье. Раскол в Отечестве ещё страшнее...».

Следы его писатель обнаруживал и рядом, и вдалеке. «На вокзале покупаю газеты, чтобы узнать, что происходит в Москве. И там всё то же. Деньги, рынок, челноки. За окном вагона – челноки. На улице – челноки. Челночная жизнь. Растительная. А есть ещё просто бандитская. Рэкет... Что за манера внедрять в печать иностранные термины? – возмущался он. – Жулика и бандита демократы назвали культурно: рэкетир. Гулящую девку демократические газетчики нежно кличут «жрицей любви». Но причём любовь, когда речь идёт о пороке, о физиологическом акте, постыдном с точки зрения нормального человека?».

Потрясают впечатления писателя от посещения родной деревни, услышанные им мнения сельских женщин о действующей власти. И сам их скудный быт. «Живут они в домах, срубленных ещё в прошлом веке, – отмечал автор. – Летом ещё ничего, дров надо не так много. А каково им зимой, господин Вяхирев? *(Бывший глава Газпрома - ГС.)*. Дрова берегут, воду экономят даже на умывании. Лекарств нет и в помине. Медиков тоже нет. Пенсии хватает еле-еле на чёрный хлеб. (На белый лишь инвалидам войны). «Иной и на войне-то не бывал, – говорит Марья, – а пенсию весь мильён огребает...».

У Марьи сыновей нет, у неё две дочери. Одна в Вологде, другая за военным в Мурманской области. У других старух детки кто в Сомотлоре, кто где-нибудь в Архангельске.

– Друзья! – хочется мне обратиться к ним. – Сыновья вчерашних крестьян – газовики, шахтёры, нефтяники! Одумайтесь, что вы делаете? Вы же грабите родной дом, в котором родились! Вы гоните газ австрийцам и немцам, чуть ли не до Ла-Манша, а ваши родные бабки клянчат в колхозе трактор, чтобы привести волочугу дров. Последние рубли отдают сперва в контору, потом ещё и пьяницам, чтобы привезти эти дрова из лесу, чтобы не замёрзнуть в старой избе в крещенский холод. Да ведь и замерзают старушки одна за другой. Проголосуют и умрут. Безропотно, как некрасовская Арина.

Что же вы, внуки? Куда глядите? Почему даёте себя одурачить вином, телевизором, фальшивой газетой?».

Прошибает до слёз сцена смерти старушки Марьи, той самой, соседки писателя – она скончалась в хлеву, под коровой, и никто не знал, «только в Марьином доме поминутно трубила корова».

Все эти факты, эпизоды и сцены «общественной части» покаяния писателя возвращают нас к главному: «Христиане ли мы?».

Если терпим разорение страны, если терпим бездушные и бесчеловечные, если смирились с теми, кто нагло и

беззастенчиво грабит Россию, обрекая её народ на деградацию?

В «Части V» очерка Василий Белов уже по большому счёту ведёт разговор о воцерковлении народа русского, либо о невоцерковлении. Здесь проходит «основной нерв» существования общества и, так называемой, «демократической власти».

«Вероятно, челночница приняла меня за священника. Она сначала вежливо выяснила, куда я еду. И вдруг заявила ни с того, ни с сего:

– Никакого Бога нет!

– А почему вы так думаете?

– А потому что нет и всё. Одни сказки... Какой там ещё Бог?

– Если вы в Бога не веруете, то во что же вы веруете?

– А ни во что! Ежели Бог есть, то почему он допускает, что люди страдают? Я вон троих чужих детей вырастила... Чего вижу хорошего? Нет никакого Бога... И говорить про него нечего...».

Увы, признание случайной попутчицы могли бы, наверное, разделить очень и очень многие, живущие в России, особенно в больших городах. После отмены «атеистической идеологии», царившей в Советском Союзе, у нас не произошло, к сожалению, полноценного возврата людей к русской соборности, к истокам Православия и его традиций.

Причин тому несколько. Думаю, одна из них заключена в том, что, так называемая, «элита», образовавшаяся, в основном, криминальным путём и «сросшаяся» с властью, совершенно чужда «русскому духу», традициям Святой Руси. Воровство, стяжательство, невиданная роскошь, «модная» безнравственность – отличительные черты её «лучших представителей».

Какой же пример будет брать с них народ?

Как бы продолжая спор с попутчицей, писатель воскрешает для читателя историю своей находки в одной из деревень Грязовецкого района – старинной иконы – и рассказы-

вает о том, как она «помогала» ему восстановить Никольский храм в Сохте, на родине, рядом с деревней Тимониха.

Естественно, что на «исповеди» автор не утаил и личных грехов. Он поделился тем, как победил пагубную привычку к курению. Или открыл, как к нему, когда появляется желание труда и действия, «подскакивают бесы помельче: раздражение, нетерпение, торопливость. То и дело они суют нос в мою жизнь, нарушая душевное равновесие».

А это уже можно отнести к опыту «духовной брони» самого писателя.

«Но куда же движется наше бедное человечество? – вопрошал Василий Иванович. – То самое, которое так активно стремится к научно-техническому прогрессу? То самое, которое с такой напористой мощью строит заводы и всякие железные и бетонные штуки, вроде чернобыльского саркофага, не замечая ужаса и мерзости грандиозных городских свалок?».

Адресовал эти вопросы автор всем, кто живёт в России.

III

Что же такое Валаам в понимании художника слова?

«Итак, не озеро, а море, не остров, а целый архипелаг, созданный Творцом как бы нарочно для России. Судьба Валаама – судьба России. Около пятидесяти островов, бесчисленные заливы, протоки, бухточки, живописные леса, суровые скалы. Преображённые человеком заводы и протоки, дороги в дебрях. Множество скитов, прекрасных православных церквей, убогих монашеских келий среди скал и лесов, – открывал свои впечатления Белов. – То разрушаемых бесовскими силами, то снова чудесным образом являемых миру. И так длится много-много веков...

Говорят, что сюда ступал ногой апостол Андрей. С тех пор не стихала здесь борьба духа с «лукавством мира

сего», не прерывалась тяжба пламенной веры с афеизмом, как называл Александр Пушкин холодную рациональную мысль. Даже каменные лбы Ладоги отнюдь не безмолствуют, напоминая об этой вековой борьбе, а уж что сказать о православных скитах?».

Да, Василий Белов, естественно, не являлся «первооткрывателем» Валаама. Русские иконописцы, писатели, художники, деятели науки и культуры, начиная с самых древних времён, стремились побывать на Валааме, если предоставлялась возможность. В разные годы на архипелаг приезжали учёный Дмитрий Менделеев, поэт Фёдор Тютчев, композитор Пётр Чайковский, философ Владимир Соловьёв, художники Фёдор Васильев и Иван Шишкин, ряд великих имён можно продолжить. И вписать в него даже прозаика из Франции Александра Дюма.

Белов ощущал себя их преемником, продолжателем русских духовных традиций. «Видать, было зачем...», – заметил он о цели их пребывания в обители.

И не случайно, ещё в начале очерка, он вспомнил стихотворение Александра Пушкина («Подъезжая под Ижоры...»), а после несколько раз ссылался на поэта, а также приводил мнения других авторов.

Нетрудно догадаться, что, собираясь на Валаам, Василий Иванович успел прочесть впечатления предыдущих писателей об обители. «Не мешает вспомнить, в каком состоянии духа, вернее, в каком душевном состоянии был я перед этой поездкой. Впрочем, говорить о духовном состоянии, поскольку это высшее духовное состояние, имеют право одни подвижники. Даже многие верующие живут всего лишь душевной жизнью, а подавляющее большинство одной чувственной, либо даже животной. Последние знают лишь сон, еду и похоть. Ну, может, ещё физкультуру, телевизор и шаманские ритмы...».

Уже, вступив за ворота подворья Валаамской обители в Петербурге, Белов завёл разговор со священнослужителем: «Спросил я отца Панкратия, кто из писателей и когда посе-

тил Валаам, не бывал ли там Александр Пушкин. «Нет, – говорит настоятель, – Пушкин на Валааме не был. Бывали в монастыре Лесков, Шмелёв, Зайцев».

Я, конечно, читал превосходные очерки Шмелёва и Зайцева о поездках на острова, но меня сильно интересовал вопрос о знакомстве с Александром Пушкиным моего земляка святителя Игнатия (Брянчанинова). В прекрасной книге Л.А. Черейского «Пушкин и его окружение» помещены все пушкинские знакомцы вплоть до крепостных девок. Однако братьев Брянчаниновых там нет. Между тем в жизнеописании святителя сказано: «...родственные связи вели его в дом тогдашнего президента Академии художеств Оленина. Там, на литературных вечерах, он сделался любимым чтцом, а поэтические и вообще литературные дарования его приобрели ему внимание тогдашних знаменитостей литературного мира: Гнедича, Батюшкова и Пушкина. Такое общество, – продолжал биограф, – конечно, благотельно влияло на развитие будущего писателя (св. Игнатия - В.Б.). Преосвященный Игнатий до конца жизни сочувственно отзывался о советах, какие ему давали тогда некоторые из этих личностей».

Случайно ли, что, готовясь к отъезду из Петербурга на Валаам, Василий Иванович вспомнил святителя Игнатия и стал рассуждать о нём?

Думаю, далеко не случайно. Это как раз свидетельствовало о его духовном настроении.

Припоминаю встречу с Беловым на одной из улиц Вологды и мимолётный разговор. Я поинтересовался, что в тот момент читал Василий Иванович.

– Читаю сочинения Игнатия Брянчанинова, – ответил Белов. – Вот у кого надо учиться русскому языку!

«Трудно не согласиться с Беловым. Антон Чехов советовал перечитывать «Героя нашего времени» Михаила Лермонтова, и сам от руки переписал несколько глав из романа. У Брянчанинова можно и нужно переписывать любое произведение, любой отрывок». 25/.

Обратимся снова к очерку.

«Как видим, жизнеописание прямо называет св. Игнатия писателем, – продолжал автор путевых заметок. – А разве не о писательском даровании свидетельствуют такие сочинения, как «Дума на берегу моря», «Дерево зимою», «Сад во время зимы»?»

Конечно же, св. Игнатий был писателем. В молодости он наверняка близко знал Александра Пушкина. Каковы были их личные отношения? Когда и почему русская литература разделилась на два плохо соприкасающихся потока? Противостоит ли писатель Александр Пушкин писателю Игнатию Брянчанинову?

Неправомерным, во многом искусственным представляется мне такое противопоставление! ...

Если же русская литература, действительно, разделена на две части, то опять приходит на ум дьявольская формулировка: «Разделяй и властвуй».

На мой взгляд, примечательно: классик современной прозы признал, что святитель Игнатий «был писателем». Это не несёт в себе ничего нового, а скорее, лишний раз подтверждает высокий художественный уровень творений Епископа Кавказского и Черноморского.

Этот-то уровень и поразил Василия Белова!

Напомню, ещё при жизни у святителя Игнатия (в миру – Дмитрий Александрович Брянчанинов) вышло собрание сочинений, его произведения охотно печатали в России и за границей. Истинно русский, истинно православный писатель, Епископ Игнатий вызывал ненависть и бешеную злобу у «русских поклонников Запада», в частности, у отпетого русофоба Александра Герцена, которого в Советской России власти подняли на щит как национального героя.

Что же касается вопросов, поставленных Василием Ивановичем в связи с упоминанием имени Брянчанинова, то в очерке он не ответил на них.

Очевидно, писатель поручил исполнить эту «миссию» нам, кто ещё остался жить, так я думаю.

Не объясняя читателю откуда что, Белов в «Части V» очерка привёл довольно большую цитату из чьего-то описания путешествия на Валаам. Эти строки, отметил он, «по духу, по языку, и по самой образности родственны Пушкину, Тютчеву, Гоголю. И всей русской литературе».

Кто же автор названного отрывка?

Святитель Игнатий (Брянчанинов)!

Да, в своё время он посетил Валаам в качестве священнослужителя.

Можно не сомневаться, что поездка в древнюю обитель была для Василия Белова и своего рода открытием творчества и личности Святителя.

И ещё одна очень важная деталь.

Пытаясь постичь, что «значит духовный возраст», Василий Иванович вспомнил облик и мимолётную встречу с Иоанном, митрополитом Санкт-Петербургским и Ладожским, которого мы вправе назвать последователем святителя Игнатия во всех смыслах.

«Деревенский старичок, по-домашнему добрый и хрупкий, стесняющийся своих телесных недугов.

Но как по-богатырски могуча его духовная суть!

Какова смелость и глубина постижения родной земли и родного народа, какое бесстрашие в борьбе со всевозможными бесами!

Как безукоризненна, как велика вера, как чиста была его жизнь, отнюдь смертью не прерванная, продолжающаяся за гробом, во что учёные люди никогда не поверят.

Однажды, будучи ещё в этом мире, владыка «в две смены» принимал русских недемократических писателей. Я осмелился рассказать про вологодских горшечников, т.е. про молодёжь, попавшую в сети каких-то забугорных проходимцев. Я спросил, как вести себя с иностранными проповедниками. «Гнать в шею!» – воскликнул митрополит Иоанн.

Мучал меня и до сих пор мучает вопрос: как совместить христианское смирение с необходимостью активного, ино-

гда вооружённого противостояния бесовщине. Можно ли буквально во всём полагаться на волю Божию? При таком изобилии недугов православия и в Отечестве? Но задать этот вопрос митрополиту я не осмелился...

Тем временем вологодские горшечники под сенью местных и зарубежных банков смело вторгаются в души наших детей. Они ведут себя в России как хозяева, а демократические губернаторы не знают разницы между православием и католицизмом. Тем более начальству неведома разница между православным священником и протестанским пастором, засылаемым в глубинку России коварным Западом».

Глубоко символично, на мой взгляд, что два столпа русского Православия – Святитель Игнатий и Митрополит Иоанн – соединились в душе писателя во время путешествия в обитель.

Ну, а личные впечатления от непосредственного пребывания на Валааме мало что добавляют к уже сказанному, хотя, они, конечно, сохраняют «беловский взгляд» на всё вокруг.

Хорошо, что произошло самое главное.

Исповедь состоялась. Искренняя, глубокая, правдивая.

А всё остальное оставим на волю Божию!

ДВА СОЛНЫШКА

*Разговор о Василии Белове и Николае Рубцове
в литературном объединении «ЛИРА»*

Русская глубинка!

Люблю её дух, её людей, её неповторимый облик.

Хотя иногда и встречу там повод для грусти или горьких переживаний.

Представление о русской глубинке, как о чём-то захолустном и малокультурном, давным-давно устарело. В какой-то мере уже не так достоверны, как прежде, и строки известного поэта Николая Некрасова:

*В столицах шум, гремят витии,
Кипит словесная война,
А там, во глубине России, –
Там вековая тишина.*

Увы, «вековую» тишину встретишь уже не так часто.

Особенно это чувствуешь, когда оказываешься на «стылке» трёх областей – Вологодской, Тверской и Новгородской. Самая что ни на есть глубинка, но жизнь в ней «бьёт ключом».

Такое, на мой взгляд, можно отнести к городу Пестово Новгородской области, который стоит на берегах реки Мологи и весь утопает в соснах.

На литературной карте России Пестову принадлежит особое место. Здесь 3 августа 1933 года родился известный литератор, издатель, доктор исторических наук, профес-

сор, автор повестей, рассказов, монографий Валерий Николаевич Ганичев. Почти четверть века (24 года!) он возглавлял Союз писателей России, сохранил, уберёг от распада уникальную творческую организацию.

Валерий Ганичев подружился с Василием Беловым, когда они были в станице Вёшенской на встрече молодых писателей с литературным корифеем Михаилом Александровичем Шолоховым. Много раз Валерий Николаевич приезжал в Вологду, проводил здесь выездные пленумы Союза писателей России, участвовал в торжествах в честь юбилеев Николая Рубцова и Василия Белова.

В Пестове имя Валерия Ганичева присвоено Центральной районной библиотеке.

Конечно, не только одним известным литератором славен «сосновый городок». Земляк пестовчан – заслуженный артист России Александр Корженков 26/. На пестовской земле родился и вырос поэт, главный редактор журнала «Невский альманах» Владимир Скворцов, другие яркие личности.

Но едва ли не самой значимой культурной особенностью Пестова стало литературно-творческое объединение «ЛИРА», которое 26 лет назад организовала Антонина Ефимова, писательница, сотрудница районной газеты.

Кто только ни побывал в «ЛИРЕ» за минувшие годы!

Писатели из Великого Новгорода и Петербурга, из Москвы и Старой Руссы, из Валдая и Боровичей, даже иностранные литераторы.

В своё время с большим успехом выступал в «ЛИРЕ» замечательный поэт из Вологды Александр Александрович Романов. Он читал стихи, делился воспоминаниями о вологодских друзьях-писателях.

29 октября 2005 года здесь состоялась презентация моего поэтического сборника «Ночь на Селигере». На ней звучали стихи в исполнении участников творческих коллективов Пестова.

По традиции, установленной в «ЛИРЕ», разговор шёл не

только о новой книге, но и о творчестве других писателей, о текущем литературном процессе.

Сохранилась запись встречи, приведу некоторые фрагменты.

Виктор ЗАЙЦЕВ, поэт из Пестова, член Союза писателей России:

– Стихи, которые Вы читали, лично мне легли на душу, близки и понятны, за собратьев по перу не буду отвечать. Когда говорят «Вологда», то у меня сразу возникает ассоциация: Василий Иванович Белов и Николай Михайлович Рубцов. Сводила ли Вас судьба с этими людьми? Если нет, то хотел бы услышать просто Ваше ощущение их как собратьев по перу.

– У Вас, Виктор, очень точная ассоциация, хотя я не люблю это слово, как и другие иностранные слова. Но, действительно, когда упоминают Вологду, то в сознании, как бы помимо воли, возникают два имени – Белов и Рубцов. Они были друзьями, и тот, и другой сполна отдали свой яркий талант русской литературе и нашему народу.

Теперь отечественную культуру уже не представить без прозы Белова и поэзии Рубцова. Это как бы два солнышка на небосклоне русской литературы, они светят без устали, их свет не закроет и любая «общественная непогода».

– Да, с Василием Ивановичем жизнь свела, за что я ей благодарен. Более того, с ним у меня были достаточно тёплые, доверительные отношения. Сейчас, может быть, они чуть «охладели», точнее – общение между нами уже не такое частое, как прежде. На то есть разные причины, в том числе и не совсем хорошее самочувствие писателя, а беспокоить его из-за каких-то своих вопросов не хочется.

Я не раз бывал у Василия Ивановича дома, и он тоже бывал у меня. Мы встречались и разговаривали на улицах Во-

логды. Я ездил к нему в его родную деревню Тимонику. И не раз писал о нём.

Если оценивать Василия Белова как писателя, то в современной русской литературе, на мой взгляд, равных ему писателей нет. К великому сожалению, конечно. Я имею в виду равных по силе таланта, по глубине понимания бытия народа, по отстаиванию русских интересов, по любви к русскому языку. Хотя, может, я и ошибаюсь в своём мнении. Так, и Фёдор Александрович Абрамов, блестяще описавший русскую деревню военной поры, – огромное явление в русской литературе. Но я, разумеется, не противопоставляю Белова Абрамову, оба развивали традиции русской классической литературы.

Лариса ЯНИНА, поэтесса, автор стихов о Пестове, член литобъединения «ЛИРА»:

– Белова Вы выделяете как писателя-деревенщика, так я понимаю?

– Нет, не так! Термин «деревенщик», если применять к писателю, ничего не говорит. Этот условный термин, придумали, так называемые, литературоведы, которые далеки от народа, от русской литературы. И сам Василий Иванович не принимал его. Я веду речь о литературе, а не об «условных терминах».

Антонина ЕФИМОВА, поэтесса, руководитель литобъединения «Ли́ра»:

– Что Вы можете сказать о личности Василия Белова?

– Что касается личности, то можно говорить долго. Даже не знаю, как точнее выразить моё восприятие личности Белова? Как я себе представляю, это человек – море, море мыслей, эмоций, чувств. Характер взрывной! Куда у него колыхнётся это «море»?! Куда колыхнётся через минуту нашего разговора? Василий Иванович – человек такого темперамента, что он трудно предсказуем. Вот мы разговариваем дружески, а вот он тут же может высказать что-то резкое в мой адрес, иногда, бывает, и без должных оснований.

Я вспоминаю яркий эпизод. В начале октября 1993 года

я оказался в командировке в Москве и попал в самый центр событий, которые происходили в столице. Долго рассказывать, что и как было, но я видел на Тверской – главной улице Москвы – огромные баррикады; был свидетелем того, как демократы вооружали «народное ополчение», и ещё много чего видел. Тогда у меня возникло ощущение, что я попал в октябрь 1917 года. И думаю, это ощущение имело под собой почву.

Вернувшись из Москвы в Вологду, я написал заметки, в них поделился впечатлениями от того, что увидел в столице, попытался дать собственную оценку тому, что произошло. Местная газета «Русский Север» опубликовала мои заметки целым разворотом под хлестким заголовком «Третьего Сталина не будет...». Ну, я был, конечно, доволен, что вологжане получили информацию, как говорится, из первых рук.

А вот дальше произошло неожиданное.

Очень поздно (я часто засиживался – писал или читал) зазвонил телефон. Я взглянул на часы – половина первого ночи. Кто бы это мог быть? Я снял трубку и сразу узнал голос с интонациями, характерными только Василию Белову.

– Извини, что поздно, – сказал он, – но вот только добрался до газет, прочёл твои заметки из Москвы.

– И как впечатление? – сорвалось у меня с языка.

– Мне не понравилась публикация, я возражаю, – огорошил он меня. – Ты был у Белого дома?

– Нет, – говорю, – Василий Иванович, – не был. Я был на Тверской, на Большой Дмитровке, на Люсиновской, в Чертанове, в других местах.

– Ты знаешь, что по Белому дому стреляли американские снайперы с крыш высотных домов? – опять спросил Белов. – Я сам был все три дня в Белом доме, я сам всё видел.

– Нет, про снайперов не знаю, – признался я. – Но я видел огромную толпу, которая шла по Садовому кольцу штурмовать Останкино...

– Я не согласен с публикацией! – опять сказал он.

И писатель, исходя из наших дружеских отношений, стал меня, похоже, отчитывать.

Но у меня тоже свой характер!

– Василий Иванович, знаете что? – не удержался я. – Я высказал свою точку зрения. У вас – своя точка зрения. Вот вы возьмите и напишите, как вы видите события, а я написал так, как я вижу. Разве я не имею права на свой взгляд?

– Тогда я тебя не знаю! – он положил трубку.

Честно говоря, я расстроился. Ну, как же так? Сразу и «крест» на наших отношениях? Вскоре успокоился – ладно, на всё – воля Божья. Прошло несколько дней. Я делал пробежки по утрам. И вот бегу возле сквера, где памятник космонавту Беляеву, а по тротуару идёт Белов. Я не знаю, как с ним себя вести? Поравнялись, а он мне улыбнулся и протянул руку. Я, конечно, пожал.

Тем самым Василий Иванович как бы сказал: «Я погорячился, я зла не помню, я – христианин, я могу и прощать, и попросить прощения...».

В народе говорили – отходчивый характер.

Да, и таким был Василий Иванович.

И мы тут же, у сквера, заговорили о чём-то оживлённо, уже не возвращаясь к событиям в Москве.

Валентина БРУСОВА, *пестовская поэтесса, член литобъединения «Лира»:*

– Вы отметили, что не раз писали о Белове. Не могли сказать об этом подробнее?

– Да, была большая беседа с писателем в газете «Правда» о крестьянских проблемах. Чуть позже её перепечатало издательство «Современник», выходил в 1989 году сборник «Что с нами происходит?». Там были опубликованы наряду с беседой Белова очерки и статьи известных литераторов Валентина Распутина, Василия Пескова, Фатеев Шипунова...

Когда в Академическом театре драмы имени А.С. Пушкина в Санкт-Петербурге поставили пьесу Василия Белова «Александр Невский», я писал небольшую рецензию-бесе-

ду, её напечатала газета «Невский проспект» в Петербурге.

По просьбе журнала «Интеллектуальная собственность», который издавался в Москве, готовил очерк о Белове. Главный редактор обозначил схему: должно быть то, другое и третье. Я ему ответил: «Нет, так не пойдёт. Я согласен писать, как я представляю, каким знаю Белова». Он согласился, я такой очерк написал, показал, конечно, Василию Ивановичу, он кое-что поправил. Рисунки к очерку сделал известный московский художник Геннадий Метченко.

Были публикации, связанные с творчеством Белова, и в газете «Труд».

Друзья, хочу ещё раз напомнить вот о чём. Прозу Василия Белова надо постоянно читать и перечитывать, особенно «Привычное дело», ранние рассказы. И, конечно, трилогию «Час шестой» – уникальная книга.

Виктор ЗАЙЦЕВ:

– Вы не до конца ответили на мой вопрос. Я спрашивал ещё и о Рубцове.

– Да, извините, увлёкся Василием Ивановичем. Ну, что касается Николая Михайловича Рубцова, то личного общения у меня с ним не было. Но о нём, о его творчестве я знал давно, когда учился в университете. У меня были друзья из Вологды, они рассказывали о нём, давали читать его стихи. Когда случилась трагическая смерть, на другой день на факультете Саша Мигунов, однокурсник, он был из Вологды, поведал мне подробности, ему их сообщили по телефону. Он же вспомнил и эту строчку: «Я умру в крещенские морозы...».

Позже, когда жил в Череповце, я написал стихи, посвящённые Николаю Рубцову. Я работал в городской газете «Коммунист», и там был художник Михаил Шамахов, родной брат Генриетты, жены Рубцова, с которой он не оформил брак, но у них была дочь. Когда мы сидели в курилке или где-нибудь в баре, Михаил рассказывал интересные подробности о Рубцове, но я их не удосужился записать, о чём до сих пор сожалею, такая беспечность.

Никогда не думал, что я окажусь на родине Рубцова и

буду писать о нём и его творчестве. Но получилось именно так. Когда я переехал с Урала в Вологду, писательская организация, её тогда возглавлял замечательный прозаик Владимир Шириков, попросила меня заняться «рубцовой темой». Дело в том, что в те годы шла определённая борьба за увековечивание памяти поэта. Тогда к нему по-разному относились партийные чиновники, читатели, писатели. По крайней мере, в селе Никольском, где поэт провёл детские годы, не было намёка на память о нём, хотя памятник поэту уже был поставлен на берегу Сухоны в Тотьме.

Тема, которую предложили писатели, была для меня сложная, необычная, и хотелось её воплотить как-то особо, ярко, неповторимо. Я познакомился с другом поэта, талантливым прозаиком Сергеем Багровым. Когда он жил в Тотьме, то Рубцов часто бывал у него дома, и Сергей приезжал к нему в Николу. Сергей Петрович рассказал о своей дружбе с поэтом, мы сходили на улицу Яшина, к дому, где погиб поэт. Потом я ездил в Емецк на архангельскую землю, где родился Рубцов, разговаривал с краеведами, читателями, которые любили Рубцова, хранили память о нём.

Ну, естественно, отправился я в Тотьму, чтобы оттуда пробраться в Николу. Председателем райисполкома был молодой парень Сергей Громов. Я зашёл к нему, сказал, что готовлю материал о Рубцове. Он как-то скривился, без особого энтузиазма воспринял моё намерение, мол, бомж был какой-то, чего о нём писать. Особого желания ехать в Николу у него не было.

Я ему сказал: «Сергей Михайлович, вот завтра мы с вами сядем в машину и поедem. Если вы не поедете, я так и напишу: Сергей Громов показал себя нехорошо, такое у него отношение к поэту...».

Громов задумался, забеспокоился. А что, если на всю страну прозвучит такое?

И мы поехали!

В Николе мы нашли людей, которые ещё видели Рубцова и помнили о нём в деталях. Пришла старушка, стала вспо-

минать-рассказывать. Это надо было слышать. Из её слов возникал живой облик поэта, каким он был на самом деле.

И я сказал Громову: «Пока есть эта старушка, пока не развалилось здание интерната школьного, надо всё сохранять, надо спешить...».

И он согласился со мной.

Я написал большой очерк «Свет Николы», его опубликовала «Правда», отвела почти полосу. В материале были поставлены вопросы увековечивания памяти поэта. Не претендую на какие-то лавры, но, думаю, после публикации началось определённое движение.

Помню, позвонил из Варшавы собкор Анатолий Старухин: «Я прочитал твой очерк о Рубцове и заплакал...».

«Да ладно тебе, Толя, разыгрывать меня», – ответил я.

«Нет, в самом деле, я не вру, говорю тебе истину», – заверил он.

С тех пор «рубцовская тема», если уместно так сказать, стала для меня постоянной. Когда ленинградский писатель Николай Коняев опубликовал свою повесть «Путник на краю поля», посвящённую Николаю Рубцову, я откликнулся большой рецензией в газете «Труд». В том же издании чуть позже появилась моя публикация «Убийство на улице Яшина», где я вынужден был вступить в спор с «учёными-медиками» из Петербурга, которые уверяли, что, якобы, Людмила Дербина не убивала Рубцова, а он умер сам... от сердечного приступа.

Такая была запущена в различных СМИ «новая легенда» о кончине русского поэта.

И я выступил в защиту памяти Николая Рубцова.

Мне пришлось изучать в Государственном архиве Вологодской области два «дела» – гражданское и уголовное, связанные с именем Рубцова. Это дало возможность приблизиться к трагедии 19 января 1971 года и лучше понять характер поэта и его творчество.

Вот, если кратко, о значении для меня поэта Николая Рубцова.

Владимир ВАСИЛЬЕВ, пестовский прозаик, член литобъединения «ЛИРА»:

– Из вашего монолога я понял, что Василий Белов – авторитет для Вас. Это так?

– Да, конечно! Это так!

– Не могли бы Вы навскидку назвать ещё имена в прозе и поэзии из текущего дня?

– Это сложно, но попробую. О прозе. Рядом с Беловым стоит Валентин Распутин, это однозначно. Достойные прозаики Владимир Крупин и Владимир Личутин. Если говорить о военной теме, которой я много занимаюсь, то для меня авторитет – прозаик, фронтовик Владимир Богомолов, автор романа «Момент истины» и других замечательных произведений. Это – большой писатель.

В поэзии тоже есть привлекательные имена. Для меня на одном из первых мест стоит, вне сомнения, Владимир Соколов. Кстати говоря, если вы не знаете, то напомню, что Владимир Соколов пестовал Николая Рубцова, Евгения Евтушенко и ещё некоторых популярных стихотворцев.

Владимир Соколов – поэт, до конца ещё не осмысленный.

Прочту отрывок из его стихотворения:

Я устал от двадцатого века,
От его окровавленных рек.
Не нужны мне права человека,
Я давно уже не человек...

Вот вдумайтесь! Все слова здесь – простые! Нет никакого образа в поэтическом понимании. Но это – грандиозное четверостишие. Целая концепция существования мира и человека, это – целая философия.

Или вот ещё четверостишие:

Хотел бы я долгие годы
На Родине милой прожить,

Любить её светлые воды
И тёмные воды любить!

В этих строках нарисовано целое мироздание.

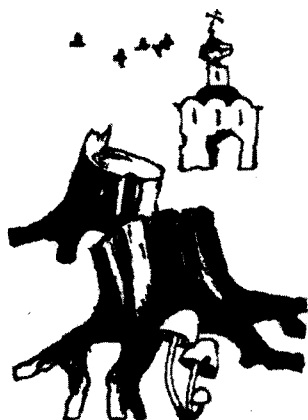
Соколов мне дорог не только потому, что он земляк – родился в Лихославле, рядом с моим родным Торжком.

Он мне по мироощущению близок.

Так же, как близок по мироощущению и Василий Иванович Белов.

г. ПЕСТОВО – г. ВОЛОГДА,

2005-2018 гг.

ПО РОДСТВУ ДУШИ...

Беседа с прозаиком Александром Цыгановым

«Главное, чтобы вы спасли Вологодскую писательскую организацию!», – сказал однажды Василий Иванович прозаику Александру Цыганову. Разговор их состоялся незадолго до ухода Белова в мир иной.

Это должно расценить как завещание мастера слова всем, кто причастен к Вологодской писательской организации и старается продолжать её традиции.

Белов и писательская организация – понятия неразделимые! Говорить об этом можно долго, назвать много любопытных фактов. Отмечу лишь, что большой писатель, если возникала необходимость, опирался на поддержку писательской организации, и сам её поддерживал. Не стала исключением и работа над самым главным произведением – трилогией «Час шестой». 27/.

Об этом беседа с лауреатом Государственной премии Вологодской области, прозаиком Александром Цыгановым.

– Найти хорошего литературного редактора нынче очень сложно, фактически невозможно, издательский процесс отдан в частные руки. Поэтому хотелось бы узнать, Александр Александрович, по каким критериям именно Вас отобрал Василий Иванович Белов для редактирования трилогии «Час шестый»?

– Должен сказать, что перед этим для меня событием, ещё раньше, Василий Иванович взял меня к себе личным секретарём.

– Вот как? Интересно!

– Да, так! Он долго выбирал, присматривался. Василий Иванович – человек своеобразный. Что он задумал, делал исподволь, не торопясь, обстоятельно. К цели шёл выверенно, спокойно, понимая, что нужен результат. В чём проявился его выбор? Не знаю, случайно или не случайно, но когда он бывал в писательской организации, или где-то мы встречались в другом месте, то часто спрашивал: «Слушай, а как там у меня в рассказе вот это?», или «А вот это у меня где?».

Я знал и любил его книги, сходу называл рассказ или повесть.

– Что Вас проверял Василий Иванович?

– Да, получается, проверял. А чего проверять? Я люблю его книгу как бы видел: какой шрифт, кто делал рисунки, кто оформлял, мысленно открывал, находил рассказ и отвечал. И он, поповеряв, видимо, приступил к проверке, более главной для себя. Спросил моё мнение «О бухтинах вологодских завиральных». Я нутром почувствовал, что надо быть откровенным до конца, избегал ответа. Василий Иванович обладал завидным терпением. Тем самым терпением в луч-

шем крестьянском понимании, поэтому не отступал. Однажды, когда остались вдвоём в писательской организации, он спросил напрямую: «Как тебе бухтины вологодские?».

Я покряхтел, покряхтел и выдал: «Несколько разбросано». Он голову опустил, ничего не сказал. Я понял, что он и сам сознавал, что бухтины выглядят, может быть, чуть устаревшими, но для своего времени они были ярким событием в литературе.

После того (не знаю, повлиял наш разговор или нет?) Василий Иванович написал цикл бухтин вологодских завиральных на современные темы.

– То есть, продолжил прежний цикл?

– Да, да. Видимо, он как-то готовил себя к этому. И отдал рукопись новых бухтин в газету «Русский Север», главному редактору Владимиру Панцыреву. Там решили издавать цикл современных книг, к слову, уже до этого выпустили сборник публицистики Василия Белова «Без вести пропавшие».

Я был в те дни на лечении в санатории «Новый источник». И вот ко мне примчался главный редактор: «Давай, берись! Василий Иванович сказал, что только Цыганов будет редактировать». Ну, я и стал редактировать. Бухтины вышли и имели успех у читателей.

– Александр Александрович, мы немного отклонились от истории издания трилогии «Час шестой».

– Всё, что я рассказываю, имеет отношение и к трилогии, прямое или косвенное. Вскоре меня пригласили в администрацию области и завели разговор о том, что приближается юбилей Белова – 70-летие – и надо бы издать его романы о крестьянстве под одной обложкой. Эта работа поручалась мне. Как я понял, власти согласовали мою кандидатуру с Беловым.

Чуть раньше произошло следующее. Василий Иванович дописывал итоговую часть эпопеи – роман «Час шестый». Он мне позвонил в Союз писателей, мы располагались тогда на улице Ленина, и спросил: «Ты можешь подойти на угол к «Русскому Северу»?». Ему туда было ближе идти от своего дома. «Да, конечно!», – ответил я.

Подошёл. Он дал мне пачку листов, наверное, 250 страниц, отпечатанных на машинке. «Ты прочитай сегодня, – сказал. – Я еду в Москву, в «Наш современник» повезу. Скажи своё мнение, только не жалея меня. Все пометки делай честно на полях карандашом».

Ещё детали, касающиеся рукописи, которую передал Василий Иванович. По его просьбе я делал запрос в Комитет государственной безопасности по ряду репрессированных лиц, данные он как-то использовал в романе. Однажды он прочитал мне частушку и попросил уточнить, к какой эпохе она относится. Уточнить! А как? Я переживал, что не могу найти. И вдруг в домашней библиотеке, будто кто-то надумил, вижу сборник, открываю, а там эта самая частушка. Ну, я позвонил Василию Ивановичу, сказал, что эпоха другая, и он убрал частушку из текста.

И вот я пришёл к себе, сел за рукопись, окунулся в неё и не мог оторваться. Читал до самого вечера, делал пометки, помня, что автор позволил мне редактировать. Однако надо было спешить – Белов собирался на поезд. Я пришёл к нему домой, он пребывал в бодром настроении, складывал вещички в портфель, вот-вот пойдёт на вокзал.

Я передал ему пачку листов.

Василий Иванович взял рукопись, открыл. И вот тут я увидел, как он гневается! Лицо стало таким белым, и на нём засветились два оконца синевы – невероятной, прожигающей! Но, учитывая, что отношения у нас были особенные, можно сказать, как у отца с сыном (я не раз замечал, что мы порой понимали друг друга без слов), Василий Иванович попридержал себя, не выказал своих чувств.

«Ладно, – сказал он. – Я еду. Отвезу рукопись для «На-

шего современника». А буду готовить к изданию, поработаю...».

Разговор был в пятницу. А в понедельник, мы сидели с прозаиком Виктором Плотниковым в нашем отделении Союза, заходит Василий Иванович и прямо с порога: «Я ду- мал ты – писатель, а ты...».

Мы с Плотниковым переглянулись: мол, к кому его слова относятся?

Но Василий Иванович смотрел пристально на меня. Я под его взглядом даже выпрямился, не зная, чего дальше произойдёт.

А дальше – в том весь Василий Белов – выдал:

«Читаю и правлю! Читаю и правлю!».

То есть, он, видимо, признал правоту большинства моих поправок. Но душа-то не смирилась!

– Редактировать рукопись классика прозы – это, конечно, большая ответственность. А не случилось ли наоборот, когда классик правил какое-либо Ваше произведение?

– Было и такое! Василий Белов редактировал мой рассказ «Таланиха», опубликованный в вологодской областной газете «Русский Север». Я тогда находился в родной деревне Глебовская, недалеко от Ферапонтово, мне позвонили: «Тебя разыскивает Белов». Ну, я всё бросил и срочно поехал в Вологду. Личный секретарь есть секретарь, надо исполнять обязанности; если Белов разыскивает, под козырёк – и вперёд. Приехал, позвонил ему, он ответил, что скоро придёт. Пришёл. «Я прочитал твой рассказ, – сказал Василий Иванович, – и без твоего разрешения отправил в журнал «Москва».

Его похвала была следующая: «Добротный рассказ. Нет шелухи!»

И добавил: «Но нужно его доработать».

Мы сели с ним, как говорится, лоб в лоб. И что меня удивило? Василий Иванович боролся за автора так, как будто

это был его собственный рассказ. Там у меня был один герой, Василий Иванович охарактеризовал его так: «узкопоставленные глаза». И я оставил беловскую правку. Причём, он редактировал интересно. Прочтёт предложение вслух, а потом: «Хм-хм, чего-то не то...».

У меня до сих пор сохранилась газета с правкой Василия Ивановича, где отдельно красной пастой он написал соображения в целом по рассказу – об идеи, сюжете, композиции.

Это был урок настоящего писательского мастерства!

– Александр Александрович, вернёмся к изданию трилогии «Час шестый».

– Немалую работу уже проделали – выбрали формат, шрифты, подготовили набор текстов предыдущих романов, а Василий Иванович отшлифовал текст заключительной части трилогии, убрал некоторую торопливость, совершенно несвойственную ему, и роман получился такой, как течение могучей реки.

Во всём, что касалось оформления, мы учитывали его мнение. Оформлял книгу наш замечательный художник, мастер книжной графики Эдуард Викторович Фролов. Книгу готовили долго, объём большой, под одной обложкой уместилось три романа.

И вот книга вышла. Василий Иванович позвонил, я зашёл к нему. «Я там две ошибки нашёл», – сказал он. Я ему говорю: «Василий Иванович, покажите, где?».

Он махнул рукой: ладно, мол, пустяки.

Я понял: скорее всего, он ошибок не нашёл.

– Замечательная книга получилась. Я помню, как на её презентации в областной библиотеке Василий Иванович говорил, что это главная и лучшая его книга, она – дело всей жизни.

– Ещё до этого прошла презентация книги в областной

филармонии, на неё приезжала Галина Кострова, редактор издательства «Молодая гвардия», жена поэта Владимира Кострова. Она когда-то редактировала мою книгу.

«Саша, а кто делал эту книгу Белова?» – спросила она. «Мне разрешили, Галина Степановна», – ответил я. «Очень хорошо, – оценила она. – Это уровень «Молодой гвардии».

Мне было приятно, что я «попал в жилу».

– *Что ещё интересного можно вспомнить из сотрудничества с Василием Ивановичем?*

– Было много разных эпизодов. Так, я заметил, что в рассказах «периода перестройки» Василий Иванович часто возвращался к деревенским героям – старик Лещов, тракторист Валька и другие. Ну, я ему и сказал: «Цикл ваших рассказов получается об одной деревне». Он посмотрел на меня внимательно, но ничего не ответил. А через короткое время в издательстве «Советский писатель», по-моему, в 2001 году, вышла книга Белова «Повесть об одной деревне».

Он принёс книгу, сделал надпись: «Дорогой Саша, прими в честь нашей дружбы. И меня тоже спасает молитва».

А чуть пониже написал: «Здесь всего 2-3 опечатки, сам увидишь».

Ну, что тут скажешь?

– *К слову, о молитве. Как-то Вы говорили, что Василий Иванович подарил иконку, которую сделал сам. Нельзя ли поделиться подробностями?*

– Охотно поделюсь. В то время меня тянуло в Дивеево, и я решил поехать в паломническую поездку к батюшке Серафиму от храма Святителя Николая. Но прибалывал, и всё думал: что взять с собой – таблетки или книгу Белова? Дело вот в чём. Я обратил внимание, что когда читаю «Плотнические рассказы», выпущенные в 1968 году Северо-Западным

книжным издательством с оформлением Бронислава Шабаяева, то мне становится легко и радостно. Лёгкость чувствую даже во всём теле. Ну, я взял с собой книгу. Поездка прошла замечательно.

И однажды, когда мы шли с Беловым по скверу в Вологде, я ему рассказал о таком целебном воздействии «Плотницких рассказов». Василий Иванович в свойственной ему манере вспыхнул весь, глаза стали синими-синими – он не терпел лжи, фальши, подхалимажа. И, возможно, в первую минуту подумал, что я его ублажаю. Но тут же понял, что я искренне говорил – он всё слышал душой, лицо его просветлело, выражение стало беззащитным, как у ребёнка.

Прошло какое-то время. Я прихожу в Союз писателей, а Виктор Плотников подаёт мне небольшой пакет. И тут же раздался телефонный звонок от прозорливца Василия Ивановича.

«Тебе там передали?» – спросил он.

«А чего?» – я не мог понять.

«Как чего? – удивился Белов. – Я тебе передал иконку Серафима Саровского. Сделал сам рамку и под стекло поставил...».

Я развернул пакет и поразился поистине царскому подарку. Всё было сделано любовно, аккуратно, даже маленькая тесёмочка, чтобы повесить на стену. Это был прижизненный портрет Серафима Саровского.

– Значит, твой разговор о поездке в Дивеево не прошёл для Василия Ивановича бесследно. Его великий учитель Александр Яшин пришёл в конце жизни к Вере, так и Белов обретал утешение в Боге. Об этом ещё раз свидетельствует его поездка на Валаам.

– Да, Василий Иванович шёл к Вере долго, трудно. Хотя, как я считаю, он от рождения был исконно верующим, как и всякий нормальный русский человек. И в какой-то мо-

мент случилось то, что и должно было случиться – нас стало перекручивать, ломать. А Василий Иванович настолько мощно укрепился в Вере, что не страшился ничего; он и от спиртного отказался – это один из признаков того, что он стал истинно верующим.

Приведу эпизод, о нём мало кто знает. После событий 1993 года Белов однажды зашёл в писательскую организацию и поделился тем, как он был у Белого Дома. «Там на меня напали...» – признался Василий Иванович. Наш прозаик Василий Елесин стал записывать, а Белов махнул рукой – «не надо ничего записывать».

Поясню, в чём дело. Один местный купец-предприниматель послал своих «прислужников» в качестве «защитников свободы» к Белому Дому, про них и говорил Белов.

Спустя какое-то время ситуация в стране изменилась, и купчик, встав на колени, публично извинился перед Беловым.

Василий Иванович как истинно верующий ради того, чтобы его простить, преобразил себя даже внешне – сбрил усы и бороду. И все книги, которые у него выходили, взял и подарил обидчику. Так он себя преобразил, чтобы простить грешника, но далось это ему тяжело.

Такой поступок не характерен для обывателя, на него способны только прозорливые, сильные духом люди.

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава II

1. БУТУСОВА Галина. «НА РОДИНЕ МОЙ КРОВ...». Вологда, газета «Красный Север», 1987 г., № 122.
 2. САВИНОВ Феодосий. «ПАМЯТИ К.Н.БАТЮШКОВА». Вологда, газета «Вологодский комсомолец», 1987 г., № 63.
 3. ЯЦКЕВИЧ Людмила. «ПОЭТ И БЛАЖЕННЫЙ», г. Калининград, журнал «Берега», 2017 г., № 6.
 4. СЕРОВА Наталья. «РОЖДЕНИЕ ПАМЯТНИКА». Вологда, газета «Красный Север», 1987 г., № 122.
 5. ЛЕДНЕВ Юрий. «ВАСИЛИЮ БЕЛОВУ», книга «Экивоки на коллег: от «А» до «Я». Вологда, изд-во Юрия Малозёмова, 2009 г.
 6. БЕЛОВ Василий. «ВОЗРОДИТЬ В КРЕСТЬЯНСТВЕ КРЕСТЬЯНСКОЕ...». Москва, газета «Правда», 1988 г., № 106.
 7. Очевидно, В.И.Белов имел в виду Венедикта Ерофеева (1938-1990), его поэму в прозе «Москва-Петушки» (1968-1970 гг.), изданную в самиздате и впервые опубликованную в Израиле в 1973 году. Главный герой – алкоголик. Язык, так называемой, поэмы Ерофеева в изобилии содержит нецензурные слова, ругательства, тюремные выражения.
 8. БЕЛОВ Василий Иванович упоминает в беседе писателя В.П. Аксёнова (1932-2009, отец русский, мать еврейка), автора повестей «Коллеги», «Любовь к электричеству» и ещё ряда произведений. С 1980 года Аксёнов жил в США, затем – во Франции, сотрудничал с радиостанциями «Голос Америки» и радио «Свобода». В 1993 году, во время расстрела Верховного Совета СССР Ельциным, Аксёнов проявил солидарность с авторами «Письма 42-х» «Раздавите гадину», они требовали применить репрессии против русских писателей.
 9. БЕЛОВ Василий Иванович упоминает в беседе Чаянова и Бухарина.
- ЧАЯНОВ Александр Васильевич (1888-1937) – известный русский советский экономист, социолог, писатель, основа-

тель русского крестьяноведения, профессор Петровской сельхозакадемии, автор многочисленных трудов по сельскому хозяйству России; был репрессирован и расстрелян НКВД в 1937 году в г. Алма-Ате.

БУХАРИН Николай Иванович (1888-1938) – революционный деятель; подвергался аресту в Российской Империи. С 1912 года жил за границей – в Австро-Венгрии, Швейцарии, Франции, Норвегии, сотрудничал с Троцким. В 1917 году вернулся в Россию; занимал руководящие посты в партии и правительстве, был активным сторонником ленинского плана «Новая экономическая политика», репрессирован и расстрелян.

10. **БЕЛОВ Василий Иванович** упоминает в беседе князя М.М. Щербатова, деятеля эпохи царя Александра I.

ЩЕРБАТОВ Михаил Михайлович (1733-1790) – князь, видный государственный деятель, историк, публицист второй половины XVIII века.

Им написаны и изданы книги: многотомная «История Российская от древнейших времён», «О повреждении нравов в России», «Путешествие в землю Офирскую господина С... шведского дворянина» и другие.

Его личная библиотека насчитывала 15 000 различных книг.

Политическим идеалом князя была английская монархия с разделением властей.

В сочинении «Путешествие в землю Офирскую господина С... шведского дворянина» М.М. Щербатов, в частности, утверждал, что идеальное общество там, где «жизнь каждого гражданина регламентирована».

11. **БЕЛОВ Василий Иванович** упоминает в беседе О.Ю. Шмидта.

ШМИДТ Отто Юльевич (1891-1956) – российский, советский учёный, государственный и общественный деятель; астроном, геофизик. В 1921-1922 гг. возглавлял «Институт экономических исследований». Профессор, известный исследователь Арктики.

12. В БЕСЕДЕ автор и писатель упоминают русского публициста Г.И. Успенского.

УСПЕНСКИЙ Глеб Иванович (1843-1902) – известный публицист. Литературную деятельность начал в журнале Льва Николаевича Толстого «Ясная Поляна» (1862 г.). Активно сотрудничал в журнале «Отечественные записки».

Широкое признание Г.И. Успенскому принесла серия очерков о русском крестьянстве «Нравы Растеряевой улицы» (1866 г.) и «Разорение» (1869 г.).

13. БЕЛОВ Василий Иванович в беседе упомянул А.Н. Энгельгардта.

ЭНГЕЛЬГАРДТ Александр Николаевич (1832-1893) – химик, писатель, общественный деятель 60-70-х годов XIX века.

В 1872 году начал публиковать в журнале «Отечественные записки» очерки «Письма из деревни», которые принесли автору широкую известность в России.

14. ОРДЕН ЛЕНИНА – высшая государственная награда Советского Союза (учреждена 6 апреля 1930 года). Присуждалась за исключительные достижения и особо выдающиеся заслуги.

ВАСИЛЬЕВ Николай Фёдорович (1916-2011) – партийный и государственный деятель Советского Союза, министр мелiorации и водного хозяйства СССР (1979-1989).

15. РАЗДРОГИН Владимир Александрович, известный врач, главный хирург Вологодской области.

16. «АВГУСТОВСКИЙ ПУТЧ» – кризис государственного управления в Советском Союзе, искусственно созданный Генеральным секретарём ЦК КПСС М.С. Горбачёвым и его окружением в 1990-1991 годах.

Требование части правящей верхушки – введение чрезвычайного положения в стране.

Ввод подразделений действующей Армии в Москву 19 августа 1991 года.

Создание Государственного Комитета по Чрезвычайному Положению (ГКЧП).

Захват Верховной власти в стране сторонниками Б.Н. Ельцина.

17. БЕЛОВ Василий. «Тяжесть креста», М., журнал «Наш современник», 2000 г., № 10.

18. САЗОНОВ Геннадий. «Крест – он всегда тяжёлый», Вологда, газета «Русский Север», 2000 г., № 98.

19. «РУССКИЙ СЕВЕР» (1991-2009) – вологодская областная газета. Возникла в период утверждения демократии по инициативе группы депутатов Областного Совета. Стала своего рода альтернативой областной партийной газете «Красный Север». Всё это время, 15 лет, газету возглавлял талантливый журналист Владимир Панцырев.

В первые годы издания разовый тираж газеты доходил до 120 тысяч экземпляров. Она пользовалась огромной популярностью у населения. С «Русским Севером» сотрудничали многие ведущие вологодские журналисты и писатели, в том числе Василий Иванович Белов.

20. «ДУША ЖИВА В СЛОВЕ» (Беседа с В.И.Беловым), Вологда, газета «Красный Север», 2002 г.; Москва, газета «Труд», 2002 г.

21. САЗОНОВ Геннадий. «МЫ ВСЕГДА С ВАСИЛИЕМ БЕЛОВЫМ. Беседа с главным редактором журнала «ЛАД вологодский» Андреем Сальниковым». Санкт-Петербург, электронный сайт «РУССКАЯ НАРОДНАЯ ЛИНИЯ». 2015 г.

22. БЕЛОВ Василий. «ДОРОГА НА ВАЛААМ» (Путевые заметки). Вологда, газета «Красный Север», 1997 г., №№ 99-119.

23. ЕПИСКОП АЛЕКСАНДР. «Полнота Христианской жизни». Кострома. «Православный календарь» на 2018 г.

Епископ Александр служил в православных храмах Парижа – внук выдающегося русского учёного-путешественника Петра Петровича Семёнова-Тян-Шанского (1827-1914).

24. СЕРОВА Наталья. Предисловие к публикации В.И. Белова. Вологда, газета «Красный Север», 1997 г.

25. САЗОНОВ Геннадий. «Уроки нового Златоуста», очерк в книге «Душа хранит...», Вологда, «Интелинформ», 2009 г.

26. КОРЖЕНКОВ Александр Васильевич родился в 1958 году в деревне Мышкино Пестовского района Новгородской области. Известный актёр, режиссёр, чтец, Заслуженный артист Российской Федерации (1994). Сыграл около 50 ролей в телесериалах и кино, в том числе – в фильмах «Школа выживания», «Брак по завещанию», «Странная женщина», «Мастер и Маргарита» и других.

27. БЕЛОВ Василий. «Час шестый». Трилогия. Вологда, «Полиграфист», 2002 г.

Валерию ГАВРИЛИНУ
*Нет! Я не падал на колени,
И не сгибался я в дугу,
Но я ушёл из той деревни,
Что на зелёном берегу.
Через берёзовые звоны,
Через ольховые кусты,
Через колхозные заслоны
И все контрольные посты.
Мостил я летом и зимою
Лесную гибельную гать.
Они рванулись вслед за мною,
Но не могли уже догнать.
Они гнались, гнались недаром –
Я скинул тягостный покров,
Увидел дым былых пожаров
И высыхающую кровь.
Сквозь дикий свист вселенской злости
Шагну ль ещё немного вспять –
Заноют праведные кости,
И слёзы детские вскипят.
Так пусть одни земные кремни
Расскажут другу и врагу,
Куда я шёл из той деревни,
Что на зелёном берегу.*

Василий БЕЛОВ.

ГЛАВА III

В КРАЮ
ОЛЬХОВОМ

*Харовская
тетрадь*

МОЛИТВА

*О, Боже мой! В тиши лесов,
В безлюдье дедовских угодий
Освободи от праздных слов
И от навязчивых мелодий.
От суеты и злобы дня
Спаси и впредь, спаси меня.
Покуда в душах ералаш,
И демократы жаром пышут,
Я обновлю колодец наш,
И починю родную крышу.
Не дай устать моим рукам,
Ещё – прости моим врагам...
От хитрых премий и наград
Убереги в лесу угрюмом...
Но вечерой Кремля набат
Не заслони еловым шумом.
... Не попусти сгореть дотла,
Пока молчат колокола.*

Василий БЕЛОВ.

«МНЕ СТАЛО ЖАЛЬ ЕЁ...»

КАК ИЗВЕСТНЫЙ ПИСАТЕЛЬ ВОССТАНОВИЛ ЦЕРКОВЬ В РОДНОЙ ДЕРЕВНЕ

Художественный мир Василия Ивановича Белова поистине огромный, как великий океан, его не окинешь взглядом и не вычерпашь. И он, этот «беловский мир», вместил в себя наиболее значимые общественные явления, выпавшие на долю русского народа в XX веке.

Не будем забывать, что внутренний мир любого из нас составляют большие или малые события повседневности. Одно из таких, особо важных, событий произошло 28 августа 1992 года – в праздник Успения Пресвятой Богородицы и для Василия Белова.

В тот день состоялось освящение Сохотского Никольского храма, восстановленного руками писателя и на его средства.

Об этом мой рассказ.

I

Помню, накануне, позвонил Василий Иванович, сказал, что закончил делать Никольский храм и пригласил в Тимонику на его освящение.

– Приезжай, будет интересно, – предложил он. – Погода стоит хорошая. Я встречу на подъезде к деревне.

– Ты ведь у меня не был? – уточнил писатель.

– Не был, Василий Иванович, – ответил я

– Надо побывать, тем более и повод есть, – продолжал Белов.

Я сразу подумал: все дела в Вологде никогда не переделаешь, пора отложить их в сторону и съездить, наконец, в знаменитую деревню.

Я пообещал приехать, договорились, что в определённый час буду в Тимонихе.

Ещё раньше возникли какие-то неполадки в моей машине, отправляться на ней в неблизкий путь было рискованно. Поэтому я связался с коллегой, журналистом Евгением Соловьёвым, собкором «Известий». Он тоже выразил желание побывать у Белова. Его редакционный «УАЗик» был в порядке, и рано утром мы выехали из города.

На исходе лета природа уже обретала первые осенние краски, но ещё ярко и весело сияло солнце. Под ровное гудение мотора хорошо мечталось о предстоящей встрече. Поскольку мы ехали к известному мастеру слова, то и мысли вращались вокруг того, в чём же состоит назначение писателя.

«Зеркало!» – подумал я.

Конечно, зеркало. А что ещё?!

Взгляни в него – увидишь себя и ещё многое чего вокруг, что составляет суть многотрудной жизни человеческой. Так и литература, помимо нашего желания или нежелания, была и остаётся зеркалом всего, что происходит в обществе.

И писатель – тоже зеркало сам по себе, ибо в нём отражается окружающий мир.

В современном разномастном потоке словесности, поднявшем на поверхность не только светлое и возвышенное, но и тёмное, потаённое, порой даже бесовское, голос ведущих русских писателей стал, кажется, совсем приглушённым. Он едва различим в громком хоре авторов, воспевающих неведомое «голубое сало» или какую-нибудь антиправославную «тотемскую галиматью». В данном случае имею в виду постмодернистский роман Владимира Сорокина «Голубое сало», опубликованный в 1999 году, и роман Елены Колядиной «Цветочный крест», напечатанный в журнале «Вологодская литература» в 2010 году и тогда же получивший премию «Русский букер».

Но так ли уж всё уныло, как иногда приходит на ум?

Если вдуматься, впечатление – о приглушённости голосов русских писателей – скорее обманчивое. Нет, голоса их продолжают звучать. Только звучат они теперь уже не на всю страну, как это было в Советском Союзе, а, так сказать, в масштабах «местной аудитории», локально – «внутри региона». Да, вне сомнения, русским писателям трудно: и в житейском смысле, и в творческом, трудно находить выход к читателю и поддержку у читателя. Ведь в конечном итоге, писатель и трудится-то ради читателя, чтобы облагородить и укрепить его душу.

И всё же русские писатели, поддерживая великие литературные традиции, не ушли в затвор на «вынужденное молчание», а продолжают служить своему призванию, своему народу.

Это подтвердил и Василий Белов, выступая на полувекском юбилее Вологодского отделения Союза писателей России. «Где исток нашей организации? – обратился он к литераторам. – Я думаю, он берёт начало от молений Даниила Заточника, стихов Константина Батюшкова, пророчеств Николая Клюева, пронзительной лирики Николая Рубцова. Служение России, Слову было и будет глав-

ным смыслом жизни писателя на этой многострадальной земле».

Пожалуй, лучше и не скажешь!

Стояние в Слове – в этом весь Василий Белов.

... Мы уже свернули с автостреды, ведущей на Архангельск, и катили по песчаной грунтовке среди владений лесного царя Берендея, они казались без края. Над дорогой столбом стояла пыль, тянулись убогие северные деревеньки, свидетельствуя о страшно ненормальном отношении к земле-кормилице нынешних людей. Я имею в виду не только тех, кто живёт в глубинке, но и всех, кто ходит по асфальту. Лишь немногие сёла сохранили настоящий крестьянский уклад.

Дорога начинала утомлять однообразием.

Но вот, наконец, вдали возникла маковка церкви и крест на ней – их хорошо было видно с холма, на который мы въехали. Они всё приближались и приближались. Кажется, мы добрались. Да, далековато от цивилизации затерялась родная деревенька писателя – Тимониха.

Навстречу нам по колее, разрезавшей поле, катила красная «Нива», за рулём я сразу узнал Василия Ивановича.

Мы притормозили, вышли.

– Встречайте гостей! – протянул я руку Василию Ивановичу.

Он крепко пожал ладонь, скупой улыбнулся.

– Припозднились вы что-то, – слегка укорил писатель. – Служба почти закончилась. Но отец Георгий ещё в храме и народу там полно.

Василий Иванович отозвал меня в сторону.

– Это кто с тобой? – спросил писатель.

Я ответил, почему вынужден был воспользоваться машиной собкора.

– Нет, – запротестовал Белов, – с «Известиями» не хочу разговаривать, это такое русофобское издание...

Я почувствовал себя неловко. Что делать? Не назад же ехать моему коллеге! Всё-таки Василий Иванович, ещё раз

выслушав меня, внял объяснениям, махнул рукой – мол, ладно. Мы сели к нему в «Ниву» и поехали на берег Сохотского озера, где только что освятили храм и состоялся торжественный молебен.

Вокруг, действительно, было много народу. Все радовались необычному событию – возвращению храма к его изначальному назначению.

Будто невеста в подвенечном уборе, стояла церковь Николая Чудотворца на Сохте – такая красивая, откуда ни посмотри! Задержишь на ней взгляд, и душу наполнит дивный покой, охватит умиротворение.

Эта церковь упоминалась в окладной книге Вологодского уезда в 1691 году. Видимо, тогда она была деревянной, а оделась в камень позже – в 1842 году. Главные святыни в ней – икона Божьей Матери «Казанская» и икона Успения Пресвятой Богородицы.

И вот, как раз в праздник Успения, произошло освящение храма после его ремонта, сделанного писателем Беловым.

Такое удивительное совпадение!

Мы вступили в храм, Василий Иванович начал показывать и рассказывать, что он делал. Тут подошёл священник, отец Георгий (протоиерей Юрий Зарецкий) из Вологды, и поделился своими впечатлениями о событии.

«Многие люди, которые будут соприкасаться с этим храмом, – сказал он, – начнут спасать свои души, возродить наше Отечество – Святую Русь. Слава Богу, прошло сегодня всё хорошо. Мы довольны.

– Как всё замечательно организовано Василием Ивановичем, – продолжал он, – и люди пришли, хотя храм стоит на отшибе.

Чудесно так!

Главное – единение духовное, восторг, радость!

85 человек приняли Святое Крещение в храме вчера и сегодня – это прекрасно!

Люди тянутся к вере, люди ищут её. Видимо, это необходимо, слава Богу!

Великое дело!».

Ещё священник Георгий вспомнил, что он участвовал в освящении Храма Андрея Первозванного в Вологде. А здесь, на Сохте, он впервые самостоятельно освящал церковь.

II

Моё внимание снова вернулось к Василию Ивановичу. Я попросил его рассказать в деталях, как проходило восстановление храма. Накануне я уточнил по историческим источникам, что в 1920-е годы церковь в честь Николая Чудотворца закрыли – зимнюю часть, колокольню разрушили, а в летней части – устроили школу. Знал я также и о том, что Белову помогали его друзья – кинооператор Анатолий Заболоцкий из Москвы и известный художник, академик живописи Валерий Страхов из Вологды.

Мне удалось сохранить запись рассказа Белова.

Я воспроизвожу его таким, каким он был, без какой-либо правки.

Говорит Василий БЕЛОВ:

– Третье лето я строю церковь. Когда я увидел, что её растаскивают, мне стало жаль её.

Тогда ещё лес и кирпич были не очень дорогими. Я на полученный гонорар купил всё и привёз сюда в Сохту.

Начали мы с того, что выгребли из церкви всякий хлам, удобрения. Но всё равно запах такой – всё пропиталось удобрениями.

Потом начали вести кирпичную кладку – кирпич, цемент.

Это всё – новая кладка, видите!

Всё было выломано – вон до того места, видите, почти до сводов.

А с той стороны тоже дыра была.

– Василий Иванович, а для проведения постоянных богослужений будет ли здесь священник?

– Не знаю. Это уж пусть решают прихожане. Как они решат – не знаю. Вот сегодня собирали деньги, много денег. Дом надо священнику. Может, будут приглашать, но приглашать им невыгодно.

– А православный приход будет на сколько деревень?

– Да во всём районе нет ни одной церкви, всё разрушено. Только в самом Харовске какая-то деревянная церковь одна есть. Раньше в каждой деревне часовни были и приходы были. В Ильинском приходе – восемь километров отсюда – прекрасная была церковь.

В это время из храма вынесли младенца, который плакал на руках у молодой мамы.

– Вот уже и покрестили – видите, – сказал Белов. – Испугался чего-то!

Василий Иванович улыбнулся и продолжал:

– У меня прадед и отец были очень религиозными. А дядя Иван Михайлович почему-то не любил священников. Я боюсь, что он был неверующим – Гарибальди читал, Реннако читал какого-то. Вообще, как я думаю, народ неглубоко воспринял христианство, иначе бы и революции не было бы, а так сохранилось язычество – бей, круши, бунтуй. Но хозяйственником дядя был отменным – вводил севообороты, горох начал сеять и вообще мастеровой был. А вот один из прадедов был верующим. И все бабки и прабабки были, конечно, верующими.

Я в этом здании, – Василий Иванович показал рукой на стены храма, – в школе учился. Первый и второй классы кончал я тут. «Интернационал» нас заставляли петь здесь в храме. Ещё до войны я пошёл в первый класс, я с 1932 года.

– Иконы в церкви откуда? Я вижу тут большие красивые иконы!

– Две иконы – «Тайная Вечеря» и другая – мои, я отдал сюда в храм. Икона «Богоматерь» у меня над кроватью висела в моём доме в Тимонихе. Обычная Богоматерь. А икону

«Спасителя» вот Валерий Страхов купил и сам отреставрировал, и подарил нашему храму, а одну икону принесли вон из той деревни, вон хозяин.

Белов показал на хозяина иконы. В это время мы уже вышли из храма и стояли на улице.

Это был Громов Леонид Александрович из деревни Алфёровская. Громов подошёл к нам, мы с ним познакомились. Он коротко рассказал, как хранил эту икону.

Потом я снова беседовал с Василием Ивановичем.

– А когда закрыли церковь?

– Одновременно всё происходило, колхозы начинались и церкви разрушались, – ответил он.

Подошла знакомая Василия Ивановича, вступила в разговор:

– Ломали её! Отец Николай, священник, был арестован ещё до начала колхозов.

Василий Иванович продолжал:

– Да, деревни были! В нашей Тимонихе 26 домов, а сейчас пять осталось. Вот! И вся Россия также, учти, братец (это Белов так обратился ко мне), северо-западная я имею в виду. На юге, может, получше было.

Сорок шесть человек у нас было в первом классе, когда я учился. И почти все погибли. Один или два осталось. И всё. Но погибли не на войне. После войны. Наш год на войну не попал. Моложе меня уже лежат на кладбище. И все почти смерти связаны с вином. Я об этом уже писал статью. Второй раз повторяться не охота.

– Везде скотных дворов понастроили, а домов не строили, – недовольно сказал Василий Иванович.

Это он по поводу того, что внизу от церкви, под склоном отлогого берега, ближе к озеру, стоит полуразвалившаяся ферма – бывший скотный двор. И сейчас вот тут обустроили летнюю дойку, недалеко за кладбищем.

– В Тимонихе пять домов вместе с моим. Пенсионеры живут и один холостяк. Не может жениться, девчонки не остаются. Мужчин всех убили на войне. Потом Хрущёв на-

чал зорить, когда объединял колхозы. А были прекрасные колхозы, даже во время войны они не бедствовали. Работников было много. А как объединили несколько колхозов от деревни Лукино и туда дальше – сорок километров. Это был способ уничтожить остатки сельского хозяйства. Да! Так что погубили деревню централизованным порядком, государственными мерами.

С УЛИЦЫ МЫ ОПЯТЬ ВОШЛИ В ХРАМ.

– *Росписи, Василий Иванович, это что остатки?*

– Да, их соскребали когда-то лопатами. Замазывали. Восстановить их можно, но очень дорого. Пусть смотрят, что сделано.

Мы вышли из храма и немного прошли к озеру.

– Озеро Сохотское, – показал рукой Белов. – Речка Сохта. Она сейчас маленькая стала, на моём веку прекратила существование. Леса вырубил. Там озеро в лесу есть, из озера вытекает эта речка Сохта. Впадает в Уфтюгу, а она в Кубенское озеро.

– *Василий Иванович, а вы делали всю эту работу в храме как, на чём?*

– Да вот верстак у меня до сих пор в амбаре стоит. Хороший верстак. Как раз дядюшкино наследство. Он винты вёз аж со Шпицбергена. Ну, свет когда провели, у меня есть дрель, пила электрическая – облегчила немножко. Московский гость привёз рубанок шведский электрический, а то ручным строгать тяжело было.

Евгений СОЛОВЬЁВ (собкор газеты «Известия») обратился к Белову:

– Ну, а дальше-то что тут, Василий Иванович? Тут ещё, ой-ёй, сколько работы?

БЕЛОВ:

– Дальше пусть прихожане действуют, надо пристраивать паперть, многое чего надо. Пусть приход сам решает.

К Белову подошёл парень:

– *Мой отец говорил, что Белов был озорником в школе, на гармошке играл.*

БЕЛОВ: – Я могу тебе хоть сейчас, давай гармонь – так и сыграю.

ПАРЕНЬ: – Гармонь-то у меня дома есть.

БЕЛОВ: – Есть! А ты чего не играешь?

ПАРЕНЬ: – Слуха нет, медведь на ухо наступил.

Мы дружно рассмеялись.

Василий Иванович продолжал рассказывать про округу:

– Деревни рядом стояли – это Заозерье, дальше Алфёровская, там – моя Тимониха, дальше там Чичериха, Печиха, там ещё за рекой были деревни; все они в куче были; и на эти деревни был здесь приход в Никольском. Об особенностях говора деревень: даже артикуляция разная была. А сейчас. Сейчас даже в Нью-Йорк приедешь, тоже одно говорят.

– *Василий Иванович, а высота храма большая, как Вы крест водружали?*

– Не знаю, – ответил он. – Довольно высоко!(засмеялся). Качалось всё – вот так! Оттуда видно всю округу далеко.

– *А как вы туда забирались-то?*

– Там леса, по лесам, леса я сам строил. Крыша на куполе – железо, 130 лет хранилось железо. Но всё простреленное – дробью, картечью, пулями. Палили по галкам или просто так. Мне пришлось тампоны делать.

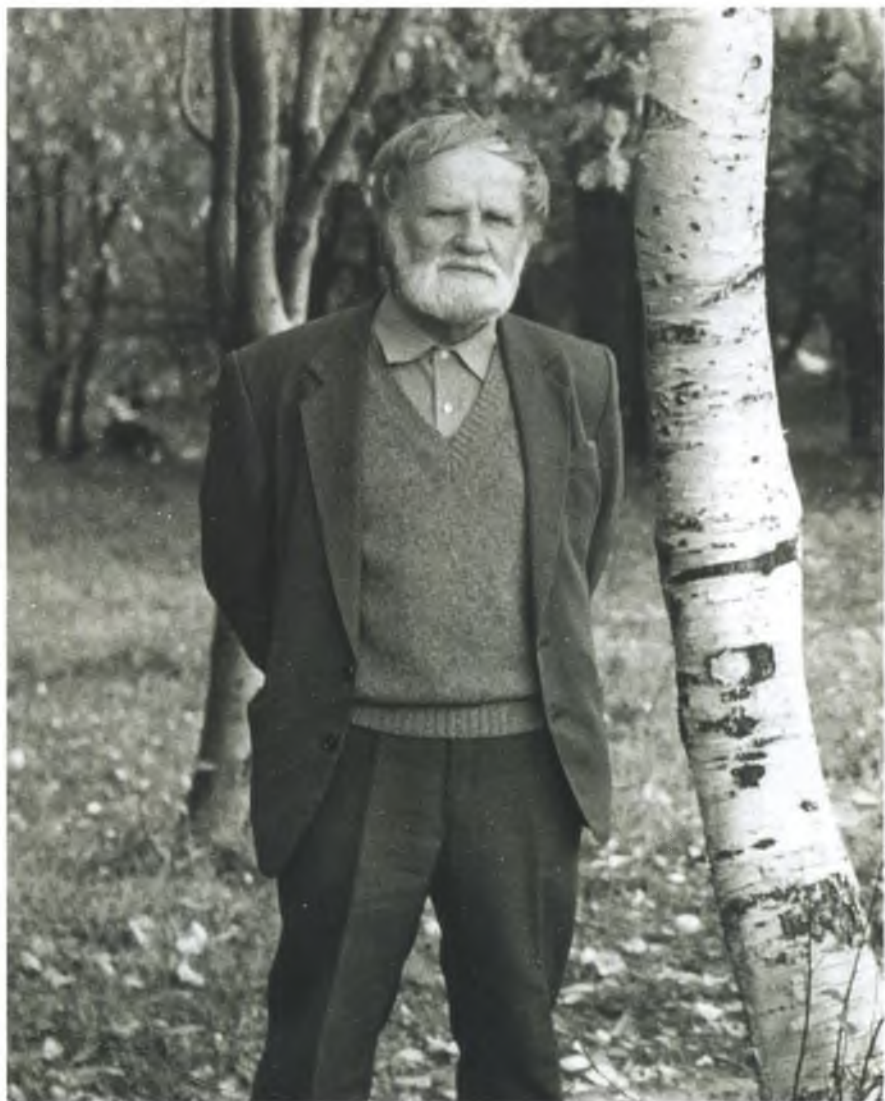
– *А крест на верёвке поднимали?*

– Крест-то сам дубовый, он не тяжёлый, – ответил писатель. – Просто по лесам шёл, на себе нёс, поднимал – и всё.

Перед алтарём в храме я обратил внимание на два дорожных подсвечника, спросил про них у писателя.

– Их подарили нашей Никольской церкви русские эмигранты из Америки, – пояснил Василий Иванович. – Это Михаил Юрьевич и Пётр Юрьевич Хлебниковы. Один из них гостил у меня летом – Михаил, он живёт в Нью-Йорке, и брат его там, он работает в газете «МЫ».

Моё любопытство, в основном, было удовлетворено. Я выключил диктофон, а коллега воспользовался этой паузой и приступил к Василию Ивановичу со своими вопросами.

Выдающийся русский писатель, классик современной прозы Василий Иванович Белов. Родился 23 октября 1932 года в деревне Тимониха Харовского района Вологодской области. Автор стихов, повестей, романов, пьес, очерков, эссе. Лауреат Государственной премии СССР (1981 г.), Государственной премии РФ (2003 г.), награждён орденами и медалями, в том числе Русской Православной церкви.

Ушёл из жизни 4 декабря 2012 года.

Василий Белов в молодости, 50-е годы XX века.

Современный вид крупного рабочего посёлка Вохтога Грязовецкого района Вологодской области, с которым связано начало самостоятельной трудовой биографии Василия Ивановича Белова. Сюда он приехал осенью 1949 года выпускником фабрично-заводского училища № 5 г. Сокола на строительство «Великой Монзы» - крупнейшего в СССР деревообрабатывающего комбината.

Уголок современной Вохтоги.

Храм в деревне Васильевка под Вохтогой - Заволочьевская церковь, построенная и освящённая в 1866 году. Вид её до революции 1917 года.

В полуразрушенном храме поселили выпускников ФЗО осенью 1949 года, в числе которых был и юноша Василий Белов.

В настоящее время в Заволочьевской церкви осуществляются восстановительные работы, создан приход, проводятся Богослужения.

Локомотивное депо станции Вохтога Северной железной дороги. Здесь в 1950 году Василий Белов работал мотористом электростанции.

Один из цехов Монзенского деревообрабатывающего комбината, к возведению которого имел непосредственное отношение и Василий Белов в пору своей юности.

Грязовецкий период в судьбе писателя. Учительница Ольга Забродина, жена, и Василий Белов – сотрудник районной газеты «Коммунар».

Учащиеся вечерней школы рабочей молодёжи в г. Грязовце, первый слева в нижнем ряду - Василий Белов.

Кирпичное двухэтажное здание в центре г. Грязовца, где находилась редакция районной газеты «Коммунар», в которой работал Василий Белов.

Секретёва учены не прерывается, молодое механизаторы обращают

ДЕНЬ

Внучек шёл со всеми, напевая:
Долго ты вослед ему смотрела,
Собственное детство вспоминая.
... Шли колонны, и тебе казалось,
Вместе с этим праздником вернулась,
Заслонив собой года и старость,
Новая, непрожитая юность.

В. Белов.

Почему снизились надом?

снижения надом ввиду па-
люди, работнице ино-
средственно на ферма-
совсем иного мнения.

Сейчас и вылаживаю се-
11 литров всего около 20
литров молока в сутки, а
если бы каждый день выжили
Скруд, и надомы бы 40-
50 литров, — говорит дояр-
ка А. Ф. Шевякова. С ней
соглашается и бригадир
животноводства Н. Пинкина

идеть поможн за
МТС, так как вы-
отвенных ас-
чем одна выжи-
лова для выжи-
вения на выжи-
да, но только
работе.

На думают за-
менить выжи-
маки. Работн-
муж труднее
наша выжи-
такая работа

В. Белов.

Грязовецкая районная газета «Коммунар». Фрагменты публикаций литературного сотрудника Василия Белова.

Празднование 41-й годовщины Великого Октября в Грязовце. На трибуне выступает 1-й секретарь Грязовецкого райкома ВЛКСМ Василий Белов.

Первая книга
писателя
сборник
стихов—
«Деревенька
моя лесная»
1961г.

Первая книга Василия Белова была издана в Вологодском книжном издательстве. Оформлял сборник стихов известный вологодский художник Олег Александрович Бороздин.

Юбилейный вечер в честь 85-летия В.И. Белова в Грязовце. Стихи Белова читает школьница К. Криводуб (слева). Участники вечера, которые учились вместе с В.И. Беловым в школе рабочей молодёжи - Л.Д. Беякова, А.А. Рачинская, А.П. Тихонин (сидят); Е.В. Ришко, директор «Центра развития детей и молодёжи», Е.П. Коновалова, учитель школы № 2, краевед, изучающая жизнь и творчество В.И. Белова, (стоят), 2017 г.

Современный вид дома на углу улицы Горького, где жила семья Забродных (слева); деревянный дом на улице Обнорского, 85, здесь на первом этаже была квартира В.И. Белова (справа).

Вениамин Мельников работал вместе с Василием Беловым в Грязовецком райкоме комсомола; позднее Вениамин Александрович возглавлял Грязовецкий райисполком (1974-1991 гг.).

Василий Белов в рабочем кабинете в доме № 19 на улице Мальцева в Вологде.

В Устюжне, на литературном празднике в честь поэта К.Н. Батюшкова; писатель Василий Белов (в центре), писатели Валентин Курбатов, Владимир Личутин, Владимир Крупин (на дальнем плане).

Семья Беловых: брат Иван, брат Юрий, Василий Белов, сестра Лидия, мать Анфиса Ивановна, сестра Шура.

Писатели Виктор Астафьев и Василий Белов в Вологде, 1977 год.

Василий Белов с дочкой Аней (слева); на собрании в Вологодской писательской организации.

Выставка изданных произведений Василия Белова в библиотеке.

Автографы на память.

На одной из многочисленных встреч с читателями.

Василий Белов в гостях у знаменитого земляка, композитора Валерия Гаврилина в его квартире в Санкт-Петербурге.

Участники «Беловских чтений» в Вологодской областной библиотеке.

«Малые Беловские чтения» в школе № 21 города Вологды.

Известный советский поэт, прозаик и публицист Александр Яковлевич Яшин (слева), создатель Вологодской писательской организации, был главным учителем и наставником Василия Белова в литературе и в жизни.

Вологодские писатели - прозаик Василий Белов и поэт Виктор Коротяев (слева третий) в гостях у читателей.

Писатель Василий Белов (слева) на открытии выставки «Художники земли Вологодской» в г. Кисловодске по приглашению мецената Евгения Лунина; (справа налево) академик живописи Валерий Страхов, художник Владислав Сергеев, меценат Евгений Лунин, художник Владимир Ветрогонский (2001 г.).

Известный меценат Евгений Лунин Василий Белов - ещё и гармонист! в гостях у Василия Белова - окрестности деревни Тимониха.

Василий Иванович на открытии «Центра писателя В.И.Белова» в Центральной библиотеке г. Вологды, 2005 г.

Крестьянская комната в «Центре писателя В.И.Белова», отражающая мотивы известного произведения «Лад».

В «Центре писателя В.И. Белова» (слева направо): Ольга Завьялова, директор библиотечной системы, Михаил Коноплёв, спонсор книги «Сияние слова Василия Белова», Марина Гогова, заведующая Центром, Надежда Кузнецова, руководитель отдела.

В «Центре писателя В.И.Белова» проходят различные мероприятия; встреча вологодской писательницы Татьяны Андреевой с читателями.

Открытие музея-квартиры В.И.Белова в Вологде, выступает губернатор О.А. Кувшинников.

Дом на улице Октябрьской в областном центре, где открыли музей.

В кабинете писателя известный благотворитель Константин Симаков, помогавший Василию Ивановичу издавать книги, спонсор книги «Сияние слова Василия Белова».

Директор музея-квартиры Ольга Анфимова и автор книги.

Ольга Сергеевна Белова на открытии музея.

В кабинете В.И.Белова его друзья-писатели: прозаик Владимир Крупин, поэт Михаил Карачёв, руководитель Вологодской писательской организации, Станислав Куняев, главный редактор журнала «Наши современник».

Открытие Всероссийских «Беловских чтений».

Участники IV Всероссийских «Беловских чтений»: Председатель Правления Союза писателей России Николай Иванов (слева), писатель Геннадий Сазонов, главный редактор журнала «Берега» (г.Калининград) Лидия Довыденко у памятника основателю г.Вологды, преподобному монаху Герасиму.

Встреча В.И. Белова с читателями в Санкт-Петербурге (слева); с главным режиссёром Академического театра драмы им. А.С.Пушкина, народным артистом СССР Игорем Горбачёвым (1990 г.).

С мужиками...

В.И. Белов и руководители Капеллы Санкт-Петербурга В. Чернушенко и В. Лавров.

В минуты музыки... Василий Белов и Александр Цыганов.

Василий Белов с известным поэтом Глебом Горбовским в Санкт-Петербурге.

Лучшие русские писатели конца XX-го - начала XXI-го веков: Василий Белов, Валентин Распутин, Владимир Крутин.

Друзья! Говорят: не читайте!
 Зачем вы идёте в «Фрунзе»
 Встретить Аурелия (Серебряный
 дождик) и Гаврилу (Фрунзе)
 Империализм или?
 Гаврилу (Фрунзе) не надо,
 потому что он не знает,
 но все равно, если хотите
 развлекаться Гаврилу (Фрунзе)
 Империализм или (Серебряный)
 Если вы серьёзные люди,
 идите в том же направлении,
 чтобы вы не заблудитесь
 среди нас (Фрунзе) и не будете
 разочарованы (Фрунзе) и не будете
 думать, что вы не знаете
 Соборная гора (Фрунзе)
 Аурелия или Гаврилу
 233-50
 (Фрунзе и Гаврилу (Фрунзе)
 а не в том же направлении
 и не в том же направлении
 Фрунзе 11.9.98

Письма и автографы Василия Белова автору книги.

Академический театр драмы им. А.С. Пушкина в Санкт-Петербурге, где были поставлены пьесы В.И. Белова; памятник императрице Екатерине II (рядом с театром).

Петербургский фотомастер Анатолий Пантелеев создал памятную комнату писателя в Санкт-Петербургском университете.

Незабываемые снимки в доме писателя.

Японский профессор-филолог из Токио Ясуи Рёхэй, друг писателя, в гостях у Василия Белова в деревне. Позже Ясуи Рёхэй сказал: «Моя жизнь делится на две половины: до встречи в Тимонихе и после Тимонихи».

Никольский храм в Сохте, восстановленный Василием Беловым; памятный камень на могиле матери писателя Анфисы Ивановны.

Участники «Беловских чтений» в Тимонихе; известный прозаик Виктор Лихоносов, друг Василия Белова, у дома писателя (2017 г.).

Харовская Центральная районная библиотека носит имя В.И.Белова. Директор Валентина Тихонова и сотрудники пропагандируют творчество знаменитого земляка. Здесь оформлен «Уголок В.И. Белова».

Сохотское кладбище рядом с Тимонихой, где покоится прах писателя. Отдание благодарной памяти Василию Ивановичу.

25 октября 2017 года в г.Харовске открыли первый в России народный памятник писателю. Выступает Ольга Белова, справа от неё Анна – дочь писателя и глава Харовского района А.Н. Попов.

В церемонии участвовали автор скульптуры Александр Шибунин, поэт Михаил Карачёв, главный редактор журнала «Берега» Лидия Довыденко.

– А вы могли бы по совместительству быть в Никольской общине?

– Мне некогда! – отрезал Белов. – У меня своё дело стоит.

Между ними завязывалась беседа. А я, чтобы немного развеяться, стал спускаться к Сохотскому озеру – хотелось полюбоваться его окрестностями.

Озеро, действительно, очаровывало. А чем? Трудно объяснить – не было в нём какой-то «изюминки», но оно притягивало к себе. Местные жители называли озеро «Чистая слеза», что, наверное, близко к истине.

Родная сестра Василия Ивановича – Александра Мартынова, писательница, автор стихов и прозы, в одном из очерков так отозвалась о Сохотском озере: «Внезапно набежит грозовая тучка, потемнеет ликом зеркальная гладь. Игривая волна разбежится из глубины и, стихая, достигнет зелёного бережка, где шепчутся грустные ивы, где сочные травы и россыпь полевых цветов. Волна ослабляет напор, замирает на прогретом песчаном плёсе, ласково пошлёпывая о забереги. До боли напоминают эти шлепки бережные прикосновения ладоней мамы к нежному тельцу дитяти. Речка Сохта может пересохнуть, но озеро – вечно свежо, не мелеет, ибо питается реликтовыми подземными водами».

Когда я возвратился от озера к храму, то увидел картину, которая меня, честно говоря, удивила. Василий Иванович и Евгений Соловьёв чуть ли не в обнимку сидели на лавке у могилы Анфисы Ивановны, матери Белова, и о чём-то горячо говорили.

– А как я искал могилу отца, погибшего под Смоленском? – спросил писатель. – В трёх братских могилах искал его. Только в одной братской могиле в списке было одиннадцать Беловых...

– Да! – сочувственно воскликнул коллега.

Ещё несколько часов назад, когда я упомянул название газеты «Известия», писатель с большим недоверием отнесся к незнакомцу. Теперь же, похоже, питал к нему расположение, посвящал в сокровенные чувства.

Русский характер – ни дать, ни взять!

Многое в характере, как признавал и сам Василий Иванович, он взял от родной матери. «Как от удара молнии, сердце твоё заплачет при виде немощной женщины, – вспоминала о матери Александра Ивановна Мартьянова. – Казалось, годами всё могла, всё умела, как-то умудрялась не болеть – но ведь этого не может быть, что не болела! Значит, ради спокойствия в семье умела не показывать, скрывать свои немощи! О, мама, какой пример подавала нам, какой образец стойкости, выносливости – и без слов, без внушений. Всё это не напрасно, не кануло в бездну. В слове Василия Белова слышатся, звучат посеянные примером мамы мудрые слова о бесконечном терпении, об умениях, о деловитости и о пагубности безделья. Выдумка, юмор, находчивость – всё от неё».1/.

Я и Евгений Соловьёв засобирались домой в Вологду.

– Надо же вам хотя бы чаю попить! – заволновался Василий Иванович. – Как же так уехать?

– Ты же не был у меня в доме? – спросил меня Белов.

– Нет, Василий Иванович, не был, – сказал я.

– Тогда я вас не отпущу, – решительно произнёс писатель. – Поехали в Тимонику, тут рядом.

Мы опять сели в «Ниву» к Василию Ивановичу, а соборовский «Уазик» покати следом.

III

Проехав поле, мы оказались в деревне Тимониха, и Василий Иванович пригласил нас в свой дом.

Про дом Белова, с виду обычный, в северном стиле, можно говорить долго. Здесь столько любопытного! От застывших в смоле сосновых брёвен в обхват, из которых срублены венцы и крыльцо, до уютной мансарды под крышей, где писатель любил поработать творчески за сто-

лом на ранней зорьке. На стенах висят картины-пейзажи, исполненные рукой самого писателя. Показывая мансарду, Василий Иванович достал откуда-то из потайного места большой чёрный портфель.

– Вот в нём то, что пока никто не напечатает, – сказал писатель. – Но когда уйду из жизни, возможно, что-то и пойдёт в печать.

Что это были за произведения, мы, конечно, постеснялись спросить.

На просторной кухне – настоящие деревенские широкие лавки, на которых сидеть гораздо удобнее, чем на городских стульях или креслах. Мы уселись на этих самых лавках, кстати, сделанных Василием Ивановичем. Сестра писателя Александра, с нею ещё женщина, собирали на стол. Задымила свежесваренная картошка, рядом появилась зелень с грядок. В центр стола хозяйка поставила «злодейку с наклейкой», кстати, зелёной наклейкой, похоже, припасена бутылка была ещё с советских времён. Хотя сам Василий Иванович давным-давно забросил это дело, но нам он предложил отметить событие.

– Постойте, я совсем забыл, – встал я и пошёл к портфелю. – Я же привёз вам из Вологды письмо.

Я передал конверт Василию Ивановичу.

– От Бондарева, – сказал писатель, взглянув на адрес.

Юрий Бондарев, с ним Белова связывали дружеские отношения, сообщал в письме, что Василию Ивановичу присуждена литературная премия имени Льва Толстого.

Мы дружно поздравили Василия Ивановича с наградой.

Какой всё же удивительный был этот день – праздник Успения Богородицы, освящение храма, новость о премии!

Наверное, на радостях, Василий Иванович взял гармонь, сел рядом на лавке и стал играть.

Играл он, конечно, бесподобно!

Играл часто, зазывно, ноги сами просились в пляс.

Потом он менял настроение и заводил какую-нибудь лирическую мелодию.

Это надо было слышать и видеть!

Мы пели разные песни – и русские старинные, и задушевные советские.

И тут отворилась дверь, к столу заглянул известный в округе плотник Осип Самсонов. Сразу подумалось: не прообраз ли это какого-нибудь героя из «Плотницких рассказов»? Осип Александрович, высокий, широкоплечий, решил тряхнуть стариной – пустился в пляс, выдавал коленца, да ещё спел пару-тройку частушек, от которых невозможно было не рассмеяться.

Я слушал негромкий говорок Белова, прибаутки плотника Самсонова и понимал, что герои писателя рождались здесь, на этой грешной и любимой им земле.

Их помыслы и сердца омывали чистые воды Сохотского озера, воды, которые, согласно преданию, скопились от горючих слёз простых русских женщин, великих в своём терпении и в своей любви.

ТИМОНИХА- ВОЛОГДА, 1992-2017.

ДОМ В «ЛАПУ»

По мотивам «Плотницких рассказов»

Дом!

Одно упоминание о нём пробуждает самые разные чувства и мысли в душах у большинства людей.

Дом – семейная Вселенная, где даже с возрастом никуда не исчезают краски и запахи детства, самой счастливой поры земного пути.

Сколько тёплых, ласковых признаний изливали люди в его адрес – родной, любимый, единственный, красивый, родительский... Дом – место, где человек впервые открывает для себя большой мир, увидев в окошке небесный свет и зелёный лужок двора.

Дом – творчество, рассказывающее чужому взору о красоте души хозяина. В огромном количестве сёл и деревень на Руси никогда один дом не повторял в точности другой, хоть какое-то отличие да было. В наличниках на окнах, в форме крыши, в украшении крыльца или ворот – всякий хотел показать, на что способен.

Дом – хранитель устоев, традиций. Ими ещё, слава Богу, дорожат многие русские люди и пытаются сохранить, хотя сделать это непросто в наши дни.

Сколько ещё сущностей имеет дом? Много! Вряд ли, все перечислишь...

Олонецкий самородок и певец Вытегорского края, поэт Николай Клюев в одном из стихотворений утверждал: «Имба – святилище Земли!».

Образ зримый, точный, глубокий!

Через «святилище Земли» мысленному взору предстаёт необъятная «крестьянская Вселенная».

Наверное, потому русский писатель, если он к тому же родился в деревне, не может не писать о родительском доме.

Это целиком и полностью относится и к Василию Ивановичу Белову.

Дом и всё, что с ним связано, занимает в его стихах, рассказах, очерках, повестях, романах, публицистике особое место, определяет настроение героев.

Именно с разговора о доме начал писатель свои знаменитые «Плотницкие рассказы». Ими зачитывалось не одно поколение у нас в стране, и ныне повесть не оставляет никого равнодушным.

«Дом стоит на земле больше ста лет, и время совсем его скособочило. Ночью, смакуя отрадное одиночество, я слушаю, как по древним бокам сосновой хоромины бьют полотница влажного мартовского ветра, – читаем первые страницы повести. – Соседний кот-полночник таинственно ходит в темноте чердака, и я не знаю, чего ему там надо.

Дом будто сопит от тяжёлых котовых шагов. Изредка громко, вдоль по слоям, лопаются кремневые пересохшие матицы, скрипят усталые связи. Тяжко бухают сползающие с крыши глыбы. И с каждой глыбой в напряжённых под многотонной тяжестью стропилах рождается облегчение от снежного бремени.

Я почти физически ощущаю это облегчение. Здесь так же, как снежные глыбы с ветхой кровли, сползают с души многослойные глыбы прошлого... Ходит и ходит по чердаку бессонный кот, по-сверчиному тикают ходики. Память тасует мою биографию, словно партнёр по преферансу карточную колоду. Какая-то длинная получилась пулька...». 2/.

По-настоящему зачарованный беловским слогом, самобытным плотником Олёшей Смолиным и его неразлучным другом по жизни в деревне Авениром Козонковым, мой коллега Василий Щуров, один из редакторов большой газеты, размечтался:

– Хорошо б отыскать прототипов героев «Плотницких рассказов» и поговорить с ними. И написать материал, сумеется. А? Как думаешь?

– Ну, Василий, ты даёшь! – не выдержал я. – Забыл, когда повесть вышла в свет? Это же было давным-давно! Где прототипы? Они канули в вечность. Да и сам Василий Иванович, думаю, не откроет нам с тобой «секрет», с кого «списывал» мудрых мужиков, если, конечно, «списывал». Тема, видишь, неподъёмная.

– Погоди, погоди! – не отступал редактор. – Олёша Смолин был, полагаю, не один-единственный мастер плотницкого дела на всю округу. Всё же, надеюсь, плотницкое ремесло сохранилось...

Вобщем, уговорил Щуров меня.

Вернувшись из Москвы в Вологду, позвонил Василию Ивановичу. Как я и предполагал, писатель без особого восторга отнёсся к затее.

– Двух-трёх плотников назову, – всё же не отказал он. – Но просить их о чём-то не буду. Сам на месте разберёшься...

Ещё несколько фамилий искусных плотников подсказали руководители Харовского района.

И вот я отправился в дорогу.

Славный город Сокол, через него много раз проезжал Василий Иванович, направляясь в родную деревню Тимониху, встречал дымящими трубами бумажных комбинатов и размеренной провинциальностью улиц. На окраине города асфальтовая полоса свернула в широкие поля, с которых уже убрали картошку и успели вспахать под зябь.

Далее путь вёл в позднюю харовскую осень. Она была по-своему неповторима. Милая, трогательная красота уговоров, перелесков, уходящих в синие дали, предстала взору. Листва окончательно ещё не опала и радовала то багрянцем, то золотом среди зелени елей и сосен. Возникало чувство, что все пейзажи знакомы с детства, хотя я видел их впервые.

Харовские просторы отчасти сохранили ту самую первозданность, что когда-то отличала Русский Север от других краёв России. Тут берегут природу, многие болота, озёра и лесные урочища взяты под охрану. Сама земля помнит древние обитатели, например, Семигородную пустынь, другие православные святыни. В благодатных местах, к сожалению, всё меньше жителей, исход их начался ещё в бытность Василия Ивановича. Об этой беде он «звонил во все колокола», переживая за судьбу русского крестьянства.

Справа на обочине промелькнул указатель: «Деревня Мартыновская». И сразу подумалось о том, что харовский край, помимо упомянутых достоинств, особо значимое место на литературной карте России. В деревне, что осталась позади, держала старинную избу замечательная вологодская поэтесса и публицистка Людмила Славолюбова. Она любила гулять по окoliце и ближним лугам, черпала вдохновение в природе, находила сюжеты для рассказов и очерков в разговорах с крестьянами. 3/.

Неподалёку от её дома, в той же деревне Мартыновская, построил дачу Юрий Леднев, поэт, журналист, обществен-

ный деятель. Добродушный на вид, с большой окладистой бородой, Юрий Макарович проводил лето в деревенском раздолье, здесь ему хорошо думалось и писалось. 4/.

А впереди, на взгорке, замаячила деревня Сибла, где имел домик известный прозаик Виктор Астафьев, когда жил в Вологде. 5/. Виктор Петрович часто уединялся в Сибле – работал над повестью или рассказом. Многие жители деревни стали прототипами героев его прозы.

Наконец, в довершение литературного облика харовского края, напомним, что в деревне Денисовская родилась замечательная русская поэтесса Нина Груздева, которая училась в Литературном институте вместе с поэтами Николаем Рубцовым и Сергеем Чухиным. Творческая судьба Груздевой была сложной, но в конце земного пути она обрела широкую поэтическую славу, на её стихи написано много песен. 6/.

По дороге на Харовск вспоминалось «Слово о моём друге», написанное много лет назад большим русским писателем, фронтовиком Евгением Ивановичем Носовым из Курска. Несмотря на разницу в возрасте, между ним и Беловым возникла настоящая искренняя дружба. «Правдивое и чистое слово художника не может принадлежать узкому землячеству, – считал Евгений Носов, – подобно деревенскому замшелому колодцу. Напротив, подлинное искусство, как река, сначала родившаяся где-то из-под укромного бережка, подкреплённая единомышленным братством влившихся притоков, течёт полноводно и открыто для всех, всяк имеет доступ испить из неё, и тщетны попытки иных хулигателей замутить и осквернить глубину потока». 7/.

На тихой окраинной улочке Харовска меня уже ждали плотники, самые известные в округе. Они собрались в избе деда Сергея. Слово за слово пошёл задушевный разго-

вор про то, как раньше возводили избы на Русском Севере, об особенностях той или иной постройки, о продолжении древнего плотницкого ремесла. 8/.

Когда беседа иссякла, и мужики потянулись к двери, я остался один с дедом Сергеем.

И старался вызвать его на откровенность.

Дед – Сергей Николаевич Николаев – сухопарый, высокий, широкий в плечах, больше всего, в смысле питания, любит молоко. Даже мясо, хоть и выращенное им самим, не признаёт за первичную, необходимую еду. Да, молоко домашнее, магазинное дед не уважает. По этой причине на 74-м году своей жизни Николаев завёл бурёнку, о которой рассказывал с душевной теплотой, как о члене семьи.

Сергей Николаевич – плотник потомственный, в его роду многие кормились от пилы и топора.

И любовь к молоку для него больше, чем просто привычка. Это – и память о детстве, родительском доме, неповторимой теплоте избы. И всё-всё родное и близкое, что не отпускает человека на склоне лет. А, может, переживается в душе ярче и острее, чем было на самом деле.

Деревня называлась Каплиха. В ней до сих пор стоит огромный старинный дом Николаевых, сделанный в чисто русском северном стиле, – с полуподвальным первым этажом, со многими окнами по переду, с сараями, баней, пристройками. Словом, дом – как крепость, рассчитанная на большую семью, на всю живность, которую семья содержит. И для того, кто пристрастен к ремёслам, есть закуточки, где было сподручно постолярничать, сделать бочку, изготовить сани-розвальни, выделывать шкуры домашних или диких животных...

Таких домищ немного сохранилось на Русском Севере. Но они есть, красуются в глубинных селениях, напоминая заезжему путнику о неповторимом, своеобразном, полном смысла и значения крестьянском укладе. О великой культуре русского крестьянства, которая, увы, во многом уже утрачена.

– А сколько ему лет-то? – спросил я Сергея Николаевича.
– Вашему дому в Каплихе?

– Вот уж и не помню, – ответил дед. – По всему – поболее ста...

– Больше века? – поразился я.

– Да, поболее. Отцу вот скоро было бы сто двадцать пять лет, а он рубил его молодым. Вот и считай...

Да, хоромина!

Умели же на Руси строить, что называется, на века.

За коротким словом «рубил», дед выразил им дело родного отца, открывалась целая житейская наука, с неписаными правилами и законами. Перво-наперво выбирали здоровый, спелый лес, чтобы спиленное дерево обладало мендрой.

Я впервые слышал слово и спросил: «А что это такое?».

Собеседник охотно пояснил.

На распиле ствола десять сантиметров должны быть заморожены (пилили лес для постройки избы зимой!), а сердцевина – обязательно тёплая. Эта «мерка» свидетельствовала, что дерево спелое, ему более восьмидесяти лет.

Никому тогда и в голову не приходило, как поступают теперь, свалить сосну или ель незрелую. После заготовленные брёвна сушили, опять же по своей технологии. И лишь когда структура древесины доходила до кондиции, брались за топоры. Рубили в «коровку» или в «лапу». Причём, «лапа» считалась более надёжной, потому что её не растащишь ни в какую сторону. У этого способа изготовления сруба избы был и свой «секрет».

– Настоящая «лапа», её ещё прозывали почему-то французской, – продолжал Сергей Николаевич, – была обязательно с зубом, да не с одним. Зуб сверху, зуб в середине, бревно ни так, ни сяк ничем не раздерёшь. А сейчас как лапу делают? Внаклад – и вся недолга! Ну, и повести сруб может легко...

От отца Сергей научился плотничать и столярничать. Последние выездные сани для лошади, которые он сма-

стерил, служили в сплавной конторе лет двадцать кряду.

Отец хотел, чтобы его дети жили под родной крышей, возделывали отчую землю, украшали своим трудом харовский край.

Разве мог представить родитель, возводя большой дом, что сыновьям и дочерям не придётся в нём испытать счастье сполна?

– Всё большевики забрали – лошадь, корову, овец. Жалко, всё было нажито своим трудом, наёмников у нас никогда не было, – кратко отозвался Николаев о раскулачивании в Каплихе.

Сам он с тринадцати лет пошёл на заработки. Жилистые руки, переделавшие горы всякой работы, и помогли ему выжить.

Отцовский дом Сергей Николаевич не бросил, досматривал за ним всё время, хотя судьба распорядилась так, что поселился с семьёй на окраине Харовска. Сюда он переез из деревни дом супруги, чуть поменьше размерами, но такой же добротный.

Сергей Николаевич приблизил своё жилище к тому детскому, деревенскому. Всё у него компактно, ладно. К дому пристроены хлев для бурёнки, сарайки, всё это смотрится единым целым. А в избе, как и положено, горница, спальня, кухня и добротная русская печь. Многие из мебели изготовлено его руками – шкаф, столик, лавка, книжная полка. Настолько красиво, искусно, что трудно поверить – сделано на досуге в сарайке. Хотя и понятно – десятки лет отработал Сергей Николаевич столяром в харовских организациях.

Окраины таких городков, как Харовск, ничем не отличаются и по укладу, и по обличью от деревень и сёл. По утрам из труб аккуратных домов выются дымки, жизнь течёт неторопливо, основательно. И, как ни покажется странным для наших разорительных, взбудораженных дней, ещё стучат топоры на тихих улочках.

Вот на углу, на огороженной, припорошённой снежком площадке, уже подведено под крышу новое строение. В тём-

плой куртке, с топором в руке хозяйничал Игорь Владимирович Тихомиров. Отвлекая его на минутку от дела.

– Для дочери строю дом, вышла замуж, нужно молодым своё гнездо, – пояснил он. – Зять, сыновья помогают. Лесто мы закупили давно, ещё по старым ценам, да завезли, разделали.

Дом красивый, из бруса, со скатной крышей в деревенском стиле. Он радует глаз, а скоро порадует и новосёлов. Но всё же, как небо от земли, отличается от николаевских – и первого, и второго.

Пожалуй, так и должно быть.

Верно говорят: дом – то же «лицо» человека. А, может, и времени – тоже? Вот три дома – как бы три мгновения нашей истории, с её взлётами, падениями, радостями и бедами.

Думаю, эти мастера плотницкого ремесла – и дед Сергей, и Игорь Тихомиров, а с ними был знаком Василий Белов, наверняка, повлияли на его творческие замыслы.

«Я ХОТЕЛ ТАКОГО АФРИКАНЫЧА...»

О повести «Привычное дело»

I

Самостоятельное произведение с яркой темой или необычными героями, будь то в литературе, живописи или музыке, почти всегда, за редким исключением, приходит к читателю, зрителю, слушателю трудно, преодолевает всякие преграды. Читатель об этом, разумеется, не знает. Да ему и не обязательно знать!

Мы найдём тому достаточно примеров и в мировой литературе, и в русской. Давайте вспомним знаменитый роман Николая Лескова «Соборяне». 9/. Само написание его в течение нескольких лет потребовало от Николая Семёновича разных вариантов, от первоначального замысла не осталось и следа. Лесков то брался за работу над романом, то останавливал её. Он (нужда заставляла!) печатал отрывки из романа в изданиях, которые были противоположны друг другу по художественным критериям и политическим позициям. После публикации отрывков писатель дорабатывал сюжет, внося в повествование новые большие главы.

Будучи человеком покладистым, Николай Семёнович впадал в ярость, когда узнавал, что кто-то из редакторов пытался «подправить» текст, либо выбросить эпизод, сцену. Он протестовал, требовал соблюдения авторских прав. Иногда ему удавалось отстоять правоту, иногда нет. К тому

же, Николаю Семёновичу приходилось «отбиваться» и от рецензентов, которые обвиняли его в тенденциозности, предвзятости и прочих «грехах». Среди критиков были и такие, кто вообще не считал Лескова писателем.

И вот роман «Соборяне» огромными усилиями автора, наконец-то, увидел свет отдельным изданием. Что тут началось? Каких только суждений не услышал автор, в том числе и унижительных. Даже такие современники, как Фёдор Достоевский, не удержались от соблазна «бросить камень» в новый роман Лескова.

А ведь «Соборяне» – великий православный роман! Подобного произведения не было в русской литературе до Лескова, не появилось подобного и после него. Никому из художников слова не удавалось так глубоко проникнуть в духовную сущность русского народа и отразить её ярко, самобытно, талантливо.

Непростым оказался путь «Соборян» к читателю и в последующие времена. Отдельно можно говорить об истории его переиздания. Да и в наши дни уникальный роман «выпал» из «культурной матрицы» РФ: его не экранизируют, не ставят на сцене, не популяризируют по радио и телевидению.

Похожая история произошла и с оперой великого русского композитора Петра Ильича Чайковского «Евгений Онегин», написанной по мотивам романа в стихах Александра Сергеевича Пушкина.

У самой популярной повести Василия Белова «Привычное дело», с которой пошла его литературная слава, тоже существует «своя история». Думаю, имеет смысл напомнить некоторые её подробности, о которых редко вспоминал и сам автор. Это поможет лучше понять художественный замысел «Привычного дела», работу Белова над повестью и все трудности, связанные с её изданием.

Создавалась повесть, в основном, в деревне Тимониха Харовского района, в родительском доме. Крестьянский мир, окружавший писателя, вне сомнения, находил своё отражение в повествовании.

Уместно напомнить в общих чертах о теме «Привычного дела». Мужик, крестьянин, «простой человек» всегда были в центре внимания русских писателей. На слуху имена поэтов, прозаиков, публицистов самых разных эпох, начиная ещё с Древней Киевской Руси.

К словесным памятникам национальной самобытности можно отнести «Записки охотника» Ивана Сергеевича Тургенева, вышедшие отдельным изданием в 1852 году.

Художественно правдивые рассказы о крестьянах и помещиках произвели сильное впечатление на все слои тогдашнего русского общества. «Записки охотника» ... отмечены мощью таланта, которая благотворно действует на меня, понимание природы часто представляется вам как откровение», – так отзывался о рассказах прозаика поэт Фёдор Тютчев. 10/.

«Страстный охотник, император Александр II, прочитал «Записки охотника» И.С. Тургенева. Впоследствии государь признавался, что эта книга убедила его в неотлагательности отмены крепостного права (Манифест об отмене крепостной зависимости крестьян был подписан 19 февраля 1861 года)». 11/.

Проникновенные строки посвятил сельским жителям Иван Бунин, чьё творчество любил Василий Белов. Бунинская повесть «Деревня» была написана в 1910 году, над ней прозаик работал почти десять лет. Как утверждали современники Бунина, повесть отражала события, которые происходили в русской деревне в 1904-1907 годах.

Многие критики очень доброжелательно встретили первое крупное произведение Ивана Алексеевича. Уже известный тогда пролетарский писатель Максим Горький отозвался в том духе, что столь глубоко и разносторонне, как сделал Бунин, русскую деревню никто не показывал в русской литературе.

Ныне, существуя в другой эпохе, можно обнаружить в бунинской «Деревне» и определённую «тенденциозность». Дурновка, где происходили события, – собирательный об-

раз русской деревни, название уже говорит само за себя. Помимо братьев Красовых – Тихона и Кузьмы, противоположных по характеру, мы видим и другие персонажи, в том числе и крестьян: они жестоко избивают детей и жён, истязают животных, предаются дикому пьянству, в них почти нет ничего светлого и доброго. Писатель всем сердцем сочувствует крестьянам. Жалея народ, отмечал один из современных критиков, Иван Бунин размышлял о том, что в своих бедах виноват сам народ.

Не сомневаясь в высоких достоинствах повести «Деревня», всё же иногда подумаешь, что роль «первооткрывателя» души, внутреннего мира мужика ей, вряд ли, подходит.

Невольно ещё всплывают в памяти из школьной программы оценки творчества Льва Николаевича Толстого, которые дал писателю Владимир Ульянов-Ленин.

«– Какая глыба, а? Какой матёрый человечище! Вот это, батенька, художник... И, – знаете, что ещё изумительно? До этого графа подлинного мужика в литературе не было».

Так в беседе с А.М. Горьким говорил о Толстом Ленин. В этих словах Ленина чувствуется огромное восхищение богатырской силой великого русского художника»./12.

Ну, если до Льва Толстого не было «подлинного мужика», тогда как оценивать творчество, к примеру, публициста Глеба Ивановича Успенского или поэта Николая Алексеевича Некрасова?! Пристрастие В.И. Ленина к максимализму в данной оценке, думаю, очевидно.

Можно ещё продолжить разговор о внимании русской литературы к мужику. Завёл я его для того, чтобы подчеркнуть: Василий Белов принимался за работу над «Привычным делом» не на пустом месте. Уже были произведения на столь животрепещущую тему, уже существовала традиция. Продолжая традицию русской литературы, Василий Иванович Белов сумел сказать своё, неповторимое, национальное слово, подтвердив тем самым искренний большой талант.

В чём состояло «своё»?

Прозаик вырос в «крестьянском мире», знал, понимал и любил его, как говорится, изнутри. В родной деревне Тимохине и в окрестных деревнях будущий автор видел разных крестьян, познавал их характеры, устремления, привычки. Ему не надо было, как, скажем, Глебу Успенскому ехать в новгородскую или тверскую деревню, снимать избу, наблюдать, чем заполнены будни мужиков и баб, записывать рассказы, истории, фразы.

Всё это Василий Белов «всосал с молоком» матери. На мой взгляд, данное обстоятельство чрезвычайно важное. Василий Иванович представлял «предмет» своего творчества объёмно, с разных сторон, точно, достоверно. Это отличало молодого прозаика от целого ряда писателей, воплощавших в своих произведениях «деревенскую тему». Но одного этого «отличия», конечно, не достаточно для создания уникальной повести. Нужен был дерзкий, смелый подход к воплощению темы, недюжинный талант, глубокое погружение в стихию русского языка, мастерское владение им.

II

Создать произведение – полдела. Другая половина дела, не менее важная, – напечатать роман или повесть, донести до людей, ради чего и живёт литература. Творчество – не самоцель, писатель хлопочет для блага читателя, желая ему стать светлее и чище.

«Вторая половина» дела бывает иногда не менее трудной, чем первая.

Василий Белов закончил повесть «Привычное дело», как можно предположить, в 1965 году.

Куда с нею податься? Кто благосклонно воспримет правду о северном крестьянстве?

Наверное, по совету учителя и друга Александра Яшина, молодой прозаик предложил новую вещь в литературный журнал «Новый мир». Тогда его возглавлял известный поэт-фронтовик Александр Трифонович Твардовский. Василий Иванович не раскрывал подробности личной беседы с главным редактором и причины, по которым тот отклонил повесть.

Если не вышло в Москве, то, может, дело сложится в Петрозаводске? И Василий Белов отослал рукопись в региональный журнал «Север» – известное и популярное издание. Пока главный редактор, прозаик Дмитрий Гусаров, читал повесть и размышлял, что с нею делать, Василий Иванович предпринял ещё один шаг.

Он подготовил рукопись из своих произведений, куда включил и новую вещь «Привычное дело», и поехал в Москву, в главное издательство Советского Союза. Тогда в «Советском писателе» исполнял обязанности заведующего редакцией русской прозы Виктор Петелин, в последующем известный литературный критик. С ним и познакомился автор из Вологды.

Уже в наши дни Виктор Васильевич написал воспоминания о своей работе в издательстве. Для нас интересны некоторые отрывки из них.

«В кабинет зашёл молодой человек небольшого роста, стеснительно поздоровался и протянул мне рукопись:

– Мне сказали в редакции, что рукопись я должен передать Вам. Моя фамилия Белов, Василий Иванович Белов. Тут небольшая повесть и несколько рассказов.

К тому времени я прочитал многих современных прозаиков, перелистывал журналы в поисках новых имён, просматривал новинки других издательств. Нет, Белова я не знал. Но на вид он ещё так молод, чуть за тридцать. Я стал расспрашивать Василия Ивановича. Родился в деревне, мать до сих пор там живёт, учился в Литинституте, работал в райкоме ВЛКСМ, печатался в «Советской России», вышла небольшая книжка. Ну, а почему сразу в «Советский писа-

тель»? Есть же «Молодая гвардия», тем более в прошлом комсомольский вожак. Об этом и спросил.

– Мои рассказы и повесть, вряд ли, подойдут издательству «Молодая гвардия», – словно бы услышав мои внутренние сомнения, сказал Белов. – Я больше пишу о современной деревне... Если вы интересуетесь положением в современной деревне, то, может, и почитаете...

Что-то подкупало в этой простоте и доверительности, которая исходила от Василия Ивановича Белова, немногословного, стеснительного, чуть-чуть неуверенного в себе, ведь он пришёл в «чужое» издательство, тут и «своих» полно, а всех даже и такое мощное издательство прокормить не в состоянии, конкурс рукописей был слишком велик, даже не столько рукописей, сколько имён, порой и дутых. Но и дутые были «своими». Не выбросишь, столько лет кормили». 13/.

«Свои» всегда существовали при любом издательстве. Но всё же и сам новоиспечённый заведующий редакцией русской прозы, и главный редактор Николай Родичев, который был в тот момент в командировке на Сахалине, считали служебным долгом искать «свежие силы» для литературы. Поэтому, наверное, Виктор Васильевич на одном дыхании прочёл оставленную рукопись – за день-два. И понял: это настоящая проза, без фальши, без подделки. Но как включить её в план издательства? Мучительный вопрос! Ведь на издание своих трудов претендовали «мэтры», а тут мало кому известный автор.

Без долгих раздумий Виктор Петелин решил отдать рукопись на рецензию Юрию Лаптеву, проректору Литинститута, лауреату Сталинской премии, который тоже писал о деревне, следовательно, знал её. Кому же, как не ему. «Вскоре Юрий Лаптев принёс рецензию, я лихорадочно смотрю на последние абзацы рецензии: печатать в таком виде не следует. М-да-а. Такого я не ожидал. А Юрий Григорьевич начинает мне объяснять, что если напечатаем такое произведение, то завтра же нас всех разгонят, обвинят в клевете

на колхозное крестьянство, как уже не раз бывало в нашей истории литературы, а вы, Виктор Васильевич, ещё молодой и этого не знаете, а я всё это сам пережил». 14/.

Отрицательная рецензия! Тот, кто сталкивался с «издательской кухней» знает, что это такое. Она могла разом «перечеркнуть» рукопись вологодского автора, негативно повлиять на его дальнейшую творческую судьбу. Петелин понимал, что следовало каким-то образом «спасти положение». Он позвонил писателю Виктору Чалмаеву, который охотно сотрудничал с «Советским писателем», причём, высказал своё мнение о прозе Белова, уж очень хотелось поддержать молодой талант.

«Но и тут ничего хорошего не получилось, – вспоминал Виктор Васильевич. – Виктор Чалмаев написал ещё более хлёсткую, жёсткую рецензию – печатать нельзя. Что было делать?»

Я написал редакторское заключение – таков был порядок, в котором, обобщая рассмотрение рукописи в редакции, высказал вместе со своими положительными оценками рекомендации рецензентов по доработке рукописи. Рукопись перспективная, автор молодой и талантливый, необходимо заключить договор и отослать рукопись на доработку.

Так мы с Н.И. Родичевым и сделали, а после доработки, думали мы, дадим другим рецензентам. В итоге так и получилось». 15/.

Василий Иванович, конечно, чувствовал непростую ситуацию вокруг рукописи и старался укрепить свои позиции публикациями в периодике.

Пойдя на «кабальные» условия (сокращение текста на 2 (!!!) печатных листа), предложенные в Петрозаводске, он всё же добился выхода «Привычного дела» к читателю. Повесть напечатали в первом номере журнала «Север» за 1966 год. Сразу же автор отослал экземпляр журнала Виктору Петелину в Москву, рассчитывая, что это как-то повлияет на участь оставленной рукописи.

«Я срочно написал рецензию, отдал её в «Огонёк», и Ни-

колай Сергованцев тут же поставил её в номер, а Сафронов подписал.

А поддержка «Огонька» в то время много значила в судьбе писателя. «О светлом и горьком» – так называлась рецензия, с которой, в сущности, началась известность Василия Белова, но ни один из критиков, писавших впоследствии о Белове, не сослался на эту рецензию», – признавался Петелин. 16/.

Думаю, будет справедливо привести без изменений заметку Виктора Васильевича в «Огоньке» (1966, № 29), она небольшая по объёму.

О СВЕТЛОМ И ГОРЬКОМ

«Имя молодого талантливое прозаика Василия Белова сейчас довольно широко известно, а ведь всего лишь два-три года назад оно еле приметной точкой мелькало на литературном горизонте. Повесть «Привычное дело» – новый шаг в становлении многообещающего литератора.

В центре повести «Привычное дело» – крестьяне, живущие на не слишком щедрой к человеку вологодской земле.

Глубоко и поэтично, с тонким пониманием побуждений духовной жизни воссозданы образы Ивана Африкановича и Екатерины – главных героев повести. С улыбкой и каким-то непостижимым стоицизмом переносят Екатерина и Иван Африканович все трудности и беды, выпавшие на их долю. Автор описал будничную жизнь одной семьи: девять человек детей, всех надо накормить, обути, одеть. Родителям приходится тяжело. А они не теряют бодрости духа, стойко переносят все лишения.

Буднично и, казалось бы, спокойно течёт жизнь вологодской деревушки. Ничего особенного не происходит здесь. Иван Африканович и его молодой друг Мишка, чуть-чуть «перебрав», заезжают в полночь к дальней родственнице и сватаются к её сорокалетней дочери-вековухе. Жестоко

обидившись, дочь выгоняет непрощенных сватов. А наутро уже вся округа знала об этом происшествии. Кому смех, а кому слёзы. Юмористические сцены сменяются драматическими, ненавязчиво передавая подлинную правду деревенской жизни, где юмор зачастую соседствует с драмой.

В этой небольшой повести много прекрасных сцен, эпизодов: герои работают, поют песни, растят детей, обсуждают последние новости международной жизни. Внешне ничем не выделяются Иван Африканович и его жена Екатерина. Но Василий Белов знает их не только внешне. Пристально вглядываясь в своих односельчан, с которыми прожил и проработал немало лет, Василий Белов обнаруживает в них множество редкостных качеств – доброту, целомудрие, достоинство. Иван Дрынов, Екатерина, бабка Евстоля – это подлинно народные характеры, глубокие, сильные своим духом.

Василий Белов описывает жизнь деревни в тот момент, когда низкая оплата трудодня, всевозможные запреты, сковывавшие самостоятельность и личную инициативу крестьянина, нарушения Устава сельхозартели и прежде всего принципа материальной заинтересованности мешали людям жить на родной земле.

В минуту отчаяния (отобрали сено, накошенное ночью в лесу) ушёл из деревни и Иван Африканович. Он пытается оторваться от родной земли в поисках лучшей доли для своей семьи. Но земля жестоко мстит ему за измену, пусть и временную. Василий Белов с глубоким проникновением в душу этого обаятельного человека показывает, как он оттаивает, возвращается в родное село». 17/.

III

Конечно, хочется думать, что публикация в журнале «Север» и приведённая рецензия в журнале «Огонёк» как-то способствовали более благожелательному отношению к рукописи Белова в издательстве «Советский писатель». Однако для Василия Ивановича борьба за «Привычное дело» по-настоящему только начиналась. Более двух лет (!) шло обсуждение рукописи, её доработка, велась переписка между автором и издательством, прежде чем книга всё же появилась на свет. 18/.

Адресатом для Белова был, в основном, Виктор Петелин. Он бережно сохранил письма Василия Ивановича и, годы спустя, обнародовал.

Из переписки мы достоверно узнаём, что особенно волновало автора повести.

Изо всех сил он старался сохранить первоначальный текст повести, отстоять от «чужого» вмешательства. По заведённой практике в «Советском писателе» готовили повесть к набору по расклейке журнала «Север». Будучи редактором книги, Виктор Петелин воспротивился: «Ну, как же, печатать по расклейке, Валентина Михайловна, если автор недоволен этой публикацией, если он представил авторизованную машинопись, которая существенным образом отличается от опубликованного?». 19/.

А ещё накануне Василий Иванович прислал редактору письмо, где, в частности, сообщал: «Шлю Вам поклон и журнал с моей оскопленной штукой. Сократили её на два листа, да ошибок полно, да ещё правили, и без моего ведома, что особенно неприятно и взбесило.

Очень надеюсь, что в сборнике будет не этот испорченный вариант, что в журнале».

В другом послании автор объяснял московскому товарищу цель своей, как он выражался, «штуки»: «Уж больно стыдно говорить о самом себе, но я знаю, что через полто-

ра-два года у меня будет новый, совсем не такой Иван. Но мне нужно было пройти через Ивана Африкановича. Пройти именно через такую книжку. Я убеждён, что через это нужно пройти и читателю, иначе бы я не стал писать.

И вот ещё что. Если б я, Виктор Васильевич, сделал эту вещь такой, какой Вы хотите видеть, то есть сказать **полную** правду, то пробить, опубликовать книжку было бы ещё труднее. Я бы мог описать и эту, полную правду, описать, что получается, когда Африкановичи вдруг начинают понимать, что к чему. Если б я её написал, вот тогда, действительно, была бы пища для наших недругов...». 20/.

Нужно учитывать и ещё одно обстоятельство того периода. Василий Белов жил литературным трудом, то есть на гонорары. Поэтому ему было важно получить хоть какой-то аванс в столичном издательстве. «Можно надеяться и на деньги? – спрашивал он у Петелина. – Гнусно, но я обсох в этом смысле до предела. Всё время на грани того, что надо вот-вот искать работу. А бросать своё дело неохота, слишком уж далеко всё зашло.

Я понимаю, как сложно, щепетильно положение редактора. Особенно, когда рукопись вызывает раздражение определённых кругов. Теперь уже не я, а Вы создаёте книжку. От Вас зависит, какой она родится. И родится ли вообще. Извините меня, но я здесь человек уже как бы посторонний, моё дело (может быть, менее тяжкое) сделано. Я уже отработанный пар...».

Да, редактор всё-таки постарался изловчиться и заключил договор с автором, чтобы как-то поддержать его материально. В то же время, боясь «раздразнить» оппонентов рукописи, он, очевидно, склонял автора к каким-то уступкам в пользу рецензентов.

Всё это требовало от Василия Белова большой воли в отстаивании художественных достоинств произведения.

«Получил Ваше письмо и отвечаю сразу же и откровенно. Письмо несколько ошарашило меня. Пытаюсь согласиться со многими Вашими высказываниями, и у меня ничего не

выходит, – писал Белов 12 апреля 1966 года в Москву. – Вы говорите, что всё хорошо, но слабо показан колхозный мир, окружающий героев, слабо показан человек в борьбе с несправедливостью. И что я только подчеркиваю долготерпение Ив.Афр., покорность судьбе.

Но, Виктор Васильевич, именно это я и хотел подчеркнуть! То бишь не долготерпение, а неспособность, неумение Ив.Аф. бороться с несправедливостью – это была моя задача с самого начала. Кстати, он не такой уж покорный, как Вы пишете. Да и выжить в деревне, выстоять в такой обстановке как раз и могли только такие; другие же, сильные и деятельные, давно либо сгнили в тундре, либо уехали в города.

Да ещё неизвестно, слабый ли Ив. Афр. Слабый, если считать слабостью способность выживать в самых невероятных условиях. Может быть, это и не заслуга, быть таким. Но ведь он ещё и не больно покорный. Помните, как он хватает в конторе кочергу, когда его не отпускают из деревни? Или как взъерепенился, когда ему не дали поплясать? Я как раз и хотел описать **такого** Ив.Афр. Разве я не имел на это право? Описать такого мужика, который боится уполномоченного, но способен разогнать с колом всю деревню? Не ошибка и то, что я не касался общественных производственных конфликтов. Чтобы о них писать, надо уже писать **другую** повесть (и я её напишу), нужны **другие** герои, всё другое. Эту же вещь я и хотел сделать так как есть, т.е. без тех качеств, за отсутствие которых Вы меня упрекаете». 21/.

«Закулисная борьба», связанная с подготовкой рукописи к печати, которая, повторюсь, шла более двух лет, завершилась полной победой Василия Ивановича. В книге, её оформлял замечательный московский художник Евгений Капустин, повесть «Привычное дело» увидела свет в том варианте, который хотел автор.

Получилось замечательно!

Отстаивать до конца собственную позицию, бороться

за художественную правду – это в духе Василия Ивановича!

Бесценный опыт, который он приобрёл на трудностях издания «Привычного дела», пригодился писателю в будущем при работе над романами о судьбах русского крестьянства.

НАРОДНЫЙ ПАМЯТНИК

открыли в Харовске писателю-земляку

I

Незаметно наступило предзимье!

Издалека повеяло прохладой, хмурое небо ниже наклонилось к земле, деревья зазвенели на ветру обледенелыми ветками. Белоногая красавица зима ещё бродила за морями, за долами, но её дыхание ощущалось всё ближе.

Сумерки ранние, восходы поздние, глядь-поглядь – денёк промелькнул, будто и не было его. А то сыпанёт обильно из облаков белая крупка, зашуршит по крышам, дорогам и тропинкам, нагоняя тоску.

В хмурое утро даже не крупка, а настоящие снежинки то и дело падали сверху, но никак не могли отменить приподнятое настроение тем, кто спешил от дверей гостиницы к автобусам. Да и как не радоваться? Впереди – поездка в сакральное место, в деревню Тимониха, на родину Василия Белова. А позади – яркие, чудесные впечатления от IV-х Всероссийских литературных чтений. Они совпали с «круглой датой» – 85-летием со дня рождения писателя.

Это, пожалуй, даже не чтения в традиционном представлении, а, скорее – литературно-культурный фестиваль, включающий большое разнообразие мероприятий, которые прошли не только в Вологде, но и в Грязовце, Череповце, Соколе, Харовске, в других городах и районах обширного вологодского края.

Как в свою бытность, так и ныне, Василий Белов привлекает к себе лучшие творческие силы. Чтения под девизом: «Белов. Вологда. Россия» стали фактом единения современной русской литературы. А что может быть лучше русского единства!

На праздник пожаловали старейшие и авторитетнейшие русские писатели Виктор Иванович Лихоносов из Краснодара и Владимир Николаевич Крупин из Москвы. Оба они были хорошо знакомы с Беловым, дружили с ним многие годы. Да и Василий Иванович не раз говорил, что относился к ним с любовью.

Напомню, в Вологду прибыла представительная писательская делегация, в том числе, Николай Иванов, он тогда исполнял обязанности председателя Правления Союза писателей России, первый секретарь правления Союза писателей России Геннадий Иванов, Андрей Тимофеев, сопредседатель Совета молодых литераторов Союза писателей России, главный редактор «Российского писателя» Николай Дорошенко, главный редактор журнала «Берега» Лидия Довыденко из Калининграда, главный редактор журнала «Кубань» Юрий Павлов из Краснодара, заместитель главного редактора журнала «Наш современник» Сергей Куняев, литературный критик Капитолина Кокшенёва и писатель Алексей Шорохов из Москвы.

На чтения приехали известный кинорежиссёр Сергей Никоненко, постановщик фильма «Целуются зори» по повести Василия Белова, представители ведущих вузов и деятели культуры из Москвы, Санкт-Петербурга, Архангельска, Мурманска, Уссурийска, Тамбова, Нижнего Новгорода, из Болгарии – доктор филологических наук Ивайло Иванов.

Всего же на участие в Беловском форуме поступило более пятисот заявок, география широкая: от Дальнего Востока до Украины.

Личность и произведения Василия Ивановича настолько притягательны, что идея публичного разговора о них возникла давно, ещё при жизни автора, в 2005 году, когда отмечали 75-летие со дня рождения. В октябре Вологодская областная библиотека представила обширную выставку творчества классика, начиная от робких публикаций в районных газетах до увесистого тома почти в тысячу страниц романа «Час шестый». К слову, критики справедливо сравнивали беловскую эпопею по художественной значимости и охвату событий с романом «Тихий Дон» Михаила Шолохова.

Тогда же, в новых залах отремонтированной библиотеки, прошла научно-практическая конференция «Беловские чтения», прообраз будущего Всероссийского форума. Есть смысл кратко упомянуть о ней.

О чём и для кого бы Василий Иванович ни писал: будь то серьёзные рассказы, бухтины завиральные, романы и повести, картины природы для детей – всё в конечном итоге сводилось к жизни крестьянина как основы русской нации, к его духовной и материальной культуре. К сбережению крестьянина, сбережению народа.

Эта тема звучала в ту осень как главная.

В отличие от соратников по перу, скажем, Фёдора Александровича Абрамова или Валентина Григорьевича Распутина, которым в их творчестве больше удавались женские образы, Василий Белов сумел запечатлеть в слове запоминающиеся мужские характеры. «Это настоящий гимн русскому мужчине! – высказала мнение доктор филологических наук, литературовед Капитолина Кокшенёва из Москвы. – Сейчас труд на земле никто не описывает так поэтически и притягательно, как сделал Белов в своём творчестве. Пора бы переоценить и некоторые произведения писателя, в частности, роман «Всё впереди» и книгу очер-

ков о народной культуре «Лад», которые подвергались не совсем заслуженным нареканиям. Многие из того, о чём предупреждал Белов, к сожалению, сбылось в реальности».

Справедливо и ещё одно наблюдение.

Когда Василий Белов создавал лучшие свои произведения, статус писателя имел большой общественный вес. Действовала государственная поддержка литературного творчества, что оправдывало себя. Слово писателя, его голос широко разносились по стране со страниц газет и журналов, в эфире радио, в передачах телевидения. И, пожалуй, самое существенное: к писателям прислушивались власть имущие, реагировали на замечания и просьбы, поскольку речь шла не о чём-то личном, а об общественных интересах, о судьбах миллионов людей. Напомню хотя бы борьбу русских литераторов за отмену переброса стока рек русского Севера на Юг, в чём участвовал и Василий Белов.

Позже, когда в стране изменили социальный строй, когда произошла утрата гражданского равенства, традиция поддержки писателей была нарушена. Для литераторов, стоящих на принципах русской классики, почему-то закрыли входы в студии радио и телевидения, в редакции многих газет и журналов, где процветает «групповщина». До минимальных (сто экземпляров!) сведены тиражи журналов и книг, которые, в основном, издаются «частным порядком». Всё это, конечно, отрицательно повлияло на культурную среду в стране, ослабило интерес людей к литературе, к чтению, к изучению и познанию родного языка.

Интересно было услышать признание известного сборника русского слова прозаика Владимира Личутина. Он подробно рассказал об уроках, которые получил у Василия Ивановича Белова. Разумеется, об уроках литературных, но и, конечно, уроках жизненных. Думаю, это касается не только Владимира Личутина. Всякий человек, любящий отечественную литературу, получил и продолжает получать уроки у Василия Белова. 22/.

Участники тех первых чтений широко обсуждали истоки творчества Белова, говорили и о Тимонихе, где он родился, где черпал вдохновение. Валентина Тихонова, директор библиотеки в Харовске, напомнила, что деревня Тимониха была известна как поселение ещё с XVI века. Вокруг неё - прекрасная природа, соседние сёла украшали великолепные храмы. Это не просто деревня, а часть нашей национальной культуры. В разные годы у Белова гостили многие широко известные литераторы - Александр Яшин, Фёдор Абрамов, Василий Шукшин, Евгений Носов, академик живописи Валерий Страхов, другие деятели культуры и искусства, в том числе из-за рубежа.

Она должна сохраниться как своего рода мемориал. Теперь, в очередной раз, в Тимониху ехали писатели.

II

В рассветных сумерках автобусы вырулили на трассу, ведущую в Архангельск. Кое-где по обочинам, словно клочки разорванной бумаги, белели налёты снега и инея. То удалялись, то приближались огоньки редких поселений, мимо которых мы проезжали.

Кто-то дремал, кто-то мечтал. Под шум колёс текли неспешные разговоры - публика обсуждала события предыдущих дней. Впечатлений, на самом деле, множество, самых разных, есть что вспомнить, о чём порассуждать.

Каждые «Беловские чтения», а были уже четвёртые, преподносили что-то необычное. Нынешние длились десять дней и включали в себя более ста мероприятий.

Такого ещё не бывало!

Впервые на сей раз прошли «Малые Беловские чтения». Что это такое?

Если в двух словах, то в изучении и обсуждении творчества Василия Белова участвуют школьники - от первых до

выпускных классов. Само по себе замечательное дело! Дети пробуют осмыслить классику, конечно, предварительно прочитав то или иное произведение. А заставить читать современного ребёнка, ой, как непросто! Мальчишки и девочки пытаются составить своё суждение. Здесь и соревновательность – за лучшие выступления жюри присуждает дипломы. Всё, как у взрослых.

«Малые чтения» состоялись в 21-ой средней общеобразовательной школе Вологды, она носит имя В.И. Белова. Поклонник его творчества учитель Михаил Григорьев организовал здесь музей, куда писатель ещё при жизни подарил свои книги и приходил на встречу с ребятами. Поэтому мероприятие началось, естественно, с посещения музея. Ребята из более двадцати средних школ областного центра, других городов и районов, студенты колледжей и вузов, преподаватели собрались в актовом зале.

Я побывал в школе, где царил праздничная, оживлённая атмосфера.

Вдова писателя Ольга Сергеевна поблагодарила молодёжь за интерес к творчеству Василия Ивановича и подчеркнула особую важность его произведений для формирования сознания подрастающего поколения.

Да, «Малые чтения» – весьма условное название. На заседаниях секций дети и подростки представили сорок докладов, затрагивающих самые разные аспекты жизни и творчества великого писателя. Я был в жюри секции, которая именовалась так: «Я легко и просто подчиняюсь правде Беловских героев». И сам убедился в том, насколько интересными были выступления ребят. Ученик 2-го класса Миша Комяков из школы № 6 Вологды без всякой бумажки и подсказки поведал о книге «Рассказы о всякой живности» – со своим пониманием героев-животных, со своими выводами. Жюри привлекло сообщение Степана Никитенкова, ученика 7-го класса школы № 8 Вологды, «Образ праведника в романе В.И. Белова «Час шестой». Тема сложная, объёмная, но подросток справился с ней отлично.

– Наши дети, участвуя в «Малых Беловских чтениях», имеют возможность глубже понять творчество земляка, – сказала директор школы Татьяна Верещагина. – Они могут взять что-то полезное и поучительное для себя лично из произведений классика.

Одно сухое перечисление событий и мероприятий IV-х Всероссийских чтений заняло бы много места. Только на научной конференции заслушали более пятидесяти докладов, раскрывающих внутренний мир беловских героев, отражающих современное состояние русской литературы и культуры. Выступления были разные, но имели, на мой взгляд, и некий «знаменатель».

Суть его хорошо выразил известный кинорежиссёр, народный артист России Николай Бурляев. Он привозил воложанам экранизацию романа В.И. Белова «Всё впереди». После просмотра было горячее обсуждение фильма. «Есть чувство правды в сердце человека, – отметил на встрече со зрителями Николай Бурляев. – Василий Иванович Белов жил с этим чувством».

Это «чувство правды» объединяло всех, кто попал на чтения, да и прочих поклонников творчества Василия Белова. С этой точки зрения, можно утверждать, что чтения стали своего рода народным памятником классику, памятником духовного свойства.

Всё же следует назвать ещё одно событие. Впервые на чтениях состоялся «круглый стол» на тему: «Русская деревня глазами современников». Инициатором «круглого стола» выступил известный вологодский прозаик и публицист Анатолий Ехалов, друживший с Василием Беловым. Серьёзный разговор о деревне просто необходим, тем более в рамках чтений. Судьбу деревни обсуждали не только писатели, но и представители власти, работники села, руководители сельхозпредприятий, главы сельских поселений, деятели науки и культуры. Выводы, к которым они пришли, не останутся под спудом.

Традиционно раз в два года в ходе чтений подводят ито-

ги Всероссийского литературного конкурса современной прозы им. В.И. Белова «Всё впереди». В разное время звания лауреата была удостоена целая плеяда замечательных русских писателей. В 2017 году первое место не присуждали. Вторую премию жюри отдало прозаикам Николаю Иванову из Москвы и Юрию Лунину из Подмосковья. Третью премию поделили старейший вологодский прозаик Сергей Багров и писатель Владимир Воробьев из г. Измаила на Украине.

Ответное слово взял Николай Фёдорович Иванов, приведу отрывок из его выступления.

МАРШАЛ БЕЛОВ

Из выступления Николая ИВАНОВА

Делегация Союза писателей России получила в подарок книгу повестей. Автор – Василий Белов.

Слово «автор» имеет, в том числе, удивительное значение – «умножать». Более того, так в древности звали полководцев, расширяющих территорию своих государств. У писателей России государство – Литература.

И каждый автор есть полководец.

Каким полководцем был Василий Иванович Белов?

Апостол Павел восклицал, что если я говорю языком человеческим и даже ангельским, но любви не имею, то я – медь звенящая или кимвал звучащий. А звук меди и звон кимвала есть нечто пустое.

Василий Иванович имел любовь!

И в самое переломное время 90-х, когда сонм обласканных новой властью литераторов рванул в париж, лондоны и бонны и в итоге в большинстве своём осел там на корм-

ление, полководец Белов остался со своим народом, в своём солдатском литературном окопе. В одной траншее с Твардовским и Бондаревым. Пушкиным и Гоголем. С Вологдой и Тимонихой. С русской классической литературой. И остался не поживать на лаврах.

У лётчиков есть такое понятие: «Боевой курс». Это когда заходишь на цель и, несмотря на огонь зениток, свет прожектора, уже не имеешь права свернуть в сторону. Идёшь только на цель!

«Полководец-лётчик» Белов никогда не сворачивал и не юлил. При этом ведь не со страной или даже с властью боролся, а просто не поступался своей совестью.

«Полководец-артиллерист» Белов расширял, умножал границы государства Литература, стреляя своими книгами и статьями не на километры, а через десятилетия.

«Полководец-пехотинец» Белов сам прополз на брюхе под яростным огнём врага. Прополз даже тогда, когда «артиллерия била по своим», вместе со своими героями через все преграды, добывая материал не из штабных сводок, а через собственный пот и опыт.

И потому полководец Белов встал в итоге в шеренге знаменосцев Победы. Среди тех, кто не опустил флаг русского слова, человеческого достоинства, преданности родной земле.

С днём рождения, товарищ маршал Белов! С 85-летием!

И нас всех с праздником несломленного русского слова и духа! 23/.

Вот такое своеобразное открытие – «маршал Белов!» – сделал Николай Фёдорович Иванов, замечательный, проникновенный прозаик, ныне председатель Правления Союза писателей России. И трудно с ним не согласиться.

Наверное, у каждого, кто приехал на чтения, были свои открытия. Вот ещё одно: «У нас создан специальный курс – феномен крестьянской цивилизации, где мы изучаем произведения Василия Белова, – поделился доктор наук, профессор филологического факультета Московского госу-

дарственного университета Михаил Голубков, постоянный участник чтений. – Сам я знаком с творчеством Василия Белова со времён своего студенчества. Он – один из моих любимых писателей, очень интересный художник слова. Именно у Белова я научился понимать крестьянство, как особый тип русской цивилизации. Сам я человек городской и деревню открывал через литературу». 24/.

III

Харовск выглядел в то утро необычно. У двухэтажного здания районной библиотеки толпа, в руках – шары, плакаты, люди оживлённо переговаривались. Много детей и школьников. Сюда же подкатили два автобуса с гостями – участниками чтений. Все с нетерпением ожидали большого события – открытия первого в России памятника Василию Белову на его малой Родине.

Ещё при жизни прозаика его имя присвоили Центральной районной библиотеке. В ней любовно оформлена комната Василия Ивановича, где выставлены уникальные экспонаты – его рукописи.

Рядом со зданием библиотеки и выбрали место для памятника. Средства собирали харовчане, кто, сколько мог: один – десять рублей, другой – тысячу. Народную инициативу поддержала местная власть. Так что памятник можно считать воистину народным, признанием в любви земляков к Василию Ивановичу.

Автор памятника – известный скульптор из Череповца Александр Михайлович Шебунин, заслуженный художник России. Кстати, он ваял и памятник Николаю Рубцову, который установлен на набережной реки Вологды в областном центре, а Рубцов и Белов были первыми друзьями.

– Я тринадцать лет ждал этого момента, – признался

Александр Шебунин. – Столько лет я работал над образом Василия Ивановича Белова. И вот свершилось! Сегодня, 25 октября 2017 года, я запомню навсегда. На задней части монумента я изобразил как бы символ родной деревни Белова, чем хотел подчеркнуть его связь с земляками. Там же я оставил и такую запись: «Васю Белова все знают, но не все слушают».

Наступил торжественный момент.

Право снять покрывало с постамента предоставили вдове писателя Ольге Сергеевне, дочери Анне Васильевне и главе Харовского района Сергею Попову.

Покрывало спало, и все увидели прекрасный бюст, отлитый из бронзы, взгляд писателя устремлён в родные дали.

На коротком митинге выступили глава Харовского района Сергей Попов, Ольга Сергеевна Белова, прозаик Владимир Крупин, поэт и руководитель Вологодской писательской организации Михаил Карачёв, главный редактор журнала «Берега» Лидия Довыденко из Калининграда.

Из Харовска гости направились в Сохту, на кладбище, где покоится прах Василия Ивановича. Здесь отслужили литию, участники чтений зашли в Никольский храм, который восстановил писатель, почтили его память. Затем посетили дом Белова в Тимонихе, где Василий Иванович написал главные повести и романы.

Приведу впечатления от поездки в Тимониху одного из участников – известного автора.

«Рано-рано вернулся из Вологды, от Василия Белова. Не был там со дня похорон. И в тот раз уезжал с тяжёлым сердцем: ведь во всей округе не оставалось ни одного жилого дома – пустые, чёрные провалы окон с разбитыми стёклами. На похоронах были десятки автобусов и сотни машин, и вот – все уезжали, бросив могилу раба Божьего Василия, – писал Владимир Николаевич Крупин. – Одного, среди безжизненного пространства.

Но такова была его воля – похоронить рядом с матерью. Хотя в день кончины мы собрались в Москве: тогда архи-

мандрит Тихов (Шевкунов), Валентин Распутин, Анатолий Заболоцкий звонили вологодскому Владыке, архиепископу Максимилиану, чтобы он благословил похоронить раба Божия Василия в ограде Спасо-Прилуцкого монастыря, где могила поэта Батюшкова. Там мечтал быть похороненным и Николай Рубцов. И мы возмечтали перенести и его прах и положить их рядом. Белов, говорили мы, просил о захоронении, когда вся округа там была жилая, а сейчас?

И уже звонили и губернатору области. И, вроде, везде получили поддержку, но вышло не по-нашему. И увезли брата во Христе в такую даль! Кто туда поедет, сокрушались мы, там после райцентра Харовска и дороги почти нет. Словом, переживания были.

Но скажу сразу (только что вернулся из Вологды), что Господь всё управил к лучшему, к нашей радости и спасению души великого писателя. Стоит на могиле, утопающей в цветах, крест благородного чёрного мрамора, рядом памятник матери – рабе Божией Анфисе, кладбище обнесено хорошей оградой, а главное – осеняет дорогу возрождённая Василием Ивановичем кладбищенская церковь...

Не пропало его слово!

Величие беловской прозы в её духовности. Русский язык радостно подчинялся не просто великому таланту, а глубоко воцерковлённому человеку. И нельзя в России иначе: если надеешься ей послужить, служи прежде всего Господу Богу. А Россия, по словам народного сказания о святителе Николае-чудотворце, любимое дитя у Господа...

Главная радость – Василий Белов никуда из нашей жизни не ушёл, более того, он продолжает жить с нами. Помогает держать оборону против мелких и крупных прислужников бесовщины...». 25/.

Яркие чувства, навеянные поездкой, я выразил в стихотворении, которым и хочу закончить «Харовскую тетрадь».

ПО ДОРОГЕ В ТИМОНИХУ

Памяти Василия Белова

*По дороге в Тимониху память возносится птицей.
Гаснет дух суеты, и так ясно светлеет душа.
По дороге в Тимониху снег самый первый кружится,
Даль, безлюдная даль, и в сиротстве своём хороша.*

*По дороге в Тимониху мысли сильны и тревожны:
Как нам Русь возвратить на исконный и радостный путь?
Почему мы вложили мечи в заржавелые ножны?
Уж пора у врагов всё награбленное вернуть!*

*По дороге в Тимониху вспомни свою же дорогу,
Средь заброшенных нив и так быстро нищающих сёл,
Как Белов, спотыкаясь, шёл к истинно русскому Богу.
Ну, а ты подошёл к нему, или ещё не дошёл?*

*По дороге в Тимониху, всю созерцая природу,
Ей ответь: среди мелких и значимых дел
Служишь Слову родному, России, Народу,
Иль комфорту, которого Пушкин уже не терпел?*

*Нас встречала Тимониха, дом его дивный, отсюда
Видно всё, что сокрыто в забытой сакральной дали.
Вдруг, о, Боже! Случилось старинное чудо –
Над избою Белова явились нам белые журавли.*

*Вещий знак, или Божией милости малость?
Или, может быть, знак, чтоб мы Родину берегли?
Уезжали мы. А над избою Белова, казалось,
И во тьме всё летели ещё журавли.*

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава III

1. **МАРТЬЯНОВА Александра.** «ЧИСТАЯ СЛЕЗА», Вологда, журнал «ЛАД вологодский», № 1, 2017 г.

2. **БЕЛОВ Василий.** «ХОЛМЫ», повести, рассказы, очерки. М., изд. «Современник», 1973 г.

3. **СЛАВОЛЮБОВА Людмила Дмитриевна (1930-2015)** – вологодская писательница. Родилась в Москве. Знала латынь, английский, французский и немецкий языки, писала стихи, прозу, публицистику. В 70-е годы XX века В. П. Астафьев пригласил Л.Славолюбову из Сибири в Вологду как мастера документальной прозы. У читателей получили признание её книги «Размышления о Тобольске», «Бег огня», «Свет милосердия», «Часы страстной недели».

4. **ЛЕДНЕВ Юрий Макарович (1928-2001)** – вологодский писатель. Родился в деревне Могилёво Костромской области. В 1957 году окончил Литературный институт. Поэт, прозаик, журналист. С 1972 года жизнь Ю.М. Леднева связана с Вологодским краем – работал собкором ТАСС. В 1977 году принят в члены Союза писателей СССР С 1980 года – на творческой работе. Автор более двадцати книг поэзии, прозы, публицистики.

5. **АСТАФЬЕВ Виктор Петрович (1924-2001)** – известный прозаик, лауреат Государственных премий СССР (1978, 1991), Государственной премии РФ (1995).

Родился в селе Овсянка Красноярского края.

С 1969 по 1980 годы жил и работал в Вологде. Здесь В.П.Астафьев написал свои лучшие произведения – «Пастух и пастушка». «Ода русскому огороду», «Последний поклон», «Царь-рыба».

6. **ГРУЗДЕВА Нина Васильевна (1936-2016)** – вологодская поэтесса. Родилась в деревне Денисовская Харовского района

Вологодской области. Окончила Литературный институт, где училась вместе с известными вологодскими поэтами Николаем Рубцовым и Сергеем Чухиным. Автор нескольких поэтических сборников, лауреат ряда престижных литературных премий. На стихи Нины Груздевой написано много песен.

7. НОСОВ Евгений. «ПУТЬ К ИСТОКУ» (Слово о моём друге) в книге Василия БЕЛОВА «ХОЛМЫ», повести, рассказы, очерки. М., «Современник», 1973 г.

НОСОВ Евгений Иванович (1925-2002) – известный русский советский писатель, Герой Социалистического Труда, лауреат государственных и литературных наград. Родился в Курской области. Наиболее известные произведения – сборники (повести, рассказы, очерки) «Усвятские шлемоносцы», «На дальней станции сойду», «В чистом поле».

8. САЗОНОВ Геннадий. «ДОМ В «ЛАПУ», М., газета «Труд», 01.12. 2005 г.

9. ЛЕСКОВ Николай. Роман «СОБОРЯНЕ». М., изд. «Правда», собр.соч., т.1. 1989 г.

10. ТЮТЧЕВ Фёдор. Интернет – сайт «Мир русской литературы»; раздел «Критика о цикле «Записки охотника» Тургенева, отзывы современников».

11. СОКОЛОВА Татьяна. «РУССКИЕ ПРАВЕДНИКИ ИВАНА ТУРГЕНЕВА» (предисловие) в книге Иван ТУРГЕНЕВ «ЛАЗУРНОЕ ЦАРСТВО», М., изд. «Сретенского монастыря», 2011, с. 8.

12. ГУРИНШТЕЙН А. «ЛЕНИН О ТОЛСТОМ», Интернет – сайт: «Книги о Ленине».

13. ПЕТЕЛИН Виктор. «МОЙ ХХ ВЕК. Счастье быть самим собою». Документы, письма, статьи, размышления. М., «Центрополиграф», 2009 г.

14. Там же.

15. Там же.

16. Там же.

17. Там же.

18. БЕЛОВ Василий. «ЗА ТРЕМЯ ВОЛОКАМИ», М., «Советский писатель», 1968 г.

19. ПЕТЕЛИН Виктор. «МОЙ ХХ ВЕК. Счастье быть самим собою». Документы, письма, статьи, размышления. М., «Центрополиграф», 2009.

20. Там же.

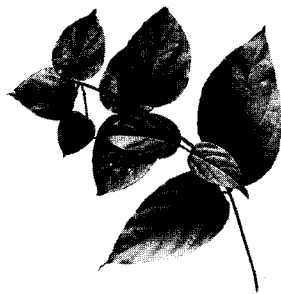
21. Там же.

22. «УРОКИ БЕЛОВА». М., газета «Сельская жизнь», 2005 г.

23. «НА РОДИНЕ В.И.БЕЛОВА», М., Интернет – сайт «РОССИЙСКИЙ ПИСАТЕЛЬ», 29.10.2017 г.

24. Там же.

25. КРУПИН Владимир. «Величие Беловский прозы в её духовности». С-Петербург, электронный сайт «РУССКАЯ НАРОДНАЯ ЛИНИЯ», 26.10.2017 г.

Я ВСПОМНЮ...

Года идут,
Мы вспоминаем даты
Своих рождений и чужих смертей.
Ликуют рощи, падают закаты
И умирают на руках ветвей.
Года идут,
Двадцать шестой по счёту.
Как птица, пролетает шумный май.
Глядят деревья в голубую воду,
Влюблённых к соловьям везёт трамвай.
В такую пору на Неве байдарки,
Из скверов к людям тянутся цветы.
Любимая,
В распахнутые парки
Легко и молодо войдёшь и ты.
Я вёрсты мну по праву пешехода,
Учебного похода рядовой.
Я славлю многотрудный день народа,
Твоих друзей, поющих над Невой.
Они поют,
И пенная, как пиво,
Заря с балтийской встретится волной.
И кто-нибудь, весёлый и красивый,
Тебе шепнёт о счастье под Луной. 1/.

Александр РЕШЕТОВ.

1935 г.

ГЛАВА IV

В КРУГУ
ДРУЗЕЙ

*Петербургская
тетрадь*

«КОМНАТА БЕЛОВА» В УНИВЕРСИТЕТЕ

Ничего случайного в мире не бывает, всё имеет причины и следствия, взаимосвязь. Её мы иногда видим, осознаём, но чаще нам это не дано.

Со стихотворения Александра Решетова, известного ленинградского поэта, я продолжаю разговор об удивительных страницах в судьбе Василия Ивановича Белова.

Александр Ефимович, выросший в деревне на Псковщине, был первым литератором, обратившим внимание на молодого поэта Василия Белова, тогда военнослужащего, и помог ему напечататься в солидном ленинградском литературном журнале. 2/.

С тех пор и почти до конца своих дней В.И. Белов продолжал поддерживать связь с Северной столицей. Часто приезжал на берега Невы, искал темы для творчества, беседовал о жизни и литературе в кругу друзей и единомышленников.

I

Сияло, искрилось, звенело утро февраля!

Редко выпадает чудесное утро в пасмурном Петербурге.

Синева над крышами домов предвещала весну. Какое-то приятное умиротворение проникало в душу. Да, похоже, неспроста.

Разгорался необычный день – Сретенье Господне, память о младенце Христе, которого родители принесли на сороковой день по рождению в Иерусалимский храм, где святое семейство встретил Симеон Богоприимец.

В русском народе к событиям священной истории добавляли ещё свидание зимы и весны. На церковно-славянском языке «сретенье» означало «встречу».

Наверное, в честь праздника и солнышко столь щедро дарило тепло, и небо отливало далёким-далёким Горним светом.

Меня тоже манила встреча, обещающая какую-то тайну.

Я тогда спешил к Анатолию Пантелееву, известному в Петербурге фотомастеру, который дружил с Василием Беловым.

На тротуарах и улицах снега уже не было. Только слякотная жижа чмокала под каблуками прохожих, да тёмный лёд в каменных створах питерских каналов и на реке Фонтанке напоминали о зиме и холодных балтийских ветрах.

Миновав Дворцовый мост через полноводную Неву, я вдруг с заметным сердечным трепетом вступил на Университетскую набережную. Сразу всколыхнулась память о былом студенчестве, казалось, мелькали знакомые лица, будто доносились обрывки разговоров и весёлый смех. Целую «эпоху» – пять лет – ходил я вдоль гранитных парапетов. И, не знаю, чего бы отдал, чтобы хоть на минутку снова оказаться в бурной студенческой поре.

У времени, увы, обратного отсчёта нет. Оно утекает в Вечность. Изменяется мир, меняемся и мы сами. Лишь не-

изменной остаётся «Альма-матер» на Васильевском острове в Петербурге. А, может, она тоже по-своему и обновляется. Во всяком случае, главный корпус филологического факультета, через который ежедневно мы спешили на журфак и обратно, был, кажется, в голубой «одежке». Теперь он зелёный.

В проходной факультета я без труда узнал встречавшего Анатолия Пантелеева, помнил его по поездке в Тимонику на «Беловские чтения» в 2015 году.

Анатолий Викторович провёл в кинофотолабораторию, где давно работает. Она расположена во дворе филфака. Переступив порог, я сразу вспомнил, что место мне не чужое.

– Здесь мы обучались фотоделу, – сказал я фотомастеру. – Тут же была небольшая типография, где набирали и печатали факультетскую учебную газету. Интересное было время!

– Я этого не застал, – ответил Анатолий Викторович. – Когда пришёл, уже была кинофотолаборатория, я работал оператором, ассистентом режиссёра, фотографом. Позднее факультет журналистики перевели на 1-ю линию Васильевского острова, туда же должна была переехать и лаборатория. Мне отсюда не хотелось уходить. Я много ездил по России, собирал материал о деятелях русской культуры и литературы, имел большой архив, к тому же я сам заканчивал филфак. Я обратился с просьбой к тогдашнему ректору Людмиле Вербицкой, она разрешила. Так я остался здесь и начал создавать фотомузей, готовил стенды о великих русских писателях, в том числе и о Василии Ивановиче Белове, мне посчастливилось общаться с ним почти двадцать лет.

– Музей всего университета? – уточнил я.

– Нет, просто я так говорю. Официального статуса у музея нет. Всё же помещение, где стенды и экспонаты, подходит под музей филфака, отражает его историю. Большой университетский музей у нас существует в здании 12 коллегий – основательный, настоящий. Мне же важно сохра-

нить для истории, что здесь, на филфаке, бывали многие знаменитые русские деятели культуры.

– Сейчас работаю над книгой о Валентине Григорьевиче Распутине, – поделился собеседник. – Он тоже сюда заходил. Ровно через месяц, 15 марта, у него юбилей – 80 лет со дня рождения, я полечу на праздничные торжества в Иркутск. С произведениями Валентина Григорьевича я давно знаком, писал дипломную работу о его публицистике.

Хозяин фотокинолаборатории показал мне макет будущей книги о замечательном русском писателе. В ней он разместил много уникальных иллюстраций, автором которых является.

Вообще-то, творчество известного фотомастера из Петербурга заслуживает отдельного разговора. Пока же отмечу, что ему удалось запечатлеть наиболее важные события последних десятилетий в русской культуре. Это и Дни славянской письменности и культуры, съезды и пленумы Союза писателей России, выставки художников, авторские концерты композиторов, новые театральные спектакли, открытие храмов, встречи писателей с читателями.

Итогом неутомимой деятельности Анатолия стал «Русский альбом». Издание, пожалуй, не имеет аналога. На сотнях страниц Пантелеев собрал портреты и сведения о наиболее значимых представителях русской культуры второй половины XX-го и начала XXI-го веков. Фотомастер посвятил альбому четверть века. Теперь без этого издания уже невозможно представить литературу, культуру, общественную жизнь современной России.

Поборник русской старины, замечательный реставратор, умный писатель Савелий Ямщиков отмечал в предисловии: «Не побоюсь сравнить пантелеевское детище по важности и значимости для понимания нашей эпохи с литературной глубиной «Тихого Дона» М.Шолохова». 3/.

Действительно, так!

Чтение «Русского альбома» оставляет в сердце яркие, незабываемые впечатления.

В альбоме, к слову замечу, уделено место и известным людям земли вологодской. Это – писатели Александр Яшин, Василий Белов, Александр Романов, Ольга Фокина, Владимир Шириков, композитор Валерий Гаврилин, художник Валерий Страхов.

II

Анатолий Викторович распахнул дверь, и мы вошли в небольшую комнату, напоминающую обстановкой кабинет какой-нибудь знаменитости. На стенах – лики прославленных людей. Обратил на себя внимание портрет Василия Ивановича Белова, написанный маслом.

– Картина известная, – пояснил хозяин. – Её подарил мне кинооператор Анатолий Заболоцкий. Он дружил с Василием Ивановичем и, конечно, бывал здесь.

– А иконка, рядом с портретом? – полюбопытствовал я. – Откуда?

– Это подарок Василия Ивановича, – продолжал он. – В очередной свой приезд, как только зашёл с вокзала, первым делом достал из портфеля иконку и подарил. Иконка Пресвятой Богородицы (Валаам-Афон). Спросил: «Куда её?», я ответил: «Да, не знаю». После я её поставил здесь, где он мне её дал. У меня есть и ещё подарки от Василия Ивановича, просто бесценные. Однажды он передал папку, довольно увесистую. Её содержимое – оригиналы стихотворений, страницы рукописи романа «Час шестый», подлинник ещё одного произведения в прозе. Я намерен передать папку в музей в Вологду, когда буду.

– Присаживайтесь, – предложил хозяин, указав на кресло. – Кресло, кстати, уникальное. На нём сидели когда-то всякие знаменитости – писатели Виктор Петрович Астафьев и Валентин Григорьевич Распутин, реставратор

Савелий Ямщиков, композитор Валерий Гаврилин и, конечно, сам Василий Иванович.

Рядом на полке я увидел гармошку.

– Он ещё на этой гармошке постоянно играл, – перехватил мой взгляд Анатолий Викторович, – когда приезжал. А играл он, вы, наверное, знаете, замечательно!

– Да, мне приходилось слышать, я был в восторге.

– Ещё много кто бывал в этом кресле. А шкура на кресле – это рысь, мой двоюродный брат из Сургута подарил.

– Присаживайтесь, – ещё раз пригласил он.

– Что-то страшновато садиться в «знаменитое кресло», – признался я.

– Ничего, ничего! – подбодрил Анатолий Викторович. – Для храбрости налью стопку коньяка. Не возражаете?

– Можно, за встречу!

Мы пригубили терпкого напитка за праздник Сретенья Господня. Разговор пошёл более раскованный.

– У вас даже самовар тут стоит. Интересно: музейный или настоящий? – продолжал я любопытствовать.

– Настоящий! Без всякого сомнения! – охотно подтвердил Анатолий Викторович. – Из него пил чай и Василий Иванович.

– Как у вас оказался самовар? – спросил я.

– О, любопытная история, – оживился хозяин. – Этот самовар сотрудники кафедры истории советской литературы подарили заведующему, профессору Леониду Фёдоровичу Ершову, когда ему исполнилось 60 лет. Вон у окна – видите! – висит его портрет. Это мой учитель и мой любимый профессор. Леонид Фёдорович – фронтовик, инвалид Великой Отечественной войны. При нём кафедра была прекрасная.

– Он возглавлял кафедру до Петра Сазонтовича Выходцева? – спросил я. – Замечательный был учёный, его книга по эстетике пользовалась огромной популярностью у студентов.

– Нет, уже после Выходцева, – уточнил Пантелеев. –

Вообще-то, кафедре везло на хороших учёных. До Выходцева ею руководил Фёдор Александрович Абрамов.

– Да, имена известные.

– Повторюсь, я защищал диплом на кафедре у Леонида Фёдоровича. Моей темой была публицистика Валентина Распутина, – пояснял хозяин. – С отличием защитил, рекомендовали диплом к печати. Заведующий кафедрой – самобытная личность, он хорошо знал современных писателей, любил и высоко ценил творчество Василия Белова. Леонид Фёдорович лично был знаком с ним, они переписывались и встречались, когда писатель приезжал в Ленинград. 4/.

Долгое время, когда Л.Ф. Ершов был жив, самовар стоял в его кабинете на кафедре и служил свою службу.

– Когда профессора не стало, – продолжал Анатолий Викторович, – его вдова Элеонора Велисовна подарила самовар мне. И он продолжал свою службу, но уже в кинофотолаборатории. К слову, Василий Иванович любил здесь, у самовара, пообщаться с ленинградскими знаменитостями. Помню, сотрудник кафедры этнографии университета Владимир Бозин, прочитав «Лад», очень захотел увидеть автора. И когда Василий Иванович приехал, я их познакомил, была интересная беседа, они хорошо посидели.

– А теперь-то беседуете у самовара?

– Как же! Поддерживаем традицию, – ответил фотомастер. – Самовар в рабочем состоянии. Тут часто, после заседаний учёных советов, собираются профессора. Сидим, чай пьём, песни поём, спорим, рассуждаем, иногда выпьем и коньяка по стопке. Самовар – единственная возможность встретиться всем вместе, а так каждый занят своим делом, некогда.

III

– Я слышал, Анатолий Викторович, что вы организовали здесь небольшой музей Василия Ивановича. Это правда? – спросил я.

– Да, точно так! Пойдёмте, посмотрим.

Мы встали и направились в соседнее помещение.

Перед входом, над красными шторами, висела табличка:

**КОМНАТА ПИСАТЕЛЯ
Василия Ивановича
БЕЛОВА**

Когда вошли в комнату, я обратил внимание на портрет писателя, рядом висела подпись:

**В этой комнате в 90-е годы XX века
и в начале 2000 годов
ЧАСТО**

**останавливался и работал
великий русский писатель,
классик отечественной прозы
Василий Иванович БЕЛОВ**

Если говорить об обстановке, то она – самая скромная, даже в какой-то мере спартанская; ничего лишнего – стол, стул, кровать.

На стенах – фотографии, в том числе довольно известные: Василий Иванович с матерью Анфисой Ивановной, со своим учителем, поэтом и прозаиком Александром Яшиным, с другом, поэтом Александром Романовым.

Ну, а самое главное – здесь витает «беловский дух», здесь ощущаешь незримое присутствие самого писателя.

– Замечательная комната! – оценил я. – Огромное дело Вы сделали, что сберегли её для истории русской литературы.

– Ничего особенного я не сделал, – отмахнулся Анатолий Викторович.

Да, мемориальной в полном смысле слова её, вряд ли, можно назвать. Но всё же эта комната, это место помнят тишину беловских раздумий, жаркие споры, сохранены предметы и вещи, с которыми Василий Иванович «общался».

– А как часто он бывал у вас, на берегу Невы, в самом центре Ленинграда-Петербурга?

– Точно не скажу, ну, наверное, раз шесть или семь бывал, – ответил хозяин. – В очерке он даже описал свой приезд сюда, когда спешил на Валаам. Обычно было так. Прибыв на поезде в Петербург, Василий Иванович, не помышлял ни о какой гостинице, ехал прямо сюда, устраивался в комнате, отдыхал с дороги. После он уходил по делам, много работал. Знаю, его интересовала история Балтийского флота. Василий Иванович проходил срочную службу в Красном селе в качестве телеграфиста в 50-е годы XX века. Может, он хотел написать что-то о своей службе или вообще о русском флоте, я не спрашивал, мне было неудобно приставать с расспросами.

– Вы, я знаю, старожил Петербурга, показывали именитому гостю замечательный город? – спросил я.

– Да, я показывал достопримечательности, но особенно был рад, когда сводил его с ленинградскими творцами, – продолжал он. – Прогулок без какой-либо цели у нас не было. Однажды мы поехали к композитору Валерию Гаврилину. Оба земляка, оба остались довольны встречей. В другой раз ходили к замечательному художнику Геннадию Сорокину, его, к сожалению, уже нет в живых. Мастерская сохранилась, жива его супруга, тоже художница – Ольга Жохова.

Василий Иванович любил бывать у них, рассматривал картины, вёл задушевные беседы за чашкой чая.

IV

Кроме «Комнаты Белова» хозяин показал помещение, оформленное по теме «Русская культура и литература».

На стендах, умело и со вкусом сделанных, я увидел портреты знаменитых писателей, художников, учёных, музыкантов. Пожалуй, все они, за исключением немногих, заходили к фотомастеру «на огонёк». Здесь, почти в домашней обстановке, друзья рассуждали, спорили о литературе, жизни, политике.

Рассматривая экспозиции, я узнал кое-кого из знакомых, в частности, замечательного православного писателя Н. М. Коняева из Петербурга. 5/. С Николаем мы были давними приятелями, поэтому и всплыла в памяти одна из встреч с ним в Вологде. Николай Михайлович стал первым в русской литературе, кто собрал обширные сведения и написал повесть о поэте Николае Рубцове, назвал её «Путник на краю поля».

Тогда давно я спросил у него: «Если верить повести «Путник на краю поля», в судьбе Рубцова есть некая предопределённость. Можем ли мы говорить о религиозности поэта?».

«Да, некоторая предопределённость и в жизни, и в посмертной судьбе Рубцова есть, и я старался отразить её в повести, – ответил Николай. – Расскажу только один эпизод. Будучи в гостях у писателя Василия Белова, я ему сказал, что нашёл в архиве такую телеграмму: «Дорогой Вася, извини, я был не прав. Рубцов». Видимо, был 30 лет назад какой-то резкий разговор между Беловым и Рубцовым. По какой причине Рубцов не отправил телеграмму – трудно сказать. Может, просто не нашлось денег. Но есть мистический факт: через десятилетия адресат получил телеграмму через меня, выполнившего роль почтальона...»

Вопрос о том, был ли Рубцов православным человеком, выходит за пределы его биографии, но принципиально

важен для эпохи, в которую он жил. Вся поэзия Рубцова проникнута духом православия. Но к нему он шёл не через церковь, а через русскую классическую поэзию, что очень типично для писателей, начинавших свой путь в конце 50-х годов...». 6/.

Выходило, что вдали от Вологды, на берегу Невы, Василий Белов стал «связующим звеном» между мной и писателем Николаем Коняевым.

Тем временем Анатолий Викторович подвёл к большому столу, где лежал уже воплощённым его сокровенный замысел – оригинал-макет книги о Валентине Распутине. И фото, и текст, и графическое исполнение – всё он создал сам. Да, можно не сомневаться: это будет издание столь же значительное, как и «Русский альбом».

Мы вернулись в комнату с «уникальным креслом», хозяин заварил кофе, а я всё рассматривал обстановку.

– Это композиция, небольшая скульптура «Аполлон и Музы», – перехватил он мой взгляд. – Её подарил Валерий Александрович Гаврилин, он тоже приходил сюда.

– Скажите, Анатолий Викторович, когда и как вы познакомились с Василием Беловым?

– Ой, не помню даже! Давно. По его приглашению я в 1996 году поехал в Тимонику, безусловно, будучи с ним уже знакомым, – вспоминал Пантелеев. – Думаю, всё началось раньше, с кафедры Леонида Фёдоровича Ершова. Он был заводилой, мотором конференции в честь 55-летия Василия Шукшина, её успешно провели в 1984 году.

– Известный прозаик Сергей Залыгин отметил тогда, что подобных конференций не видел, ему всё понравилось. Доклады учёных, фильмы. Выступали Глеб Горышин, Лидия Федосеева-Шукшина. Приехали жители из села Сrostки на Алтае – родины Шукшина. Словом, было очень интересно.

– Судя по вашим словам, конференция получилась впечатляющей, – поддержал я.

– Да, именно так. И вот, на волне успеха, мы решили с

размахом отметить 50-летие Николая Рубцова, – говорил Анатолий Викторович. – Я ездил в Вологду, собирал материал о поэте. Написал Белову – пригласил на конференцию. Кстати, прошла она замечательно. Правда, Василий Иванович по какой-то причине не смог приехать в Ленинград. Однако переписка между нами возникла, это самое главное. Отмечу, что Леонид Фёдорович Ершов и Василий Иванович Белов – яркие фигуры в истории русской литературы. Они были большими друзьями, переписывались, и хотя редко встречались, но нежно относились друг к другу.

Тогда, в конце 80-х годов, проходили Дни славянской письменности и культуры. Первый праздник организовал писатель Семён Шуртаков в Мурманске в 1986 году. А в следующем, 1987 году, праздник принимала уже Вологда, а затем в 1988 году – Великий Новгород.

Я охотно полетел в Великий Новгород, где впервые и увидел Василия Ивановича, что называется, живьём. Много снимал его. Там же я запечатлел и Дмитрия Михайловича Балашова, ещё некоторых русских писателей, которые приехали на праздник.

– А как они отнеслись к Вам? Далеко не все пишущие любят, чтобы их фотографировали, – любопытствовал я.

– Признаюсь, Белов не любил сниматься. «Толя, – говорил он мне, – что ты на меня плёнку тратишь?». После ничего, привык. Василий Иванович очень не любил подписывать свои книги. Я, собственно, и не стремился к нему за автографом. Но однажды мой товарищ попросил, чтобы я подписал у него книгу. «Толя, ну, зачем тебе это?», – спросил он. «Это не мне, Василий Иванович, – пояснил я, – друг попросил».

Белов поставил автограф.

После поездки в Великий Новгород я уже довольно часто виделся с Василием Ивановичем – на пленумах Союза писателей, тогда Союз работал очень активно, без ведущих литераторов – Белова, Распутина, Астафьева, Крупина не

Петербургская тетрадь

обходилось; встречались мы и на каких-то других мероприятиях.

Я много фотографировал писателей. Ну, а с Виктором Петровичем Астафьевым, вы, наверное, сами знаете, Василий Иванович и Валентин Григорьевич разошлись, время определило их «размолвку».

Несколько неудобно говорить, но я, конечно, хорошо помню тот эпизод. Белов долго молчал, вдруг резко вступил в разговор. «Ну, вот, – сказал, – он не любил отца и к отцу плохо относился». «Папа, папа!» – как бы передразнил он Астафьева с ударением на последнем слоге. «Это нехорошо!», – продолжал Белов. – Какой бы он ни был, но это всё-таки твой родитель. И относиться так к нему нехорошо!».

Ну, и потом. Белов был не очень доволен тем, что Астафьев, образно говоря, с Ельциным целовался.

– Какие впечатления остались от поездки в Тимонику?

– Это был конец августа. Из Вологды я добрался до Харовска, а дальше ехал на попутках. Долго стоял на какой-то дорожной развилке. Огромное поле. Чистое небо. И ни одной машины. На моё счастье всё же подкатил какой-то грузовичок, – продолжал собеседник. – К деревне я подошёл уже в потёмках. У ворот дома встретила сестра Василия Ивановича. «Заходите!», – пригласила она. Я зашёл в дом, она сказала: «Василий Иванович в бане». «Моется что ли?» – уточнил я. «Нет, – отвечала, – готовит там что-то». Опять спросил: «Пройти можно?». «Да, вон по тропинке идите», – показала сестра.

Темно уже было. Пока по тропинке шёл, вспомнил фразу из фильма «Калина красная»: «Стриженных принимают?». Постучал в дверь, голос из бани: «Это кто?». «Стриженных принимают?», – спросил. Василий Иванович узнал: «А, Толя! Заходи!».

Баня не была истоплена, просто он что-то разбирал. Пошли в дом к чаю. Хозяин поставил мне раскладушку ближе к печке, у печки я и ночевал. Утром мы поехали в цер-

ковь, Василий Иванович прекрасно водил «Ниву». У меня была камера, я всё снимал. Хорошие кадры получились, как Василий Иванович зашёл в храм, как он подходил к кресту.

V

– Служба закончилась, мы вышли на улицу. С нами были сценарист Александр Саранцев и художник Валерий Страхов, – продолжал воспоминания собеседник.

– Мы остановились недалеко от храма. Василий Иванович стал рассказывать подробности о местности, указывал вдаль, где когда-то были большие деревни, говорил об обитателях домов, оставшихся в Тимонихе. Всё это у меня отснято, сохранилось.

Поехали в Тимониху на обед.

Пока женщины готовили трапезу, мы поднялись на второй этаж. Там произошёл как раз самый интересный разговор. Ни стульев, ни табуреток – ничего не было, все как-то пристроились. Василий Иванович встал у окошка. Он рассказывал о том, как после окончания войны возвращались мужики в родную деревню.

Вспомнил про офицера, тот вернулся к жене, а жили они – беднота страшная. Даже движением рук изобразил, как офицер садился у окна и заводил на патефоне одну и ту же пластинку, где звучала песня «На сопках Маньчжурии».

Песня очень нравилась Василию Ивановичу.

– К слову, песню «На сопках Маньчжурии», – уточнил я, – написал полковой капельмейстер Илья Шатров и посвятил её своим товарищам – солдатам и офицерам, погибшим в русско-японской войне 1905 года. 7/.

На мой взгляд, важно помнить, кто придумал музыку, кто сочинил слова, кто написал какую-либо книгу. А то пошла странная мода. С утра до вечера по радио передают

примитивные песенки, но никогда не говорят, кто же их авторы?

– Соглашусь, так и есть, – кивнул собеседник. – Ныне редко услышишь хорошую песню. Вообще, я собираю песни, которые любили известные люди. Мне это интересно. В будущем можно составить, например, такой концерт: любимая песня Михаила Александровича Шолохова, любимая песня Валентина Григорьевича Распутина, любимая песня Василия Ивановича Белова.

– У вас замечательная идея! – поддержал я. – А какая самая любимая песня была у Василия Ивановича?

– Точно чтобы одна – это вряд ли. Думаю, любимых песен было пять-шесть. В Тимонихе, когда я там был, Василий Иванович после обеда брал в руки гармошку и чаще других играл русскую народную песню «Помню, я ещё молодухой была...». Её он исполнял и здесь, в Университете, когда останавливался в комнате. С неё он начинал игру на гармошке, когда писатели собирались на дружескую вечеринку у Валентина Распутина. Так что, полагаю, это была у него самая любимая песня. Однажды Василий Иванович жаловался: «Вот пальцы-то всё чувствуют, но не играют».

Ясно, не хватало практики. Когда у гармониста мало практики, то навык постепенно пропадает.

– Долго ли гостили в Тимонихе? Бывали ли ещё там? – спросил я.

– Тогда, в августе 1996 года, гостил у Белова четыре дня, – сказал Анатолий Викторович. – В то время в Тимонихе жил профессор из Токио Ясухи Рёхей вместе с супругой. Белов познакомил меня с ними. Он водил нас по окрестностям, показывал место, где стояла изба, в которой он родился. Показывал место, где была изба, в которой его крестили. Показывал камень, куда ставил ведро, когда поднимался от ручья. Кстати, он так до конца сам носил воду на коромысле.

Все эти кадры у меня сохранились.

В тот же раз к Белову приехал известный учёный Фёдор Григорьевич Углов из Петербурга, они дружили.

Побывать в Тимонихе снова удалось уже после ухода из жизни Василия Ивановича – осенью 2015 года на «Беловских чтениях».

У меня сохранилась запись выступления Василия Ивановича в капелле в Петербурге. Зал был набит битком, задавали много вопросов. Публика воспринимала его здорово. Влияние Белова на аудиторию было огромным.

Февраль 2017 г.

ДУША С ДУШОЮ ГОВОРИТ

*Беседа Василия Белова с поэтом, учёным,
профессором Санкт-Петербургского университета
Рональдом Нелепиным*

Тёплое, живое, сердечное общение – одно из главных богатств человека, совершающего свой земной путь. Для писателя такое общение особенно необходимо. Для Белова – тоже! Отринув текущие дела, он шёл на вокзал, брал билет и ехал в Петербург не по какой-то надобности, а просто из желания увидеть друзей, поговорить, излить душу, проверить сокровенные мысли.

И бесконечная благодарность Анатолию Пантелееву за то, что сумел сохранить поучительные беседы с писателем, имеющие значение для истории русской литературы и культуры.

Он любезно предоставил запись встречи, она состоялась 19 июня 2000 года в Университете, в одной из комнат кинофотолаборатории. В тот вечер собеседником Василия Белова был доктор технических наук, профессор Санкт-Петербургского университета Рональд Аполлонович Нелепин (1928 – 2008) – личность уникальная во многих отношениях. 8/.

Он – учёный-математик, известный во всём мире. Опубликовал 357 научных работ, из них – 60 книг. А другая сто-

рона его деятельности – художественное творчество. Р.А. Нелепин – поэт, прозаик, публицист, художник, исследователь, в частности, автор поэмы о легендарном полководце Георгии Константиновиче Жукове; он написал и издал двухтомник об истории казачества в России.

Трудно даже вообразить, что всё это умещалось в одном человеке.

Но это так!

Василия Белова и Рональда Нелепина связывала десятилетняя дружба. Если выпадала возможность, они встречались, разговор шёл часами, затрагивал самые разные темы.

Предлагаю фрагменты беседы.

Высокий, широкоплечий, по-молодому подтянутый, Рональд Нелепин вошёл в комнату, поздоровался с писателем.

Обращаясь к нему и показывая на Анатолия Пантелеева, который держал в руках кинокамеру, Василий Белов посетовал:

– Этот товарищ всё снимает и снимает, всё снимает...

– Да, этот товарищ – уникальный человек! – поддержал учёный.

– Мне жалко его стало, – неожиданно сказал Белов.

– Ну, что Вы! – возразил Нелепин. – Это его счастье – снимать историю!

– Не знаю, не знаю, – засмеялся писатель.

– Он нашёл своё счастье в жизни, – продолжал учёный, – это замечательно.

– Ладно, Толя, мне это не нравится, – не отступал Белов. – Так что делать?

– Ну, что Вы, Василий Иванович! – изумился Рональд Нелепин. – Пусть занимается своим делом...

Они прошли и сели к столу, скромно накрытому для чаепития. Кроме писателя и учёного, а также хозяина кино-

фотолаборатории, была ещё семейная пара, муж и жена, знакомые Анатолия.

Разлили чай – потекла беседа.

Василий Иванович начал рассказывать о себе.

«ЛЕРМОНТОВА И ПУШКИНА ЖГЛИ НА КОСТРАХ...»

В. БЕЛОВ:

– Надо признать, когда я семь классов закончил, подал заявление в Рижское морское училище. И с жадностью ждал ответа. Надо было работать в колхозе, и я работал: дрова пилил, снопы возил, боронил. И всё жду, жду, когда письмо придёт. Я послал туда свидетельство об окончании 7 классов, а свидетельства о рождении не было. И я каждый день жду с тревогой, ведь дело было связано ещё с тем, что я из колхоза стремился убежать.

Р. НЕЛЕПИН:

– Так что Василий Пасин – не случайный герой в вашем романе? В нём есть что-то биографическое?

В. БЕЛОВ:

– Ну, не знаю!

Р. НЕЛЕПИН:

– Мне так показалось.

В. БЕЛОВ:

– Автобиографическое то, что мечта у него также не сбылась. Трагическая его судьба.

Р. НЕЛЕПИН:

– Не сбылась – да! Причём, мечта не сбылась благородно. Когда ему предложили стать сексотом, он предпочёл быть матросом. А что судьба трагическая – куда денешься? Таких судеб было много!

В. БЕЛОВ:

– Ну, вот я дождался письма из Риги. С восторгом вскрыл его прямо в поле у гумна. А там – ничего!

Р. НЕЛЕПИН:

– Ничего? Как? Чего они пишут?

В. БЕЛОВ:

– А вот так! Ничего. У нас умеют делать так: шабаш – ничего! Возвращают свидетельство об окончании 7 классов, всё же документ. На моём заявлении стоит только входящий номер – и всё!

Р. НЕЛЕПИН:

– Вот, мерзавцы! Вот, ведь наглецы какие! Это, наверное, латыши?

В. БЕЛОВ:

– Не знаю, кто это сделал, но для меня трагедия ужасная. Потому что я был в неопределённости: то ли ехать, то ли не ехать. Это связано с матерью, со всей семьёй. Мы на семейном совете решили: поскольку ничего не пишут – значит, я принят, меня допускают, надо в Ригу ехать. А они, оказывается, таким образом, от меня отделяются. Вот с того момента у меня и начался «комплекс неполноценности»...

Р. НЕЛЕПИН:

– Ну, напрасно, напрасно!

– Вы знаете, латыши выдвинули большевикам 60 тысяч

«красных стрелков», которые были первыми чекистами. И были массовые расстрелы везде и всюду. Китайцы, латыши...

В. БЕЛОВ:

– Они даже с Лениным чуть не расправились! Хотя они также его и спасли!

Р. НЕЛЕПИН:

– А Вы знаете, какую штуку написал Валентин Катаев? Он под конец жизни женился на еврейке, напечатал повесть, где описал, какие безобразия чинили в Одессе чекисты в то время, в годы его молодости. Он показывает, что творили чекисты-евреи, убивали всех русских. 9/.

В. БЕЛОВ:

– А чекисты – все евреи!

Р. НЕЛЕПИН:

– Все – да! Но евреи считали Катаева своим, даже называли его Господином, Владыкой, а он под конец жизни такую повесть издаёт. У него, видимо, душа превратилась в полураба, жил полвека полурабом, а потом он проснулся и выдал эту повесть.

В. БЕЛОВ:

– А почему он так паскудил Ивана Бунина?

Р. НЕЛЕПИН:

– Ну, всё потому, что они его оплели и поработили. И вот, когда книжка вышла, в писательской литературной среде был лёгкий шок: что делать? Бить? Но как бить? Это же – свой! Нельзя, нельзя! И они все замолчали. Потом эту книгу стали изымать из библиотек и ... сжигать!

В. БЕЛОВ:

– Это «Кубик», по-моему, или «Святой колодец». 10/.

Р. НЕЛЕПИН:

– Вот была такая система – сжигать. Она, эта система, была основана ещё Н.К. Крупской. Из Центрального Органа из Москвы рассылался по всем библиотекам Советского Союза циркуляр: такую-то книгу аннулировать. И книга в одночасье исчезала, её сжигали.

В. БЕЛОВ:

– Ничего трудного она не представляла, эта система.

Р. НЕЛЕПИН:

– Да, всё – централизованно! Лермонтова и Пушкина жгли на кострах. У меня жена после инфаркта не могла первое время устроиться по специальности и работала в библиотеке. Так она из костра вытащила полубожжённых Пушкина и Лермонтова, издания I-й половины XIX-го века.

В. БЕЛОВ:

– Эта система работала даже ещё недавно. Василий Макарович приехал ко мне в гости в деревню, а у него страсть была – первым делом в библиотеку. «Пойдём, – говорит Шукшин, – посмотрим». Библиотека находилась недалеко от Тимонихи, в следующей деревне – в Лобанихе, в клубе. Он пришёл туда, библиотекарша разрешила, и он начал рыться, что там есть. Вдруг приходит и приносит мне роман-газету и хохочет: «У нас в Москве, – говорит, – давно уже ничего нет, изъято. А у вас есть!» и кладёт мне на стол роман-газету с повестью «Один день Ивана Денисовича» Александра Исаевича Солженицына. У меня и сейчас хранится тот экземпляр.

Р. НЕЛЕПИН:

– Слабенькая повесть. Твардовский хоть её и напечатал, но она слабая вещь. Ведь в повести Солженицын не показал главное: когда человек «сидит», он должен испытывать ду-

Петербургская петрадь

шевные муки, а он там, Иван Денисович, бегаёт со своим котелком по стройке...

В. БЕЛОВ:

– Но всё равно, он оставил свой след. Что мог, то он и сделал. Что сделал, то и сделал. Ладно, не будем о нём.

Р. НЕЛЕПИН:

– Согласен с Вами, не будем говорить о нём. Но всё-таки я скажу. Он выступал в Конгрессе США, призывал уничтожить «империю зла» – Советский Союз.

В. БЕЛОВ:

– У него всё же много слов хороших, я так скажу.

Р. НЕЛЕПИН:

– Ох, сейчас он оправдывается! Вот сейчас он будет, очевидно, поддерживать журнал «Русская провинция», даёт там материалы.

О ЖУРНАЛЕ «РУССКАЯ ПРОВИНЦИЯ»

В. БЕЛОВ:

– В «Русской провинции» главный редактор Миша Петров, он начал похабщину печатать. Причём, в рисунках. 11/.

Р. НЕЛЕПИН:

– Да? Я давно журнал не видел.

В. БЕЛОВ:

– Одно дело, когда идёт похабщина в рассказах, а тут – в рисунках, наглядно. Он опубликовал несколько рисунков

еврейки, и подписи такие, что сразу видно. Я ему написал возмутительное письмо: «Миша, прекрати это делать!». 12/.

Он мне ответил и начал доказывать, что всё нормально, что она приехала из Таджикистана, и ей нечем жить.

Р. НЕЛЕПИН:

– Демагогию развёл!

В. БЕЛОВ:

– Вот именно! Вообще, он оправдывал этот поступок. А поскольку я получал журнал регулярно, пришёл очередной номер, и Петров напечатал ещё более похабные рисунки. Я их вырезал ножницами, не жалко стало мне журнала, послал Петрову и написал, что я больше с твоим журналом не хочу иметь дела. И он заглох на всю жизнь – Миша заглох по отношению ко мне. Он приезжал к нам в Вологду и даже ночевал у писателя Сергея Алексева.

Р. НЕЛЕПИН:

– Понятно! Я думал, что журнал заглох.

В. БЕЛОВ:

– Нет, журнал идёт. Может, моя критика и подействовала. Одно время журнал был популярен, там были хорошие, интересные материалы. А потом он начал печатать похабщину.

Р. НЕЛЕПИН:

– Вдруг я смотрю, один номер – на хорошей бумаге, обложка цветная, лакированная.

В. БЕЛОВ:

– Это уже Солженицын, это уже его денежки пошли.

Р. НЕЛЕПИН:

– Там и написано было: журналу оказывает поддержку

«Фонд Солженицына». Значит, думаю, должна быть и статья о Солженицыне. И, действительно, она появилась в одном из номеров, её загнали на последнее место.

В. БЕЛОВ:

– Я читал эту статью.

Р. НЕЛЕПИН:

– Они там, несмотря на экивоки, укорили Солженицына, особенно за то, что обозвал «Тихий Дон» Шолохова плагиатом. И я подумал: «Молодцы! Не пали на колени, хотя и получили от него финансы...».

В. БЕЛОВ:

– Это ещё ничего не значит. Это можно расценить и иначе – выкрутились!

Р. НЕЛЕПИН:

– Ну, всё-таки поступили достойно.

О ПИСАТЕЛЕ А.И. СОЛЖЕНИЦЫНЕ

В. БЕЛОВ:

– А Вы знаете мою историю с Солженицыным? Я могу Вам рассказать.

Р. НЕЛЕПИН:

– Нет, не знаю. Расскажите!

В. БЕЛОВ:

– Солженицын, когда получал Нобелевскую премию, через Можаява, писателя, прислал мне «секретное письмо» – приглашение. 13/.

Вернее, секретным был не только Солженицын, но и Можаяев – он играл роль секретного передатчика. Я ему сказал: «Хорошо!». А там собственной рукой Солженицына, тщательным почерком написано, как пройти на вручение Нобелевской премии, нарисованы стрелки: идти сначала во двор, потом повернуть направо, потом столько-то метров...

Это меня особенно смутило, даже покорибило. Ему вручают Нобелевскую премию, а он создал такую «секретную систему»!

Я сказал Можаяеву: «Я приду, конечно, я уважаю Солженицына, но что буду там говорить – неизвестно. Могу сказать и резкие слова».

Роман Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ» тогда ещё не вышел, по-моему. А в отношении его повести «Один день Ивана Денисовича» мог бы выдать что-то и резкое. Об этом я Можаяеву сказал, на том мы и расстались.

Я хранил приглашение, думал, что пойду. Но Бог отвёл меня от визита.

Р. НЕЛЕПИН:

– Не пошли?

В. БЕЛОВ:

– Ну, Вы же знаете эту историю! Ему дали Нобелевскую премию и выселили из России.

Р. НЕЛЕПИН:

– Бросили щуку в реку! Дали ему возможность печататься на весь мир против Советского Союза. Бородина послали в Сибирь, а этого в Америку.

В. БЕЛОВ:

– Причём, Бородина ссылали в Сибирь не один раз. 14/.

Р. НЕЛЕПИН:

– Да, а этого в Америку. И все русские туристы, которые

выезжали в брежневские времена за границу, видели в любом аэропорту навалом книги Солженицына и, конечно, покупали, кто имел возможность. А ему – гонорары, гонорары, откуда и всё его богатство.

Книга о Василии Белове

В. БЕЛОВ:

– Ну, я тогда-то, когда ему дали премию, был совсем не такой, как сейчас. Я с почтением относился к Александру Исаевичу. С этим чувством я дожил до перестройки. А в перестройку, когда шла подготовка к штурму Белого Дома, когда была стрельба, когда всё окутали жуткой проволокой – спиралью Бруно, я хотел предотвратить братоубийство и решил прибегнуть к содействию Солженицына.

Р. НЕЛЕПИН:

– В те дни Ельцин растоптал Советскую власть!

В. БЕЛОВ:

– У меня ещё какие-то иллюзии были. В то время Солженицын уехал во Францию, он играл роль прогрессивного писателя, который защищает крестьянство. Я ему написал открытое письмо, где говорил, что готовится стрельба, братоубийство, что всё окутано проволокой. Я просил вмешательства, просил его обратиться к общественности Европы, я верил, что он может это сделать. Он палец о палец не ударил!

Р. НЕЛЕПИН:

– Он и не должен был ударить!

В. БЕЛОВ:

– Я-то верил!

Р. НЕЛЕПИН:

– Вы немножко идеалист! Вы знаете, когда западноевро-

пейцы особенно раскрылись? Вот когда Сербию бомбили, они все улюлюкали!

В. БЕЛОВ:

– Ладно, я закончу сюжет. Солженицын заявлял тогда о намерении возвратиться в Россию. И я понёс открытое письмо, адресованное ему, в «Комсомольскую правду».

Р. НЕЛЕПИН:

– Тоже мне – демократы!

В. БЕЛОВ:

– А там сидит «либералка» в приёмной и говорит мне: «Главный редактор вас не примет». Я спрашиваю: «Почему?». Она отвечает: «Он занят». Я тогда сажусь в кресло и говорю: «Хорошо, я подожду». Сажу час – она нервничает, сажу второй час, она опять мне: «Он вас не примет». Я отвечаю: «Хорошо, если он не примет, есть у него заместитель какой-то?». Она вынуждена была отвести меня к заместителю. Я дал ему текст открытого письма: «Пожалуйста, опубликуйте!». Тогда же была демократия! Но какая это свобода, если я просидел в приёмной почти два часа? И только после того, как заместитель со мной переговорил, редактор принял, но долго беседовал с заместителем: «Мол, чего делать с этим мерзавцем бородатым?». «Мы бы, конечно, опубликовали ваше письмо, – говорит редактор, – если бы Александр Исаевич прислал вам ответ». Я пожал плечами: «Как он может прислать ответ? Ответ он может прислать, когда письмо будет опубликовано. Ведь не полечу же я к нему во Францию с текстом, чтоб взять ответ. Это не моё дело и не ваше. Потому что открытое письмо – это открытое. Ответ должен быть открыт».

Дайте мне текст, я напечатаю в другом месте».

Я пошёл в другой подъезд, там находилась редакция «Советской России». Валентина Васильевича Чикина я знал и раньше, один раз даже летел с ним в самолёте из Болга-

рии. Он прочёл письмо и сразу отослал в набор, в выходящем номере его напечатали. 15/.

Р. НЕЛЕПИН:

– Понятно! Это совсем другой человек!

В. БЕЛОВ:

– Я уже говорил Вам, что не хотел с Солженицыным встречаться. Но как приеду откуда-нибудь из командировки домой в Вологду, или в Москву, я какое-то время жил и в Москве, а дочка всё время мне говорит: «Папа, опять Солженицын звонил». Так было, наверное, раз пять или больше. Тут, наконец, мне стало жалко его, и я решил: ладно, схожу. Взял книжку какую-то, чтобы подарить, и пошёл. У него была та же самая квартира, но он опять долго рассказывал мне, как надо к нему добираться.

Р. НЕЛЕПИН:

– У Вас самое искреннее чутьё на настоящего человека!

В. БЕЛОВ:

– Одним словом, я пришёл по адресу, какой он назвал. Ему кэргэбэшники сделали кабинет и приёмную, а до этого ему припасли какой-то особняк. Он приехал из-за границы, ему надо принимать людей, к нему люди ходят, в том числе и я. Ну, вот я пришёл. Он сделал некоторую паузу, прежде, чем выйти. Правда, пауза была недолгой. Поздоровались, любезности там всякие. Он сказал, что, мол, давно хочет со мной встретиться и так далее. Ну, он видит, что я не очень, так сказать, любезен. И он начал объясняться со мной.

Р. НЕЛЕПИН:

– Объясняться?

В. БЕЛОВ:

– Да, практически он оправдывался. Он, получив моё

письмо, выступил с открытым призывом расправиться с депутатами Верховного Совета СССР. Ведь не все же были дураки!

Р. НЕЛЕПИН:

– Не он один! Да и какой логики ждать от них, от этих гадов!?

В. БЕЛОВ:

– Вы вот тоже резко говорите! Оформите, пожалуйста, Ваши мысли более компактно!

Р. НЕЛЕПИН:

– Ну, я скажу более компактно. Солженицын, как мне представляется, не относится к числу людей – друзей России. И когда он сыграл свою зловещую роль в разрушении тысячелетней Империи, принявшей тогда неуклюжее название СССР, он потом захотел остаться среди потомков русским писателем.

В. БЕЛОВ:

– Он вообще хотел быть Львом Толстым! Помните?

Р. НЕЛЕПИН:

– Его называли и Толстым, и Достоевским в одном лице. А тут не пахло ни тем, ни другим.

В. БЕЛОВ:

– Одновременно он играл роль православного человека!

Р. НЕЛЕПИН:

– Конечно!

В. БЕЛОВ:

– А мне говорят, какой же он православный, когда гордыня так и прёт из него?

Р. НЕЛЕПИН:

– Конечно, всё это маска была! Он захотел остаться хорошим. Поэтому он сейчас подаёт свою премию имени Солженицына, субсидирует журнал «Русская провинция»; там лестно говорит про Ельцина, там подделывается под писателей-почвенников и прочая, прочая. А на самом-то деле душа у него была...

В. БЕЛОВ:

– Мрачная!

Р. НЕЛЕПИН:

– Мрачная, очень мрачная! Бесовщины в нём было много.

В. БЕЛОВ:

– И никакой глубокой Веры в нём нет. Если бы в нём Вера была, то он хотя бы в один монастырь заехал в ходе этого вояжа, потому что монастырей в России достаточно. Он просто притворяется!

Р. НЕЛЕПИН:

– Точно! Вы правильно определяете. Я с Вами абсолютно согласен, и в конечном счёте я вижу в нём врага.

В. БЕЛОВ:

– Бог с ним! Ладно!

Р. НЕЛЕПИН:

– Не думаю, что Господь простит его за все прегрешения. Не думаю!

В. БЕЛОВ:

– Мы-то должны прощать, если мы православные!

Р. НЕЛЕПИН:

– Да, я согласен с Вами, мы-то должны прощать. Но Вы

знаете, вот это его «Красное колесо» я читать не смог, прочёл несколько отрывков и бросил. Я ещё молодой был, дисциплинированный: раз начал, то должен прочитать до конца. Но не смог. Не поймёшь, что он там хочет?

В. БЕЛОВ:

– И я не смог, только несколько страниц прочёл. Ужасная какая-то манерность.

Р. НЕЛЕПИН:

– Манерность и вычурность.

В. БЕЛОВ:

– Нет образности!

Р. НЕЛЕПИН:

– Нет самого главного – художественной литературы, а что надёргал он много, то это всё в истории описано.

В. БЕЛОВ:

– И потом: у него слишком нарочитый поиск, так называемого, «новояза», он придумывает иногда слова. Вроде, русские слова, а на самом деле, они не русские.

Р. НЕЛЕПИН:

– Вот в том-то и дело, в отличие от Ваших повестей.

В. БЕЛОВ:

– Ну, не надо меня вспоминать!

Р. НЕЛЕПИН:

– Нет, я скажу, что Ваш язык, Василий Иванович, другой. Я читаю и восторгаюсь. Я думаю, что любой российский писатель, читая Ваши романы, вынужден обращаться к словарям, потому что настоящий русский язык уже многие забыли.

В. БЕЛОВ:

– Всё дело в том, что я не хочу быть писателем! Не считайте меня... это самое...

Р. НЕЛЕПИН:

– Не считаю, что это у Вас само собой получается! И вот я смотрю – в наших словарях некоторых слов нельзя найти, только по контексту приходится догадываться городскому жителю. Я уверен, что ни один городской писатель не поймёт до конца того запаса слов, который Василий Иванович использует. Куда деваться?

В. БЕЛОВ:

– Если говорить о языке. Словарь Владимира Ивановича Даля Вы знаете?

Р. НЕЛЕПИН:

– А как же, конечно!

В. БЕЛОВ:

– Я так люблю его читать! Особенно некорневые слова, а производные. Ну, вот, к примеру, слово «дом». А от него там столько производных! Да и любое слово возьмите!

Р. НЕЛЕПИН:

– У нас на факультете, в нашем Университете (я могу этим гордиться), работает прямой потомок Владимира Даля – Юрий Иванович Даль.

В. БЕЛОВ:

– Серьёзно?

Р. НЕЛЕПИН:

– Да, на нашем факультете прикладной математики.

В. БЕЛОВ:

– Ну, передавайте ему поклон от меня.

Р. НЕЛЕПИН:

– Обязательно!

ВОКРУГ «БЕЛОГО ДОМА» (1993 год)

В. БЕЛОВ:

– Так вот, я уже сказал Вам, что Чикин напечатал моё письмо к Солженицыну в газете «Советская Россия». А там, в центре Москвы, шла подготовка к братоубийству. Я с Толей Заболоцким ходил, мы присутствовали при смертоубийстве. Выступал несколько раз, однажды с какого-то автомобиля. А дождь шёл, холод, тысячи людей были свидетелями, как бьют женщин, причём, даже пожилых - старух...

Р. НЕЛЕПИН:

– Кошмар!

В. БЕЛОВ:

– Бьют безжалостно! Я кинулся защищать, а мне: «Уходи, не мешай!». Я говорю: «Я – депутат!». Бесплезно. Там митинги идут. С автомобиля зачитывают текст моего письма Солженицыну. Было много ещё драматических событий: избивали людей, в метро загоняли, какие я крики слышал – ужас! Когда вспоминаю, не по себе становится...

Р. НЕЛЕПИН:

– Я читал воспоминания одного генерала разведки об этих днях. Он пишет, что бейтаровцы (*сотрудники спец-*

служб государства Израиль – Г.С) начали провокационно стрелять в ту и другую стороны, и тем положили начало бойни.

В. БЕЛОВ:

– Я не знаю, кто там первым начал стрелять, я думаю, что стрелять начали ельцинисты, а не хасбулатовцы.

Р. НЕЛЕПИН:

– Я и говорю о том, что были бейтаровцы-провокаторы.

В. БЕЛОВ:

– Ну, конечно, они сидели на крышах, специальное задание было им – стрелять по толпе. Это всё описано, всё зафиксировано в газетах, хотя сейчас эти газеты на вес золота.

– Когда начался штурм Белого Дома, я там с Руцким общался, с Хасбулатовым. 16/. С Руцким я встретился прямо в коридоре, в приёмной Хасбулатова, Руцкой при всех рвался к нему. Поздоровался со мной за руку. А, подумаешь, какой-то вологодский депутатик!

Р. НЕЛЕПИН:

– Вы были русским писателем, а он – политиканом.

В. БЕЛОВ:

– Он был вице-президентом или министром, уже не помню.

Р. НЕЛЕПИН:

– Да это всё шушера! Сегодня он – министр, а завтра его в тюрьму сажают.

В. БЕЛОВ:

– Я чаще общался с Хасбулатовым, он дал мне квартиру как депутату, я же был членом Верховного Совета.

Но я вышел из Совета, когда начали штурмовать здание Союза писателей России на улице Комсомольский проспект, дом 13, в Москве. Это тоже отдельная история, о ней книгу можно написать. Но я не буду такую книгу писать, пусть её, такую книгу, напишет Юрий Васильевич Бондарев.

Я тогда много написал разных статей против демократов, потому что был не согласен с их действиями.

Однажды я пришёл к Хасбулатову, а он сидит пьяный в кабинете. У меня сразу всякое уважение к этой власти исчезло. Он сидит, трубкой дымит, пьёт, меня принимает. Ты хотя бы откажись тогда, не принимай никого – сиди и пьянствуй. Нет, находится в рабочем кабинете, пьёт. Вот такая власть! А его хотели сделать президентом Чечни. 17/.

– Танки давили людей и расстреливали. И я ходил среди костров, разведённых на площади. Под дождём мокли наши патриоты. Я даже опасности подвергался, чтобы пройти там! Это было на самом деле опасно. Я пробирался как партизан.

– Если Вы прочтёте мою пьесу, я там всё описал, как было.

Р. НЕЛЕПИН:

– Я где-то читал, мне очень понравилась пьеса.

В. БЕЛОВ:

– Пьеса поставлена во МХАТе.

Р. НЕЛЕПИН:

– Тем более, что поставила её Доронина.

В. БЕЛОВ:

– Нет, не Доронина поставила. Она сняла пьесу с репертуара.

Р. НЕЛЕПИН:

– Сняла?

В. БЕЛОВ:

– Да! Если бы не Доронина, то пьеса, может, и сейчас бы шла.

Р. НЕЛЕПИН:

– Ишь, ты! А чего это она?

В. БЕЛОВ:

– Мало художественности в постановке. Девчонкой она была актрисой талантливой, в Ленинграде здесь. Но теперь она немного изменилась. Ну, может, я и зря говорю...

Р. НЕЛЕПИН:

– Жаль!

О ПИСАТЕЛЕ Михаиле МЕНЬШИКОВЕ И РУССКОМ КАЗАЧЕСТВЕ

Р. НЕЛЕПИН:

– Ещё на кафедре у нас работает Григорий Григорьевич Меньшиков. Знаете, кто он такой? Он – внук, прямой потомок писателя Михаила Меньшикова. Его художник Илья Глазунов запечатлел на своей знаменитой картине «Вечная Россия». Громадное такое полотно! Там на полотне – русские святые, там – русские писатели, там – русские князья и цари, и Меньшиков там, он – дед нашего Меньшикова, а отец его всю жизнь скрывался, его давили. 18/.

В. БЕЛОВ:

– Ведь у Меньшикова было много детей, следовательно, должны быть внуки. Мне просто интересно, есть ли ещё кто, кроме Григория Григорьевича у Вас на кафедре?

Р. НЕЛЕПИН:

– Судьбы остальных Меньшиковых я не знаю, может быть, и ещё есть внуки.

В. БЕЛОВ:

– Вы выясните!

Р. НЕЛЕПИН:

– Выясню, я как раз сейчас пишу историю факультета, туда занесу. Я спрошу у Григория Григорьевича, он – мой близкий друг, он всё расскажет. Но наш Меньшиков появился на свет уже после смерти деда, по линии бабушки есть у него и немецкая кровь, очень порядочный человек.

Ну, а сам Михаил Осипович Меньшиков – личность яркая, он был капитаном морского флота, после вышел в отставку и посвятил себя писательству. 19/.

Если бы его прекрасную публицистику «Письма к ближним» взять и издать, то тома заняли бы вот эти две стены. Он в каждом номере газеты «Новое время», которую редактировал Суворин, помещал обширную статью из цикла «Письма к ближним».

В каждом номере!

Его жестоко расстреляли на берегу Валдайского озера, расстреляли на глазах у семьи, расстреляли за эти «Письма к ближним». 20/.

В. БЕЛОВ:

– Да, мерзавцы! Вот кто-нибудь написал бы о, так называемом, «русском фашизме». Вот где фашизм! Почему же никто не напишет?

Р. НЕЛЕПИН:

– Ну, как никто не напишет? Вот я написал историю русского казачества. Там я всё чистоганом выдал. Мне позволили казаки: «Рональд Аполлонович, исполняется годовщина указа Свердлова о поголовном уничтожении казачества, выступите, пожалуйста, у нас на телевидении». Я им отвечаю: «Что вы? По какому телевидению? Я и близко не подойду!». А они мне говорят: «У нас хороший редактор».

В. БЕЛОВ:

– Надо требовать только «прямой эфир»!

Р. НЕЛЕПИН:

– Да, только «прямой»! «Да! – я им говорю, – присылайте вашего редактора!». Приезжает ко мне домой целая бригада. Я смотрю: главный-то у них – полукровка, это я по лицу так определил. Ну, я им врезал правду-матку, назвал тех, кто уничтожал русских казаков: Свердлов Соломон Янович, Лейба Бронштейн-Троцкий и прочие евреи. А кто выполнял их «указ»? Тухачевский, Якир, Уборевич и так далее.

– И вот, накануне передачи, казаки звонят: «Смотрите, сейчас вы будете на экране». И я смотрю: всё самое главное – оставили. Молодец редактор!

– Тут начались звонки со всех казачьих землячеств. Поздравляют, благодарят! А в это время редактора вызвали и сказали: «Немедленно убрать передачу, больше чтоб близко не подпускали этого автора». Вот так! Но я сказал всё, что хотел.

В. БЕЛОВ:

– Ну, это редкий случай! Вот на что уж смелый был человек Владимир Солоухин! Но иногда даже было жалко его, когда приглашали на телевидение только для декорации. Любая его реплика имела значение. Я уже не говорю о прозе, но у него были и великолепные стихи. И вот, если бы он

прочитал с экрана хотя бы даже одно стихотворение, это было бы потрясающе.

– Но всё дело в том, что ему даже не позволяли пикнуть! Если он говорил что-нибудь, тут же выбегал его противник, и выступления у Солоухина не получалось.

Р. НЕЛЕПИН:

– А у меня прошло! Это было Ленинградское областное телевидение.

В. БЕЛОВ:

– А, понятно! Если бы Вы выступали на Всероссийском канале, то хуже было бы, думаю, ничего бы не прошло про казаков. Потому и допустили, что областное. У нас даже в Вологде существуют казаки.

Р. НЕЛЕПИН:

– Это, я считаю, стихийное народное движение, народ ищет самозащиты, вот и обратился к этой старинной форме охранения себя и государства – казачеству.

СКОЛЬКО БЕЛОВЫХ В «ИНТЕРНЕТЕ»

Р. НЕЛЕПИН:

– На Садовой улице в Петербурге я нашёл даму, которая издала Ваши рассказы. Она не присылала Вам книгу?

В. БЕЛОВ:

– Где? Не знаю! Книгу мне не присылала. Я хотел вернуть её деньги. Я думал: откуда пришли деньги? И хотел их вернуть. А когда появился Ваш адрес, и я написал, всё прояснилось. Я очень обрадован, что не надо возвращать.

Р. НЕЛЕПИН:

– Конечно, конечно! Зачем возвращать, это же Ваш гонорар, самый законный.

В. БЕЛОВ:

– Нет, у меня были случаи, когда приходилось возвращать обязательно. Я возвращал деньги несколько раз. Однажды по ошибке пришли гонорары какие-то, и я их, конечно, возвратил. В одном случае был однофамилец, то есть существует ещё писатель Белов. А Вы знаете, сколько в «Интернете» Беловых?

Р. НЕЛЕПИН:

– Нет, не знаю!

В. БЕЛОВ:

– Поинтересуйтесь!

Р. НЕЛЕПИН:

– У меня есть знакомый поэт Белов, он здешний, его зовут Анатолий Григорьевич, он выходец из крестьян, с Валдая. Неплохой парень. 21/.

В. БЕЛОВ:

– У меня есть знакомый думский деятель Владимир Исаков, он юрист, одно время выступал в газете «Советская Россия». После он возглавлял юридический отдел всей Думы. Большое начальство! Мы живём в одном доме, иногда он возит меня в машине, пропуск мне в Думу оформил. Однажды мы пришли к нему с Валентином Григорьевичем Распутиным, и давай интересоваться новостями всякими. А у него, вот как у Толи здесь техники всякой, чего только нет. Нас заинтересовал «Интернет». Исаков показал нам разные сайты, показал и свой сайт, который он сам сделал.

Я впервые это увидел, и начал уважать «Интернет». И мы с Валентином Григорьевичем стали сами про себя искать в

«Интернете» всякую информацию. Там, знаете, сколько Беловых? Там их – Бог знает сколько! Десятки! И все – писатели, и все – Василии Ивановичи!

Р. НЕЛЕПИН:

– Вот я и говорю: сдавайте рукописи в архив, а то потом чужие будут пользоваться Вашими рукописями.

В. БЕЛОВ:

– Мне наплевать! Не жалко – пусть пользуются.

Р. НЕЛЕПИН:

– Я могу Вас познакомить с этой русской патриоткой, которая издала вашу книгу, прекрасной женщиной. Она вызовет «КАМАЗ», и все Ваши рукописи заберёт.

В. БЕЛОВ:

– Вот когда я уйду к праотцам, тогда и забирайте всё, что хотите. А пока не хочу я заниматься этим делом. Ну, во всяком случае, после нашего разговора я не буду сжигать бумаги. Я хочу освободиться от лишних бумаг. Вот почему-то хочется освободиться от них, извините меня!

Р. НЕЛЕПИН:

– Не знаю! Напрасно! Вы же знаете: самое ценное это то, что написано рукой автора. Потом – редактор там, опечатки всякие. А то, что написано рукой автора, – достоверное свидетельство о нём.

В. БЕЛОВ:

– Но ощущение того, что это меня гнетёт, всё равно остаётся. Это Вы совет даёте, а как я от ощущения освобожусь?

Р. НЕЛЕПИН:

– Надо освободиться! Сказать себе: «Меня это не гнетёт, это сделано...».

В. БЕЛОВ:

– Хорошо! Но это будет насильно!

Р. НЕЛЕПИН:

– Почему насильно?

В. БЕЛОВ:

– Естественное нормальное моё состояние освободиться от лишних бумаг, как освобождается курильщик от своей привычки, от коробки сигарет в кармане.

Р. НЕЛЕПИН:

– Знаете, что! У вас много места на чердаке деревенского дома, много места на втором этаже. Складывайте в одну комнату и пусть лежит.

В. БЕЛОВ:

– Но ведь так оно и есть, более или менее ценные вещи я ведь не сжигаю.

Р. НЕЛЕПИН:

– Нельзя сжигать ничего. Вспомогательные материалы – да, наверное, можно, я согласен. Вот Лермонтов в своё время не сжёг ничего!

В. БЕЛОВ:

– Лермонтов – великий человек!

Р. НЕЛЕПИН:

– Он при жизни напечатал 30 стихотворений, а сейчас печатают их 300 вариантов. Михаил Юрьевич возмутился бы, если бы увидел, что сейчас печатают юношеский бред.

В. БЕЛОВ:

– То же самое с Яшиным – это мой наставник. Александр Яковлевич любил меня, и я его любил, надеюсь. Он меня

как раз и подвиг на такое поведение: сжигать лишние бумаги. Вы знаете, сколько опубликовала вдова после смерти Яшина такого, что мне стыдно сейчас за Яшина!

Р. НЕЛЕПИН:

– Понимаю, да! Это глупый ход.

В. БЕЛОВ:

– Вот и я не хочу, чтоб повторились такие вещи, как с Александром Яковлевичем.

Р. НЕЛЕПИН:

– Это правильно, конечно! Но те вещи, которые у Вас уже вошли в классику, которые опубликованы неоднократно, рукописи этих вещей обязательно надо сохранить. А то эти десятки Беловых, которых Вы нашли в «Интернете», начнут себе присваивать Ваше творчество.

ГОГОЛЬ, РУКОПИСИ, ТЩЕСЛАВИЕ

В. БЕЛОВ:

– Вы вспомните, что говорил Гоголь по поводу рукописей? Мы уже вели разговор об этом!

Р. НЕЛЕПИН:

– Гоголь говорил, что рукопись надо переписывать 7 раз!

В. БЕЛОВ:

– Не 7 раз, а 9 раз переписывать!

Р. НЕЛЕПИН:

– Лев Толстой переписывал «Хаджи-Мурата» двадцать раз своей рукой!

В. БЕЛОВ:

– Ну, вот! Но он же не хранил всё!

Р. НЕЛЕПИН:

– Не хранил, да. Но последний вариант остался.

В. БЕЛОВ:

– Вот и я последний вариант обязательно сохраняю. Я ничего не сжёг. Ну, так в чём мой грех?

Р. НЕЛЕПИН:

– Там за Вами в «Интернете» сколько стоит Василиев Беловых? Они начнут себе присваивать. Я вот начал писать трилогию «Хроника русских судеб». Где там и кто этот Белов, который в Вологде жил? А Ваши рукописи и будут доказательством того, где Вы жили и что творили.

В. БЕЛОВ:

– Господь разберётся!

Р. НЕЛЕПИН:

– Ну, вот Господь разобрался с Шолоховым, а сколько крови Шолохову попортили.

В. БЕЛОВ:

– Но в конечном итоге Господь разобрался!

Р. НЕЛЕПИН:

– Разобрался, да! Шолохов умно сделал, что свою рукопись не сжёг, а отдал в надёжные руки.

В. БЕЛОВ:

– Да, я согласен с этим. Если бы он трясся всю жизнь над каждой своей страницей, он бы не написал ничего вообще.

Р. НЕЛЕПИН:

– Я посмотрел в нашей Публичной государственной библиотеке в Петербурге каталог на имя Белова Василия Ивановича. Там есть картотека: написано десять кандидатских и несколько монографий.

В. БЕЛОВ:

– Неужели? Вот, пожалуйста, результат тщеславия! Возникает оно уже и у меня.

Р. НЕЛЕПИН:

– Дайте им эти Ваши рукописи, они ещё напишут на столет вперёд. Там только одна хорошая монография – у Юрия Селезнёва, она по-настоящему написана, а остальное всё... Пишут, чтобы степень получить, это всё шушера.

В. БЕЛОВ:

– Юрия Селезнёва жалко...

В беседу вступил Анатолий Пантелеев. Он принёс и стал показывать Белову и Нелепину фотографии 1993 года, на которых запечатлены защитники «Белого Дома». На некоторых фото сняты надписи на стенах здания парламента. Одна из них звучит так: «Мама, прости за то, что меня убили, что я любил...».

Р. НЕЛЕПИН:

– Лучше и не скажешь! Это как дневник Тани Савичевой в блокаде. 22/. Эта фраза, её следует даже назвать «крылатой фразой», может служить основой и романа, и всего на свете.

В. БЕЛОВ:

– Толя молодец! Каждая такая фотография – на вес золота!

Р. НЕЛЕПИН:

– Это уникальные фотографии!

В. БЕЛОВ:

– Толя, сделай мне копии.

А. ПАНТЕЛЕЕВ:

– Вы всё это возьмёте с собой, Василий Иванович. У меня же негативы есть, я ещё напечатаю.

Р. НЕЛЕПИН:

– Да зачем Василию Ивановичу столько!?! Пусть отберёт что-то. Вот тут ещё интересная надпись, которая была на стене и попала в кадр: «Ельцин – враг советского народа». Это бессмертные снимки, они останутся навечно.

А. ПАНТЕЛЕЕВ:

– Вы знаете, когда Валерий Александрович Гаврилин листал этот альбом (а он был здесь у меня), то сказал: «Толя, надо это издавать! Если не найдёшь денег, то мы все скинемся тебе по тысяче, и издадим!».

В. БЕЛОВ:

– Вот видите, Валерий Александрович Гаврилин думал так же, как и мы с Вами теперь думаем. Судьба Гаврилина была глубоко трагичной, и не только потому, что отца убили на войне, мать посадили в тюрьму, а он был сиротой.

Р. НЕЛЕПИН:

– У меня отец тоже попал в тюрьму, его обвинили в том, что он работал с Косаревым, Вы его упоминаете в романе. 23/. У меня отец при Косареве был начальником отдела. Когда Сталин посадил «ленинскую гвардию» в тюрьму, он почувствовал себя в одиночестве и вызвал с Кавказа Орджоникидзе, Берию и других кавказцев. Вот Берия и навёл навет на Косарева. У Косарева была жена азербайджан-

ка, она узнала Берия, он был когда-то в царской охранке, это я позже выяснил. И Берия побоялся, что жена Косарева заложит его Сталину. И он на следующий день приказал арестовать Косарева. И вскоре, после формального суда, его расстреляли. Тогда сразу загребли всех комсомольцев, которые в ЦК работали.

В. БЕЛОВ:

– Ужас-то какой! В том числе и моего тестя. Он был секретарём райкома комсомола в Грязовце. Но в то время, когда его арестовали, он работал в другом месте, в Саранске. И он мне рассказывал, что лично встречался с Косаревым.

Р. НЕЛЕПИН:

– В том числе и моего отца, его отправили в Восточную Сибирь.

В. БЕЛОВ:

– Слушайте, Рональд Аполлонович, эту историю мне надо записать!

Р. НЕЛЕПИН:

– Вот где людей выкручивали! Отец был – кости, обтянутые кожей. Но он, в отличие от Ивана Денисовича, не писал челобитные, чувствовал себя оскорблённым не физически, а морально, психологически. Какая ошибка! Его за преданность Родине, партии, Сталину вдруг осудили! Без суда и следствия посадили, сослали в Сибирь. Когда началась Великая Отечественная война, его на фронт послали. Он воевал. И он вернулся с войны с медалями и наградами. Но травма у него в душе осталась до конца жизни.

В. БЕЛОВ:

– Да, эту историю мне надо записать!
2000 - 2018 гг.

В ДОМЕ «РУССКОЙ ДРАМЫ»

О постановках пьес Василия Белова

I

Невский проспект!

Незабвенный, неповторимый, старинный, но и неизменно молодой. Всякий русский, где бы он ни жил, желает хоть раз приехать сюда и вступить на достославные мостовые. С чем его сравнить? Будто говорливая река, он шумит, бурлит, не смолкая даже в час, когда причудливые здания укутывают влажные сумерки. Или, может, Невский проспект, похож на огромную аорту, что живительно питает неоглядный Петербург кипучей энергетикой?

Так или нет – не знаю.

Сложно найти однозначный образ центральной магистрали города. Она ровной стрелой пролегла на четыре с половиной километра от Московского вокзала и почти до самого берега Невы. Мало кто помнит, что проспект младше самого Петербурга на семь лет. Его стали строить в 1710 году, после важных событий: русская армия под командо-

ванием Императора Петра I одержала великую победу под Полтавой и взяла Выборг. Теперь, полагал царь, нечего бояться шведов, они уже не рискнут близко подойти к Неве, а значит, пора переносить сюда столицу из Москвы.

А какая же новая столица без просторного проспекта!

Удивительно, но наиболее значимые «доминанты» северной столицы встали вдоль Невского проспекта, на малом от него расстоянии по обе стороны – знаменитый Исаакиевский Собор, арка Генерального штаба, Зимний Дворец, великолепное здание Русского Музея, колокольня Гостинного Двора, Публичная библиотека...

Можно и ещё назвать достопримечательности.

Выйдя из подземного перехода и свернув направо, вы как бы отдаляетесь от сутолоки Невского проспекта и попадаете в эпоху Императрицы Екатерины II, чей величественный памятник вознесён в центре площади Островского. Фигура правительницы и её знаменитых сподвижников – фельдмаршала Петра Румянцева, графа Григория Потёмкина, великого полководца Александра Суворова, поэта Гавриила Державина и других славных сынов Отечества не могут оставить равнодушным никого. Невольно задерживаешь шаг, любуясь композицией, созданной гением художника Михаила Микешина, скульпторов Матвея Чижова и Александра Опекушина.

Наверняка тут не раз останавливался и Василий Иванович Белов, когда шёл в Академический театр драмы им. А.С. Пушкина (Александринский), где актёры репетировали постановку очередной его пьесы.

Да, именно с замечательным театром, первым русским театром, учреждённым Императрицей Елизаветой Петровной 30 августа 1756 года, связаны счастливые и радостные переживания Василия Белова-драматурга. В то же время сотрудничество накладывало огромную ответственность на автора. Ведь в «Доме русской драмы», как часто называли Александринский театр, ставили великие сочинения Александра Грибоедова, Александра Пушкина,

Николая Гоголя, Михаила Лермонтова, Ивана Тургенева, Александра Островского, Льва Толстого, Антона Чехова. Первым художественным руководителем стал «отец русского театра» Фёдор Волков, а директором – известный драматург и поэт, литературный критик Александр Сумароков. 24/.

На сцене «Александринки» на протяжении двух с половиной столетий выступали самые знаменитые русские актёры и выдающиеся создатели спектаклей, перечисление их имён заняло бы много места в книге.

Словом, открывая тяжёлые входные двери сюда, Василий Иванович вступал в самый знаменитый храм русского театрального искусства.

Уместно сказать о его увлечении драматургией. Некоторые критики и читатели считали, что талантливому прозаику не следовало браться за неё. Василий Иванович критически воспринимал мнения, желая испытать себя, открывая иные возможности для самовыражения, чем в предыдущем творчестве. Да, драматургия более сложный жанр по сравнению с повестью или романом, автор соприкасается с изобразительностью слова на сцене, что требует особого подхода.

Белова отличал «жанровый универсализм». Он всегда искал себя в стихе, поэме, очерке, фельетоне, рассказе, повести, романе, публицистике, сценарии. Василий Иванович укреплял традицию лучших служителей русской словесности – Михаила Ломоносова, Александра Пушкина, Михаила Лермонтова, Николая Гоголя, Ивана Бунина, которые не ограничивали своё творчество одним жанром.

«Как считает А. Брагин, рождению Белова-драматурга содействовала дружба с В.М. Шукшиным, – отмечал исследователь беловского творчества. – Он решил попробовать себя в кинодраматургии, написав комедийную киноповесть «Целуются зори»... А в 1973 году он пишет пьесу «Над светлой водой», ярко освежая в ней злободневную тему «бесперспективных деревень». 25/.

– Я хорошо помню, как вологжане шли с некоторым недоверием в театр на первый спектакль «Над светлой водой», – вспоминала жена писателя Ольга Сергеевна. – Ведь до этого здесь ставили Чехова, Гоголя, произведения советских драматургов, таких, как Шатров, Володин, а тут постановка по пьесе земляка. Но после просмотра все были взволнованы и приятно удивлены. Затем уже появились спектакли на сценах театров Москвы, Санкт-Петербурга...

А ещё раньше, до Вологды, пьесу показал с успехом «Народный театр» в Череповце, она шла на сцене областного театра в Пскове. Ну, а в родном городе спектакль выдержал около двухсот постановок.

Это, без преувеличения, огромный успех.

Уверен, приход Василия Белова в драматургию был закономерным.

«Я хорошо знал Василия ещё с 1963 года, когда мы познакомились в Литинституте, – писал мне из Москвы известный поэт Анатолий Парпара. – Он любил «Историческую газету» и с удовольствием печатал в ней горькие статьи об измученной Родине. И даже защищал газету. Вот одно из подобных свидетельств я взял из его мемуаров: «Михаил Александрович Ульянов, подобно Любимову, пробовал инсценировать мою прозу, но это меня покорило ещё больше, чем на Таганке. Инсценировка Ульянова оказалась беспомощной. Вместо того, чтобы помочь Ульянову что-то сделать, я предложил ему пьесу. Думал, получится так, как с Малым театром. Получилось нечто противоположное.

Ульянов не пожелал со мною сотрудничать... Но я отнюдь не поэтому считаю его неискренним. Прочитайте его интервью о Шукшине в «Российской исторической газете» (№ 7, 1999). Надо знать, во-первых, что эту газетку срочно придумали в противовес настоящей исторической, которую редактирует Анатолий Парпара. (Испугались либерал-демократы и сварганили свою «историческую»).

Вот в этом желтоватом листке и напечатал свои противоречивые, во многом лживые измышления, Михаил Ульянов. По случаю 70-летия Шукшина газетка, конечно, начала не с Шукшина, а со слащавого панегирика Андрею Тарковскому.

«Надо меньше чувствовать и больше думать», – крупным шрифтом сообщает газетка слова «киногения».

Но ещё занятнее рассуждает о «чувствах» Михаил Ульянов: «Он неразговорчивый человек, – вещает мэтр о В.М. Шукшине. – Перекинулись... и расстались. В тот раз отношения не завязались».

На этом бы Михаилу Александровичу и остановиться, потому что отношения не завязались и дальше, а он врёт: «То было как озарение! Читая Шукшина, я находил для себя...». И т.д. Сплошь лицемерие. «Шукшин стал мне жизненно необходим. Я загорелся поставить его пьесу-сказку...». 26/.

Как видим, Василий Иванович вполне ориентировался в «закулисах» театрального мира, имел представление об актёрах и режиссёрах.

В разные годы он создал пять пьес: «Над светлой водой» (1973), «Сцены из районной жизни» (1977), «Бессмертный Кощей» (1981), «Александр Невский» (1988), «Семейные праздники» (1994).

К слову, в основу «Семейных праздников» легли трагические события 1993 года в Москве, их опубликовал журнал «Москва», рискнул пойти на такой шаг главный редактор Леонид Бородин. «Это была единственная пьеса, напечатанная в нашем «толстом» литературном журнале за последние двадцать лет, – вспоминала сотрудница редакции, профессор филологии Капитолина Кокшенева. – Трудно было не сделать для Белова исключения. Ведь он и сам, стоявший на баррикадах и упрашивающий милицию «пропустить народ к их депутатам», переживал это время с отчаянно горестным сердцем. Везде и всюду перестали уважать государство, в котором он жил, получал образо-

вание, рос и креп как писатель. В пункте – уничтожения государственности как таковой – тогда многие не сходились друг с другом.

Василий Белов – крестьянский сын, видел в государстве не только советский хребет, но и большое историческое дело русского народа, способного к культуре государственного имперского строительства. Дело, укоренённое в веках». 27/.

II

Постановки пьес на сцене, а их было пять, имели каждая свою историю, начало и конец, трудности и радости, зрительские симпатии или отчуждение.

Мы коснёмся лишь тех, что состоялись на берегах Невы.

Тесное сотрудничество драматурга с Академическим театром драмы им. А.С. Пушкина возникло после знакомства с художественным руководителем и главным режиссёром И. О. Горбачёвым. 28/.

Игорь Олегович – талантливый актёр, прошёл «школу» Большого драматического театра имени М.Горького, сыграл десятки разных ролей в спектаклях, а также и в кино. Его не просто ценили и уважали в театре, но, что самое главное, искренне любили.

– Писатель Василий Белов и признанный в театральном мире режиссёр Игорь Горбачёв быстро обрели общий язык, что называется, сошлись, – рассказывала Светлана Спирина, главный специалист литературного отдела Пушкинского театра. – У них было общее понимание народной судьбы, проблем русского крестьянства, да и всего общества. Итогом их дружбы и явилась постановка у нас в театре пьесы Василия Белова «Над светлой водой». Её премьера прошла на сцене Дворца культуры «Невский» 23 июня 1979 года, а после – и на главной сцене театра.

Постановку осуществил режиссёр В.В. Кириллов, а главную роль в пьесе – Фёдора – сыграл артист А.В. Соколов, лауреат Государственной премии СССР, народный артист РСФСР. В фонотеке театра мы сохранили записи репетиций, сам спектакль, фотографии отдельных эпизодов. В нашем театре это была одна из лучших постановок второй половины XX века.

Опыт удался. Однако к сотрудничеству с Александринским театром Василий Белов вернулся только через десять с лишним лет. В 1988 году он закончил большую пьесу «Александр Невский» на историческую тему, где в центре стояла фигура князя Александра Ярославовича, нашего национального героя, прославленного в лике святых Русской православной церковью. Автор предлагал новую драму в разные театры Москвы, в том числе в Центральный Академический театр Советской Армии, но её не взяли для постановки по разным причинам.

И тогда он, опираясь на прежнее знакомство, обратился к Игорю Олеговичу Горбачёву.

Пьесу прочитали в театре. Художественный совет рекомендовал её к постановке.

Начали подбирать актёров на главные и второстепенные роли, стали репетировать отдельные сцены, делать сценические реквизиты. За воплощение пьесы на сцене взялся известный в театре режиссёр В. А. Голуб, заслуженный деятель искусств РСФСР. Это была его третья постановка в «Александринке». До прихода сюда Владимир Александрович возглавлял Брянский Государственный театр драмы имени А.К. Толстого, позже работал главным режиссёром областного драматического театра в Ульяновске.

Перед режиссёром-постановщиком стояла трудная задача.

В пьесе автор представил широкий обзор событий эпохи, в которую жил и правил Александр Невский. Наряду с главным героем, которого сыграл замечательный актёр, заслуженный артист РСФСР Николай Буров, в сценах действовали мать, жена и братья – князь суздальский Андрей,

князь Тверской Ярослав, князь Московский Михаил, а также – сподвижники Александра: князь Белозерский Глеб, князь Рязанский Олег; служители Церкви – Владыко Кирилл, епископ Спиридон. Были ещё и бояре, посадники, волхвы, служки...

Столь же представительной оказалась и «другая сторона» – татаро-монгольская: хан Батый, хан Берке, татарские полководцы Бурундай, Субэдэ, послы и гонцы ханов.

Число героев и персонажей насчитывало более сорока.

Трудность для Владимира Голуба состояла в том, чтобы объединить всех героев в один «живой организм», связать со зрителем и заразить авторским пафосом.

И ему это удалось!

Премьера спектакля состоялась 12 декабря 1990 года и имела успех у зрителей.

Тема и содержание постановки перекликались с наступающей знаменательной датой – 750-летием великих побед князя Александра на Неве (1240 г.), в Копорье (1241 г.) и на Чудском озере (1242 г.).

По просьбе главного редактора тогдашней петербургской газеты «Невский проспект» Михаила Белоусова я встретился с Василием Ивановичем вскоре после премьеры и попросил поделиться впечатлениями.

Привожу интервью. 29/.

– Александр Невский вдохновил Вас. «Нет князя, равного ему», судил об Александре Ярославовиче хан Батый, оценивая русские умы. Но до сих пор и школьник, и маршал Советского Союза видят в нём только военного, то есть полководца. А кто для Вас Александр Невский?

– Александр Невский – одна из самых героических и в то же время одна из самых трагических фигур в летописи России. Его трагедия и интересовала меня. И, конечно, эпоха, когда жил и действовал великий князь. Ведь тогдашнее положение Отечества в чём-то созвучно сегодняшнему его состоянию, очень много похожего.

Напомню ситуацию. Европа предательски вела себя по

отношению к Руси, с Севера и Запада теснили рыцари, с Юга – татары. В таких условиях не то, что одержать победу над врагом, но и просто выстоять было подвигом.

А князь Александр победил!

Новгородцы же то выгоняли князя «с престола», то звали назад. Не всегда гладко складывались у Александра Ярославовича отношения с родным братом Андреем и даже с собственным сыном Василием. А он всё прощал им, чего бы ни делали. Великодушно и милосердно прощал, словом, по-русски. Ибо князь был глубоко верующим человеком, до нас дошёл его девиз, ставший крылатой фразой: «Не в силе Бог, а в правде!».

– *Только ли факты и события Истории положены в основу Вашей пьесы «Александр Невский», или есть ещё и авторская фантазия?*

– Я хотел пьесой привлечь внимание людей, пробудить их интерес не только к судьбе и деяниям великого князя Александра Невского, но ещё в большей мере – к славной истории нашего Отечества. Мы её знаем, увы, плохо. Поэтому отступать от реальных фактов и событий мне было нельзя. Это не значит, что, осмысливая материал, я находился в каких-то строгих рамках, не мог себе позволить что-то пофантазировать, что-то домыслить. Скажем, освобождение князем Александром Пскова от западных рыцарей, победа князя над ливонскими рыцарями в Копорье и Ледовое побоище на Чудском озере по времени разнятся, правда, незначительно, а у меня эти события сближены.

Это, пожалуй, единственная «поправка» к Истории.

Но не скажу, что я слепо следовал за тем или иным документальным источником.

Я, например, не очень доволен историком Сергеем Соловьёвым, потому что он пытался, на мой взгляд, несправедливо приписать Александру Невскому, якобы, альянс с татарами. Сопоставляя разные источники и свидетельства, я пришёл к другому выводу.

Поэтому могу сказать, что одна из целей моей пьесы –

восстановление исторической справедливости, правдивое воссоздание далёкой эпохи.

– Василий Иванович, как прошла пьеса в старейшем русском театре у Невского проспекта? Вы остались довольны постановкой?

– У меня подписан договор с Пушкинским театром. Но путь пьесы на сцену был трудным и долгим. Я даже подумывал отдать её в какой-нибудь московский театр. Но там всё оказалось ещё сложнее. В Ленинграде всё-таки взялись за постановку. Правда, как автор я почти не участвовал в этой работе, редко бывал на репетициях, хотя и бывал.

В инсценировке пьесы появились некоторые сокращения.

Музыку к спектаклю я ждал от Валерия Гаврилина, но, к сожалению, не дождался.

Всё равно спектакль мне понравился!

И Александр Невский – особенно!

Не всё, конечно, удалось высказать.

Но я хочу продолжить эту тему.

1991 - 2018 гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава IV

1. РЕШЕТОВ Александр. «ПОД СОЛНЦЕМ», стихи. М., «Правда» (Библиотека «Огонёк»), 1958.

2. БЕЛОВ Василий. «ВЕЧЕР», стихотворение. Ленинград, ж-л «Звезда», № 5, 1956.

3. ЯМЩИКОВ Савва. «ФОТОПИСЕЦ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ», в книге А.В.ПАНТЕЛЕЕВА «РУССКИЙ АЛЬБОМ», г. Иркутск, «Издатель Сапронов», 2010.

4. ЕРШОВ Леонид Фёдорович (1924-1988) – известный критик и литературовед, заведующий кафедрой советской литературы в Ленинградском государственном университете, воевал на фронтах Великой Отечественной войны, многие годы дружил с В.И. Беловым.

5. КОНЯЕВ Николай Михайлович (1949-2018) – современный русский писатель, Председатель Православного общества писателей Санкт-Петербурга, член Правления Союза писателей России, автор многочисленных рассказов, повестей, романов, исторических исследований о Святой Руси.

Был награждён различными литературными наградами, в том числе – лауреат Большой литературной премии России, литературных премий имени Василия Шукшина, Андрея Платонова, благоверного князя Александра Невского.

Дружил с Василием Ивановичем Беловым, много раз бывал в Вологде.

6. САЗОНОВ Геннадий. «ПУТНИК НА КРАЮ ПОЛЯ». С-Петербург, Интернет-сайт «Русская народная линия», 24.09.2018.

7. «НА СОПКАХ МАНЬЧЖУРИИ» – русский вальс начала XX века, посвящённый погибшим в русско-японской войне (1904-1905) воинам 214-го резервного Мокшанского полка. Автор вальса – военный капельмейстер Илья Алексеевич Шатров. Первый вариант вальса он написал летом 1906 года в г. Златоусте, куда полк вернулся с войны. Первый вариант текста к вальсу написал самарский поэт и писатель Степан Петров (Скиталец).

8. НЕЛЕПИН Рональд Аполлонович (1928-2008) – советский и

российский военный инженер-механик, учёный в области систем управления и прикладной математики. Доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки и техники РСФСР; член Союза писателей России, секретарь Правления Союза писателей России, член Союза художников России, капитан I ранга.

Родился 20 мая 1928 года в Москве, родители – отец Аполлон Ильич и мать Антонина Николаевна переехали в Москву из г. Петропавловска Казахской АССР после избрания отца в ЦК ВЛКСМ.

В 1951 году окончил с золотой медалью Высшее военно-морское инженерное училище имени Ф.Э. Дзержинского по специальности «инженер-механик корабельной службы». С 1951 по 1954 годы служил офицером на эсминце «Проворный» Балтийского флота.

Вёл огромную научную деятельность, являлся автором 12 изобретений.

Широко известен Р.А. Нелепин как писатель, поэт и художник. Его двухтомный труд «История казачества» был отмечен литературной премией имени Н.М.Карамзина.

Р.А. Нелепин – автор 10 поэтических книг, им написаны поэмы «Александр Суворов» (2006 г.) и «Георгий Жуков» (2007 г.), отмечен Всероссийской премией в честь 200-летия со дня рождения А.С. Пушкина.

Он написал более 200 пейзажей маслом, которые находятся в коллекциях в России, Германии, Франции, Нидерландов; лауреат Всероссийской художественной выставки «50 лет Победы», избран академиком живописи Петровской Академии наук и искусств (2000 г.).

9. КАТАЕВ Валентин Петрович (1897-1986) – русский советский писатель, поэт, драматург, журналист, Герой Социалистического Труда (1974 г.). Широко известны его повести для детей: «Сын полка», «Белеет парус одинокий», «Хуторок в степи». У взрослых читателей приобрели популярность произведения В.П. Катаева «Святой колодец», «Трава забвения», роман «Алмазный мой венец».

10. КОММЕНТАРИЙ АВТОРА. Василий Иванович Белов не прав, определяя название произведения В.П. Катаева. В беседе Р.А. Нелепин вёл речь о повести Катаева «Уже написан Вертер», её опубликовал журнал «Новый мир» (№6, 1980 г.). Повесть вызвала большой скандал. В этом произведении писатель, которому тогда было уже 83 года, впервые открыл тайну своего участия в Белом движении во время Гражданской войны в России, рассказал о своём аресте и о незаконных чекистов в Одессе.

2 сентября 1980 года председатель Комитета Государственной Безопасности СССР Ю. Андропов направил в ЦК КПСС записку, оценив повесть В. Катаева как политически вредное произведение, которое в «неверном свете представляет роль ВЧК как инструмента партии в борьбе с контрреволюцией».

Результатом стал запрет на упоминание повести «Уже написан Вертер» в печати.

11. «РУССКАЯ ПРОВИНЦИЯ» – литературно-художественный и историко-краеведческий иллюстрированный журнал, выходил с 1991 по 2002 годы в Твери, периодичностью 4 раза в год. Журнал был создан писателями из Твери, Великого Новгорода и Пскова, в редколлегию входили известные литераторы: Д.М. Балашов (Великий Новгород), А.А. Бологов и В.Я. Курбатов (Псков), Н.Н. Гринёв и Б.С. Романов (Великий Новгород), писатели и литературные критики из Твери Ю.А. Козлов, В.Я. Кириллов, В.В. Кузьмин.

Среди авторов журнала были известные писатели Василий Белов, Дмитрий Балашов, Юрий Красавин, Глеб Горышин, Валентин Курбатов.

12. ПЕТРОВ Михаил Григорьевич (1938-2015) – известный журналист и писатель, главный редактор и издатель журнала «РУССКАЯ ПРОВИНЦИЯ» (1991-2002).

Родился в селе Чередово Омской области. Окончил Литературный институт им. А.М.Горького.

С 1967 года жил в Твери, работал в областной молодёжной газете «Смена», в тверском Театре юного зрителя.

Выпустил десять книг прозы и публицистики: «Иван Иванович» (1983), «Сны золотые» (1985), «На осеннем ветру» (1991), «Отвергнутый камень» (2003) и другие.

Лауреат премии им. Н.Островского (ЦК ВЛКСМ), Союза писателей СССР (1982).

М.Г. Перов был в числе тех, кто подписал «ПИСЬМО 74-х» (2 марта 1990 года), адресованное Президенту СССР, Верховному Совету СССР и Верховному Совету РСФСР

13. КОММЕНТАРИЙ АВТОРА. Василий Иванович имел в виду письмо, полученное им от А.И. Солженицына 3 апреля 1974 года следующего содержания:

«Дорогой Василий Иванович!

Шведская Академия присылает своего постоянного секретаря г-н Горова для вручения мне нобелевских знаков. Пользуясь тем, что эта церемония, обычно проходящая в Стокгольме, на этот раз произойдёт в Москве, я приглашаю на неё самых видных представителей художественной и научной интеллигенции,

во всяком случае тех, чьё творчество я знаю и могу оценить, из писателей – подлинных, творчески сильных.

Мне было бы очень приятно видеть на этой церемонии Вас. С искренним расположением
А. Солженицын».

Этот документ под названием «Секретное письмо Солженицына» взят из личного фонда писателя В.И. Белова и опубликован 9 ноября 2018 года на сайте «Государственный архив Вологодской области» с комментарием старшего научного сотрудника Госархива Анны Першиной. В частности, она считает, что Белов отказался идти на встречу по причине того, что Солженицын критически относился к ряду произведений Белова.

14. БОРОДИН Леонид Иванович (1938-2011) – русский писатель, главный редактор, генеральный директор известного литературного журнала «Москва» с 1992 по 2010 годы.

Родился в Иркутске. Учился в Иркутском университете, в 1956 году был исключён из комсомола и университета за участие в студенческой студии «Свободное слово».

В 1965 году вступил в Ленинграде в подпольную организацию «Всероссийский социал-христианский союз освобождения народа», который следовал трём лозунгам: христианизация политики, христианизация экономики, христианизация культуры.

В 1967 году был арестован, а в 1968 году Ленинградским областным судом осуждён на 6 лет политлагерей строгого режима по статье 70 УК РСФСР.

В заключении писал стихи, потом обратился к прозе. Произведения Л.И. Бородина печатались в самиздатовском журнале «Вече» и на Западе в журналах «Грани» и «Посев».

Выйдя на свободу, продолжал заниматься творчеством.

В мае 1982 года арестован, а затем осуждён на 10 лет политлагерей и на 5 лет послелагерной ссылки по статье 70-2 УК РСФСР («антисоветская агитация и пропаганда») за публикации своих произведений на Западе.

Был освобождён досрочно летом 1987 года.

Наиболее известные произведения Л.И. Бородина: «Повесть странного времени» (1978), «Год чуда и печали» (1981), «Ловушка для Адама» (1994), «Без выбора» (2003).

Лауреат ряда литературных премий и конкурсов.

15. БЕЛОВ Василий. «Письмо Василия Белова Александру Солженицыну», М., 2-та «Советская Россия», № 116, 30.09.1993 г.

В письме В.И. Белов описывает Солженицыну ситуацию в Москве, которая сложилась накануне государственного перево-

рота, в результате его свершения был расстрелян Белый Дом и убиты многие безоружные люди, пришедшие в центр Москвы защищать депутатов Верховного Совета.

16. РУЦКОЙ Александр Владимирович (род. 1947 г.) – российский государственный и политический деятель, заслуженный военный лётчик, Герой Советского Союза, генерал-майор. Воевал в Афганистане, совершил более 400 боевых вылетов.

Делегат XXVIII съезда КПСС.

Народный депутат РСФСР (1990-1991).

Вице-президент Российской Федерации (1991-1993), избран всенародным голосованием.

Выступал против «Беловежского соглашения» (расчленения Советского Союза), предлагал Президенту СССР М.С. Горбачёву арестовать тех, кто подписал соглашение – Ельцина, Шушкевича, Кравчука.

20 марта 1993 года вступил в конфликт с Б.Н.Ельциным, не соглашаясь с его методами управления страной.

Собрал 11 чемоданов компромата на ближайших сподвижников Ельцина, но этим документам не дали хода.

17. ХАСБУЛАТОВ Руслан Имранович (род. 1942) – советский, российский политический деятель, учёный, профессор.

Последний председатель Верховного Совета Российской Федерации (1991-1993). Являлся основным противником президента Б.Н. Ельцина во время политического кризиса в 1993 году.

18. ГЛАЗУНОВ Илья Сергеевич (1930-2017) – великий русский художник, педагог. Он написал 6 тысяч картин, спас от гибели сотни икон. И.С. Глазунов основал Российскую Академию живописи, ваяния и зодчества.

Знаменитая его картина «ВЕЧНАЯ РОССИЯ» («Сто веков»), о которой упоминает Р.А.Нелепин, была закончена в 1988 году и посвящена 1000-летию Крещения Руси.

19. МЕНЬШИКОВ Михаил Осипович (1859-1918) – известный русский писатель, публицист и политик, один из идеологов русского национального движения.

Родился в г.Новоржеве Псковской губернии. Окончил Техническое училище Морского ведомства в Кронштадте. Ходил в заграничное плавание на фрегате «Князь Пожарский». В 1892 году вышел в отставку в чине штабс-капитана и посвятил себя литературному труду.

Сотрудничал с газетой «Неделя», а затем – с православно-патриотической газетой «Новое время», которую возглавлял А.С. Суворин.

Инициатор создания Всероссийского Национального Союза (1908 г.).

Известность среди читателей завоевал цикл статей и очерков М.О. Меньшикова, объединённый названием «ПИСЬМА К БЛИЖНИМ» в газете «Новое время».

20. КОММЕНТАРИЙ АВТОРА:

Об убийстве писателя М.О. МЕНЬШИКОВА.

14 сентября 1918 года писателя М.О. Меньшикова, который проживал в то время с семьёй в г. Валдае Новгородской области, арестовали чекисты. Ни следствия, ни суда по делу арестованного не проводили.

20 сентября 1918 года писателя Михаила Осиповича Меньшикова расстреляли на берегу Валдайского озера, причём чекисты совершили кровавую расправу в присутствии жены и шестерых детей писателя.

По свидетельству жены, организаторами убийства были чекисты Якобсон, Давидсон, Гильфонд и комиссар Губа.

Через два дня газета «Известия» напечатала заметку: «Чрезвычайным полевым штабом в Валдае расстрелян известный черносотенный публицист Меньшиков. Раскрыт монархический заговор, во главе которого стоял Меньшиков. Издавалась подпольная черносотенная газета, призывающая к свержению советской власти».

Это сообщение было чистой ложью.

На самом деле, чекисты-сионисты расстреляли русского патриота за убеждения, которые он публично высказывал по вопросам самосознания русской нации, бездуховности, алкоголизма, по еврейскому вопросу и проблемам государственной политики.

В 1993 году родственники М.О. Меньшикова добились его реабилитации. В 1995 году новгородские писатели установили мемориальную доску на усадьбе, где жили Меньшиковы, со словами: «Расстрелян за убеждения».

21. БЕЛОВ Анатолий Григорьевич (1940-2014) – русский поэт.

Родился в деревне Острица Осташковского района Калининской области в большой крестьянской семье. В 1955 году уехал в Ленинград, окончив училище, работал на разных предприятиях.

Стихи писал с детства. Публиковался в журналах «Аврора», «Молодая гвардия», «Студенческий меридиан», в альманахах.

Автор поэтических книг «Новый возраст» (1976), «Попутное счастье» (1984), «Зрелая радость» (1984), «Круг поднебесный» (1998), «До зимних седин» (2002).

22. САВИЧЕВА Таня (1930-1944) – девочка-подросток, которая

вела дневник в блокадном Ленинграде, он сохранился как важнейший документ фашистской блокады великого города. На глазах Тани умерли её мать, бабушка, сёстры, брат и два дяди.

Дневник Тани Савичевой находится в «Музее истории Ленинграда» в Санкт-Петербурге.

23. КОСАРЕВ Александр Васильевич (1903-1939) – советский комсомольский, партийный и государственный деятель.

Первый секретарь ЦК ВЛКСМ (1929-1938).

В ноябре 1938 года Косарев был арестован при личном участии Л.П. Берии.

В феврале 1939 года расстрелян в Лефортовской тюрьме г. Москвы. В 1954 году Косарев был реабилитирован посмертно и восстановлен в партии.

24. СУМАРОКОВ Александр Петрович (1717-1777) – известный русский драматург, литературный критик, поэт, сатирик. Первый русский профессиональный литератор, его творчество отличалось жанровым универсализмом. А.П. Сумароков являлся издателем журнала «Пчела», первого в России частного журнала.

В 1762 году Указом Императрицы Екатерины II А.П. Сумароков «получил право все свои новые сочинения печатать за счёт кабинета её Императорского Величества».

25. КОРЮКАЕВ Владимир. «Самородок из Тимонихи», Вологда, 2006 г.

26. ПАРПАРА Анатолий Анатольевич (род. 1940) – советский, русский поэт, драматург, общественный деятель. Профессор Московского государственного университета культуры и искусств, председатель фонда имени М.Ю. Лермонтова. Создатель и редактор «Исторической газеты». Автор многочисленных книг поэзии, прозы, публицистики.

27. КОКШЕНЕВА Капитолина. «Василий Белов, крестьянский сын». С-Петербург, электронный сайт «Русская народная линия», 20.10. 2012.

28. ГОРБАЧЁВ Игорь Олегович (1927-2003) – советский русский актёр театра и кино, театральный режиссёр, педагог. Народный артист СССР (1972), Герой Социалистического Труда (1987). Художественный руководитель Ленинградского Академического театра драмы им. А.С.Пушкина (1975-1991).

29. САЗОНОВ Геннадий. «На сцену, потомки!», С.-Петербург, г-та «Невский проспект», № 5, июнь 1991 г.

ГЛАВА V

ОТ ФРАНЦИИ
ДО ЯПОНИИ

*Зарубежная
тетрадь*

ЗИМОЙ В ПАРИЖЕ

Впечатления Ольги БЕЛОВОЙ о заграничной поездке

Самым желанным маршрутом для Василия Белова оставалась, конечно, дорога в родную деревню Тимониху через город Сокол и районный центр Харовск. Но он также любил путешествовать по России и зарубежным странам. Где только ни довелось побывать писателю – на Байкале в Сибири, на Урале, в заполярном Нарьян-Маре, в древнем ярославском Угличе, в Великом Новгороде и Пскове, на тверской земле...

Перечень зарубежных стран, которые он посетил, тоже внушительный. Но как-то по-особому тянуло его во Францию. Может, потому, что там жил, творил и нашёл последнее упокоение один из любимых авторов Белова – Иван Бунин.

Спутницей в поездках неизменно оставалась супруга Ольга Сергеевна. Она сохранила записи путешествия в Париж и его окрестности.

– Расскажите, Ольга Сергеевна, когда это было? Какие чувства Вы испытали по прибытию в знаменитый город?

– Моя поездка с Василием Ивановичем во Францию случилась зимой 1976 года, во второй половине февраля. Впечатлений от неё осталось много, до сих пор ещё всплывает в памяти то одно, то другое.

Прилетели мы на самолёте 15 февраля, в аэропорту нас встречала переводчица Марина. А в большом и прекрасном Париже («Пари» – говорят французы) шёл дождь, мы ехали по дождю. Народу на улицах мало, все на работе. По-женски замечая, что мода у нас отстала лет на пять. Женщины в удлинённых расклешённых юбках; в цвете – сдержанность, во всей одежде удивительный вкус и изящество.

Мы устроились в скромный гостиничный номер. Мне представлялось, что в очень благополучных странах высокий жизненный уровень. В реальности всё оказалось не так радужно. В тот день бастовало метро, работники требовали повышения зарплаты. Средняя зарплата в 3 тысячи франков их не устраивала.

Здесь всё очень дорого!

За всё и про всё надо платить!

В гостинице даже за пользование утюгом и городским телефоном приходится платить. Оказывается, мы не так уж и плохо живём в Советском Союзе, хотя в наших магазинах ужасающе бедный ассортимент.

В тот же день в Министерстве культуры нам согласовали план мероприятий на время пребывания во Франции.

Утром поехали в Советское посольство, а после посольства посетили Нотр-Дам. Это знаменитый собор Парижской Богоматери на о. Сити. Можно неделями изучать архитектуру собора. Все его стороны не похожи одна на другую. У входа скульптурные изображения из библии, из жизни Иисуса Христа. Внутри собора темно, тихо, торжественно, огромные свечи, люди молятся.

Рядом с собором протекает река Сена.

Выйдя из собора, гуляем по набережной Сены. Тут стоят художники с мольбертами, много цветочных киосков, магазинчиков букинистов рядом с лотками, где яркие журналы,

на обложках которых – Мао Цзэдун и Фидель Кастро с обнажёнными красотками. «У вас в России такого нет? – спрашивает, улыбаясь, пожилой мужчина. – Вы из Москвы? Нет? Север! Я был туристом в Ленинграде. Всего вам доброго!».

Вечером, не спеша, мы бродили по району Парижа, который называется Латинский квартал, смотрели, как гуляет и веселится молодёжь. Вот идёт группа юношей и девушек, на груди лозунг: «Против электрошока!», ещё какие-то надписи. Плохо, когда не знаешь французского языка.

...Завтрак в отеле «лёгкий», и мы уже шутим, что скоро будем «тощие, как французы», которые не признают супов, боясь растолстеть.

У входа встречает Марина, разговорились с ней. Она оказалась матерью двоих детей (старшей Александре 13 лет, а младшая – Елена). Марина работает в Министерстве культуры, говорит, что любит читать, особенно её интересует тема церкви и религии. Когда мы сообщили ей, что сегодня день Парижской коммуны, и, вероятно, следовало бы съездить на кладбище, то она пожала плечами, ничего не знала об этом дне. Говорила, что, приехав во Францию, работала с Фурцевой 1/, с директором Большого театра в Москве и с ректором МГУ, а теперь водила обычных туристов.

Всё же мы посетили Версаль, где Марина поручила нас интеллигентной старушке, которая очень эмоционально рассказывала о жизни французских королей. Она яростно утверждала, что революцию всегда делает интеллигенция.

Роскошь и красота Версаля поражали. Затем прошли в Версальский парк, где уже чувствовалась весна в отличие от нашей русской зимы. Но вот что удивительно! Ощущение было такое, что я уже давно всё это где-то видела. Может, во сне? Или это ощущение от когда-то прочитанных книг?

– Ольга Сергеевна, а как французы отнеслись к тому, что к ним приехал известный русский писатель Василий Белов?

– Эта новость, наверняка, быстро разлетелась в литературных кругах Парижа. Вечером 17 февраля мы пошли в гости к переводчику повести «Привычное дело» Жану Каталя. Радужно встретили нас хозяева – Жан и его жена Люсси. В гостиной уже довольно много народу – всё французы. Мило улыбаются. И вдруг слышу, как один важный господин заговорил по-русски. Делаю ему комплимент: «Какое у Вас великолепное русское произношение!». А он отвечает: «А я изгнанный из России диссидент – профессор Эткин». Милый, приятный человек.

Все, кто присутствовал на вечере, восхищались васиним «Привычным делом». Хозяйка Люсси делает упор на политику, видимо, считая повесть произведением антисоветским. Поэтому и восторгается повестью. Но Жан ценит в ней художественность и философию. «Мысли Белова сходны с мыслями Марка Аврелия, – рассуждал хозяин-переводчик, – который считал, что жизненные испытания есть благо для человека: они приносят чистоту сердцу человеческому. Целостное мировоззрение даёт свободу людям».

Любопытная процедура принятия гостей – по-женски описываю это. Сначала все заходят в небольшую гостиную. Стены увешаны русскими иконами. Мебель, шторы и всё убранство, состоящее из мелочей, в стиле 19 века. Везде горят свечи. Гости рассаживаются, пьют виски и вино, закусывают печеньем, орехами, хрустящим картофелем.

Затем хозяйка приглашает всех в столовую с огромным столом посередине. На стенах – тоже русские иконы. Так же горят свечи. Камерно, романтично. Сначала подают рыбу с каким-то очень странным соусом. Хлеб на дощечках. Далее на доске подаются разнообразные виды сыров: обычный, голубой, коричневый, розовый. Очень противным для меня оказался козий сыр, а приятным – сладкий сыр. Вскоре подают к чаю или кофе вкусные пирожные.

После этого хозяйка приглашает всех в кабинет Жана.

Снова подают вино и кофе. На стенах – картины и гравюры. И огромная коллекция трубок. Громадная библиотека старинных книг. Есть среди них и русская классика.

Жан очень любит Россию.

В конце вечера Эткин на машине увозит нас в отель. Говорит: «Я знаю, что у вас немного франков. Хочу вам предложить в качестве подарка определённую денежную сумму». От чего Василий Иванович решительно отказывается! А потом мы узнаём, что за нами тянулся «хвост» (пристально следили наши спецслужбы!).

– Это единственный выход в «литературный Париж»? Или были и другие? Приходилось ли Василию Ивановичу выступать, как принято у нас в России, на встречах с читателями?

– Нет, это был, конечно, не единственный выход Белова «на публику». Собственно, одной из целей поездки во Францию значилось выступление Василия Ивановича в Сорбонне. Поскольку оно намечалось на вторую половину дня 18 февраля, то с утра мы поехали в Лувр – знаменитый музей мирового изобразительного искусства. Русской речи там совсем не было слышно. Можно очень долго рассказывать о том, какое впечатление произвёл на меня Лувр. Но меня поразил культ картины Леонардо да Винчи «Мона Лиза». Она – единственная в стеклянном шкафу, вмонтированном в стену, а рядом – телефон с надписью: «Мона Лиза», телохранитель».

Ну, а вечером мы поехали в известный университет – в Сорбонну. 2/. Марина несколько раз предупредила нас: «Пожалуйста, не опаздывайте! Русские почему-то так любят опаздывать. У нас же это считается очень неприличным».

Мы выполнили её просьбу – не опоздали. Университет Сорбонна, расположенный в самом Париже, впечатлял. Массивные старинные здания в несколько этажей, вход

с колоннами. Это старинное учебное заведение связано определённым образом и с Россией. В разные годы здесь учились и считаются его выпускниками деятели культуры – поэтесса Марина Цветаева, этнограф, археолог-учёный Лев Гумилёв, поэт Осип Мандельштам...

В зале университета собрались студенты и преподаватели славянских языков. Пришли и те, кого просто интересует русская и советская литература.

Полный зал!

Я вижу и Люсси, вчерашнюю нашу знакомую, среди присутствующих. Дама-преподавательница, организатор встречи, произнесла вступительную речь по-французски (с кратким русским переводом). И начался оживлённый разговор о русской литературе, о «деревенской прозе», о творчестве Белова.

Затем дают слово Василию.

Я каждый раз очень волнуюсь, когда он выступает, почти всегда с каким-то перехлёстом.

Здесь он спокойно и толково говорил о себе, о писателях-соратниках, о проблемах деревни и города.

После Белов отвечал на вопросы. Честно говоря, наши русские читатели задают обычно более глубокие вопросы.

Но всё же я некоторые из них записала.

1. Когда начали писать?
2. Что Вам дал Литинститут?
3. Над чем работаете?
4. Кого из писателей и поэтов особо цените?
5. Почему так отличается городской язык от деревенского?
6. Есть ли проблема рабочей силы в городе?
7. Ваше отношение к Солоухину и Тендрякову?
8. Кого из советских юмористов Вы особенно цените?
9. Кого цените из представителей французской литературы?

Я, конечно, не все вопросы записала. Вечер длился более двух часов, было очень интересно. К Василию Ивановичу

подходили с книгой «Привычное дело», с другими книгами, брали автографы на память.

Университет Сорбонны оказался недалеко от нашей гостиницы. И нас взялся проводить один из преподавателей, который был на встрече, мы пошли пешком. Он говорил, что французы недовольны существующим положением в стране, поэтому всё время идут какие-нибудь забастовки. Только успел он это сказать, перед нами возникла группа бастующих французов с выкриками. Наш провожатый ещё говорил, что во Франции сильна поэзия молодых, читают Клода Симона, Поля Сартра, Жоржа Перека. Поэты, в основном, модернистского направления. Очень много издаётся бульварных романов. В живописи – в моде абстракционизм.

Хочу добавить к встрече в Сорбонне ещё эпизод.

Переводчик Жан посоветовал нам съездить к издателю «Привычного дела», якобы, он не доплатил Белову какую-то небольшую сумму денег. А франки-то были как раз нужны. Ну, мы на другое утро поехали в издательство.

Помещение светлое, уютное, с красивыми коврами. Через две минуты выходит к нам месье Буржуа и предлагает пить кофе. Разговор идёт через переводчицу. Издатель задаёт Василию Ивановичу сразу несколько вопросов: «Как поживает симпатичный друг В. Белова Глеб Горышин? Как живёт Юрий Казаков? Как поживает Роберт Рождественский? Что написал Белов за последнее время?».

Василий Иванович коротко отвечал на вопросы.

Между тем издатель продолжал свой монолог. Самым значительным современным поэтом в России он считает Андрея Вознесенского. 3/. Далее сообщает, что недавно за этим же столом, где и мы теперь, сидела у него Лилия Брик 4/, которая и в свои 80 лет очень обаятельная. После Осипа Брика у неё было ещё два мужа. Сейчас у неё муж – исследователь творчества Маяковского. Говорит о том, что недавно здесь проходила выставка произведений Маяковского. Ещё сказал, что ему не нравится Евтушенко 5/, не нравится

и Солженицын, политические взгляды которого он не разделяет.

— А про недоплаченные франки издатель не стал вспоминать...

— В самом конце разговора всё же вспомнил, мы так плавно перешли к щепетильному вопросу о деньгах. Издатель заявил нам, что после издания книги прошло много времени, счёт давно погашен, и о доплате гонорара не может идти речь.

Огорчённые и смущённые, мы покинули издательство.

— *Капитализм есть капитализм, он своего не упустит. Чем же Вы компенсировали неприятный момент?*

— Мы отправились в музей современного искусства, он находился рядом с издательством. И довольно долго бродили по светлым залам. Там были выставлены сплошь произведения модернистов-абстракционистов.

Впечатление такое, как будто художники захотели сказать, как страшен этот мир хаоса и изломов. Ничего светлого, человеческого!

Вот, например, картина знаменитого Пикассо.6/. На огромном холсте что-то наподобие человека. Руки в одном месте, глаза в другом, рот где-то сзади. Подпись с названием картины не разобрали (Марины с нами не было).

Или вот картина художника Миро. У женщины три лица, все части лица как бы обрублены, цвета — только белый и чёрный.

И скульптуры — в том же духе! Например, изображение человека с огромными руками и маленькой головкой. Неприятное впечатление, но понять можно. А вот в одной из скульптур вообще что-то непонятное, геометрическое. Или — полотно огромное, а на нём как бы пролитые чернила всех цветов.

В недоумении выходим из музея.

Уже в гостиничном номере в записной книжке у Василия Ивановича появляются такие записи: «Искусство кончается там, где разрушаются традиции», «Новатором в искусстве можно быть, только опираясь на традиции».

Он делится со мной записями, и у нас возникает небольшой спор.

– Спор? Это любопытно! Ведь Вы же, кажется, одинаково негативно восприняли искусство модернизма?

– Да, спор с Василием был. Он горячо утверждал, что французское искусство умерло из-за «мерзкого космополитизма». Ну, а я же отстаивала точку зрения, что Франция – страна высокой культуры, должны быть и сейчас в этой стране гении, которых мы просто не знаем, но которые творят, создают великие произведения. Но Василий объяснял мне, что в современном мире Франция стала другой, управляемой силами извне. Он говорил, что дух старой Франции у французов выветрился, всё нивелируется, в том числе и в искусстве.

– Я думаю, Василий Иванович был по существу прав, последующее существование Франции подтвердило это. Скажите, Ольга Сергеевна, а Вы ещё встречались с переводчиком Жаном Каталя?

– Да, была ещё встреча, правда, недолгая. Мы из Парижа выезжали в другие места. Посетили и замечательный город Тур с его старинными замками, в которых чувствовалось влияние эпохи итальянского Возрождения. Заезжали в древние монастыри. А на обратном пути, по договорённости с Каталя, мы должны были найти их дачу и заехать в гости.

Оказалось, что это не совсем по пути, хотя Люсси настойчиво доказывала, что их дача близко от тех мест. Найти

её было непросто, поэтому мы подъехали к даче, когда уже стемнело.

Люсси приветливо встретила нас у ворот, у них уютный арендованный домик. Василий увидел подсвечник, точно такой же, как у него в деревне Тимониха. Подумалось: не наши ли антикварщики вывезли из России не только иконы, но и подсвечники?

Люсси хлопчет по хозяйству, а мы сидим за круглым столом, пьём виски со льдом, огонь горит в камине, уютно, тепло. Я высказываюсь в том духе, что с камином связано что-то поэтическое. А Жан говорит, что у него поэтическое связано с голландской печкой, когда он в молодости жил в Таллине, что и в русской печке есть своя поэзия. Он очень хвалит Василия за художественный талант, по-моему, он тепло и очень искренне к нему относится. Люсси накрывает на стол, за ужином заходит разговор о литературе. Жан сообщает, что недавно в Сорбонне было обсуждение книги Солженицына «Ленин в Цюрихе». Пришли к выводу, что Ленин в Цюрихе – это сам Солженицын за границей. Каталя относится к Солженицыну довольно прохладно.

Он спрашивает меня: «Что не понравилось Вам во Франции?». Я отвечаю: «Не понравилось метро и порнофильмы». Заходит разговор о порнографии. Люсси утверждает, что у молодёжи всё равно есть самозащита от всего этого, что юноши порой так трогательно и нежно относятся к девушкам.

Потом Каталя рассказывает о своём знакомстве с Морисом Торезом.

Уже поздно, совсем стемнело, нам пора ехать. Мы прощаемся с Жаном и Люсси, через год они планировали приехать в Москву.

– В Вашей поездке всё было гладко? Случались какие-то «отклонения»?

– Не без этого! В выходной день, в субботу 20 февраля,

Василий заболел, даже температура поднялась. Поэтому решил никуда не ходить, отлежаться, он выпил советскую таблетку от простуды.

Одной мне бродить по городу как-то одиноко и скучно. Но всё же я пошла на короткую прогулку. Нравится бывать в книжных магазинах, которых здесь так много. Книги и художественные, и научные. Есть книги по домоводству, косметике, даже порнографии (у нас такое невозможно!). Но здесь, видимо, к этому привыкли, смотрят на всё спокойно. Книги дорого стоят. У нас они намного дешевле. Случайно по пути зашла в магазин мужской одежды, а там на стенах такие пикантные картинки, что сразу пулей оттуда вылетаю. Вспомнила слова Нины Витальевны Железняк: «Французы – очень развращённая нация!». 7/.

– Какое в целом впечатление на Василия Ивановича и Вас произвело пребывание во Франции?

– После всех посещений памятных мест в Париже и поездок в ближние провинции Франции я почувствовала усталость, испытала лёгкое недомогание. Думаю, и Василий пребывал в таком же настроении. Да и соскучились мы по родне, по дому, по маленькой дочке. Утром 29 февраля Марина уже мчала нас в аэропорт, мы улетали в Москву.

О Франции, которая после поездки стала близкой, впечатления не остыли у меня до сих пор.

ЗА ВОСХОДЯЩИМ ЛУЧОМ Друг из Токио

I

Прежде, чем начать разговор о друзьях Василия Белова, проживающих в далёкой восточной столице Токио, необходимо, пожалуй, сделать некоторые пояснения. Они касаются истории соседства двух стран.

В разные эпохи отношения между Россией и Японией складывались по-разному. Мы и дружили, и воевали, и снова дружили, и опять пытались противоборствовать. В отошедшем в историю XX веке наши страны дважды вступали в вооружённый конфликт. Эти столкновения во многом были спровоцированы «мировой закулисой», в частности, спецслужбами Англии и США, которые стремились всеми способами ослабить быстро нарастающую мощь России, её влияние на ход развития всего мира.

В январе 1904 года императорская Япония, ещё прежде военными мерами нанёсшая серьёзный урон интересам Китая в Азии, потребовала определённых уступок от России. Если коротко, то речь шла о снижении или вообще ликвидации русского контроля над Маньчжурией, Кореей и Жёлтым морем. Принять такие требования Российская Империя посчитала невозможным, и 27 января 1904 года началась война, позже названная Русско-японской. Она длилась 17 месяцев и закончилась 25 августа 1905 года

поражением России. Правда, царь Николай II готов был завершить её победоносно, подтянув на Восток большие военные силы. Но чрезмерно лишние человеческие жертвы, которые неизбежно понесла бы страна, остановили его от этого шага.

Удалённость «театра военных действий» от центра, отсутствие должной координации разных родов войск стали основными причинами некоторых неудач нашей армии в Русско-японской войне. Хотя русские солдаты и офицеры в сражениях на Востоке проявляли чудеса героизма. Чего стоила гибель команды крейсера «Варяг», вызвавшая даже у врагов преклонение перед мужеством наших моряков.

Того, что случилось, увы, не поправить. История не имеет сослагательного наклонения.

По итогам войны Российская Империя вынуждена была признать господство Японии над Кореей, уступить часть территории острова Сахалин, отдать Японии Квантунский полуостров с городом Порт-Артур. К тому же, мы практически потеряли флот на Дальнем Востоке, позднее пришлось его восстанавливать.

Это были позорные результаты для великой России, не знавшей военных поражений на протяжении почти четырёхсот лет.

Ещё страшнее оказалось то, что «нигилистические силы» внутри страны и за рубежом, используя военную неудачу в своих целях, начали раскрутку «русской революции». Беспорядки, забастовки, погромы, убийства госслужащих с Украины перекинулись на Москву, запылила баррикадами Пресня, останавливались фабрики и заводы в Петербурге...

Декабрь 1905 года был отмечен, так называемой, «первой русской революцией», с которой Император и правительство всё-таки сумели справиться.

Сорок лет спустя, в августе 1945 года, историческая ситуация повторилась, но уже не в пользу Японии.

После принятия в мае безоговорочной капитуляции фа-

шистской Германии руководство Советского Союза перекинуло значительные силы Красной армии на Дальний Восток, где у наших границ четыре года стояла мощная Квантунская армия. Началась война с Японией, которая прежде выступала союзницей Гитлера. Бои и сражения развернулись на огромной территории – от Владивостока по всему побережью океана, а также в степях и пустынях Маньчжурии. Два выдающихся советских полководца маршал Александр Михайлович Василевский и маршал Кирилл Афанасьевич Мерецков осуществляли оперативное руководство по ведению войны с Японией. Ставкой в Москве А.М. Василевский был назначен главнокомандующим советскими войсками на Дальнем Востоке с нахождением штаба в Хабаровске, а К.А. Мерецков возглавил вновь образованный Приморский военный округ.

За короткий срок – две-три недели – были проведены блестящие наступательные операции. В ходе их Япония потеряла около 800 тысяч солдат и офицеров убитыми, ранеными и взятыми в плен.

2 сентября 1945 года представители Императора Японии подписали акт о капитуляции с представителями Советского Союза.

Этот день считается окончанием Второй мировой войны.

Советскому Союзу в результате капитуляции Японии отошли часть острова Сахалин и острова Курильской гряды. Иными словами, то, что Россия потеряла в 1905 году, было возвращено.

Но, увы, в силу разных политических и дипломатических обстоятельств в тот момент мирный договор между двумя странами не был подписан. А после смерти руководителя СССР И.В. Сталина 5 марта 1953 года этот вопрос так и «повис в воздухе». Позднее он превратился в межгосударственную проблему, не разрешённую и донине.

В послевоенную эпоху отношения между соседями сложились вполне дружественными и лояльными. Я помню,

как делегация японских деловых людей приезжала в Череповец изучать опыт организации труда на металлургическом комбинате. А в свою очередь министерство в Москве закупало новейшее оборудование для Череповецкого азотно-тукового завода в Японии, их же специалисты его монтировали.

«Японское чудо» – визитная карточка островного государства в конце XX-го века. Оно заключалось в том, что страна, фактически не имеющая природных ресурсов, достигла высочайших высот в развитии всех отраслей современного производства.

Как это? Почему? Где секрет успеха?

Ответы на вопросы пытались найти наши писатели и журналисты, которые приезжали в Японию или постоянно в ней жили в качестве соборов центральных изданий.

Соседей тоже многое интересовало у нас. Не только достижения в космонавтике, в оборонном комплексе, но и в литературе, искусстве. Литературоведов из Японии привлекло творчество Василия Белова, стоящего на родной почве и продолжающего традиции русской классики.

Так возникла связь между Вологдой и Токио.

II

Всех, кто пришёл на открытие III-х Всероссийских «Беловских чтений», которые проходили в октябре 2016 года, ожидал сюрприз.

В зале приглушили свет, и на экране появилось знакомое многим лицо литературоведа Ясуи Рёхэй, почётного профессора университета «Васеда» в г. Токио. Он очень хотел, но не смог приехать на литературный форум в Вологду, поэтому прислал видеобращение к участникам.

Голос из японской столицы зазвучал в зале:

«Моя любимая беловская книга – «Лад». «Лад» – для нас

буквально энциклопедия не только крестьянской жизни, а вообще русской жизни, – признавался профессор, зарубежный друг Василия Белова. – И благодаря «Ладу» я получил бесценный ключ к пониманию России, русского народа».

Это признание известного учёного из Японии дорогого стоит!

Напомню несколько штрихов к портрету Ясуи Рёхэй.

«Конечно, в Японии немало чисто кабинетных учёных, «книжных жуков», так сказать. Но, может быть, здесь, как нигде, часто встречается учёный человек, который хочет вырваться из плена отвлечённого знания, точнее, вынести это знание на просторы жизни. Как конкретно реализуется это стремление? Человек не только изучает Россию по книгам, но и сближается с русскими, пускается с ними в самые трудные разговоры о смысле жизни, готов бесконечно слушать русские истории, расспрашивать, дружить, участвовать в жизни и посещать места, связанные с людьми, с которыми сдружился или чьё творчество изучает, – отмечала сотрудница Общества «Россия-Япония» Нина Анарина. – Бесконечная любознательность, неутомимый труд души, непрерывная жизнь в «теме», потребность не только обдумывать, но и осязать и обонять. При этом деликатно и ненавязчиво. И по-японски сосредоточенно и целеустремлённо. Жизнь как единый порыв, всем сердцем (иссин), личность растворяется в профессиональной задаче, которая мыслится шире – как задача жизни, «путь».

Ясуи-сэнсей – такой руссист и такой человек». 8/.

Уже не вызывает удивления, что профессор, познакомившись с Василием Беловым, чьи труды он читал в переводах, изданных в Японии, воочию захотел увидеть автора. И вскоре это случилось. В зимнюю пору, в возрасте уже после 60-ти, да ещё с немолодой супругой, Ясуи совершил настоящее путешествие в северную русскую глубинку, чтобы пожать руку знаменитому писателю и пожить в его родной деревне Тимонихе. Свои впечатления от того, что увидел, литературовед выразил в заметках, а также в большом

очерке, опубликованном в журнале «Поток» («Тёсуй», Токио, 2004). Впервые на японском языке в очерке подробно изложена творческая биография русского писателя-классика.

Поговорка гласит: лиха беда – начало. Позже Ясуи Рёхэй не раз бывал в отчем краю Белова. В один из таких приездов у Белова гостил и петербургский фотомастер Анатолий Пантелеев. Он снял видеофильм о пребывании профессора. Кадры запечатлели, как Василий Иванович водил зарубежного друга по окрестностям, рассказывал о памятных местах.

Думаю, имеет смысл привести несколько отрывков из заметок Ясуи Рёхэй о поездках в вологодскую глубинку.

«...Впервые я посетил Тимонику в январе 1991 года. Стояли 20-градусные морозы. Жило в деревне шесть семей.

Тимониха при 20-градусном морозе была неописуемо прекрасна. Голубые-голубые небеса и огромное низкое солнце, ярко-красное, не излучающее, однако, никакого тепла. Даже когда смотришь прямо на него, оно совершенно не слепит глаза. И под сиянием солнца – бриллиантовое сверкание снежного наста. Насколько видит глаз, простирается ослепительно-белая равнина, а на ней то там, то здесь чернеют точки: это чёрные крестьянские избы, несущие в себе суровую экспрессию.

Я снова приехал туда в августе 1994 года. В бескрайних широких лугах повсюду паслись стада колхозных коров: ведь это район сугубо молочного хозяйства, известный всей России своим «вологодским маслом». Всё те же шесть семей, восемь человек, оставались в деревне и в зимнее время, делящаяся в тех краях полгода – с ноября по апрель.

Третье моё посещение – август 1996 года. Коровы грязные, неухоженные. На грани распада колхоз «Родина», объединявший 43 окрестные деревни. Пахотные земли уже два года не обрабатывались; ни лён, ни зерновые, ни овощи не выращивались. В эту зиму в деревне оставалось пять дворов, семь человек.

Четвёртый приезд пришёлся на август 1998 года. Тогда уже пасущиеся стада исчезли. Только три-четыре коровы, принадлежащие деревенским старушкам, щипали траву на лугу. Зимовали четыре двора, шесть человек.

В июне 1999 года я в пятый раз оказался в Тимонихе. Не мычали коровы, не блеяли овцы. Деревня была погружена в тишину, как будто вымерла. Число перезимовавших уменьшилось до двух дворов, трёх человек...

А зимой 2002 года деревня окончательно обезлюдела...

Что до всякой живности – коров, лошадей, овец, кроликов, – которая является неразлучным спутником деревенских обитателей, то исчезла и тень её. Покинутые дома неизбежно и постепенно подвергаются гниению и разрушению из-за сурового климата. Первый признак заброшенности дома – появление вблизи цветков иван-чая. Сходят на нет пахотные поля и пастбища, созданные в поте лица за многие-многие годы труда; зарастают берёзой, ольхой, ивовым кустом.

... В последние годы Белов-сан постепенно пришёл к православной вере. Он сосредоточился на изучении Достоевского, Леонтьева, Ильина и других религиозных мыслителей и консервативных философов. В нём обрели полную силу охранительные почвенные тенденции, отвергающие евро-американский мир, современность, прогресс, интеллигенцию, проступавшие в его творчестве и у писателей «деревенщиков» ещё в середине 70-тых». 9/.

III

Друг из Токио и его коллеги не остались в долгу – пригласили Белова в гости, и он не отказался. «Моя первая поездка в Японию, связанная с Байкальским движением по спасению пресной воды, оказалась слишком краткой, – вспоминал писатель. – Она была прервана нашим посоль-

ством, приказавшим депутату Белову В.И. срочно явиться в Москву. Позднее выяснилось, что Горбачёву вздумалось прихватить меня в Хельсинки для сопровождения Раисы Максимовны 10/ в её вояже по культурным учреждениям. Почему жребий пал на меня, неясно до сих пор. Только ведь против начальства, да ещё на таком уровне, как говорится, не попрёшь. Мне пришлось лететь в Москву, а на следующий день в Хельсинки...». 11/.

Тут уж, действительно, начальству не поперечишь – сам Генеральный секретарь, облечённый полномочиями, равными по сути власти дореволюционного Императора, просит. Кстати, у Василия Ивановича как депутата Верховного Совета сложились определённые отношения с Генсеком. Писатель даже пытался его просвещать. Однажды, когда он пришёл в кабинет правителя вместе с Валентином Распутиным, предложил ему почитать книги русских философов Ильина, Солоневича, Леонтьева и других, оставил их произведения. Но, как утверждал сам писатель, Генсек не открыл даже первые страницы – он был очень далёк от традиционного «Русского мира» и вождеденно обожал Запад.

Со второй поездкой, случившейся в 1997 году, Василию Ивановичу повезло больше. Он провёл в Японии, у своего друга Ясуи Рёхэй десять прекрасных дней. В поездке с ним была и супруга Ольга Сергеевна. Как признавался писатель, от Японии остались «впечатления ошеломляющие». «Может быть, – продолжал он, – я напишу когда-нибудь путевой очерк об этой поездке».12/.

Написать его, увы, не удалось в силу разных обстоятельств. Но заметки по свежим следам «Ещё один дефицит» В.И. Белов опубликовал в вологодской областной газете. Их можно расценить как подступы к задуманному большому очерку.

Остановим взгляд на некоторых моментах.

Автор сразу оговорился: «возможно, что я изобретаю велосипед...». Но мысли, навеянные поездкой в Японию, не

давали покоя, и он уложил их в три основных пункта (приведу без подробностей).

«1. Технический прогресс, коим обуяно человечество, рано или поздно погубит нашу планету...

2. Между тем этот самый «технический прогресс» отнюдь не торопится становиться союзником религии.

3. Экономика любой страны, любого народа, вопреки интернационализму и марксизму, всегда и, прежде всего, национальна». 13/.

После посещения острова Хоккайдо и знакомства с тем, как там развивается сельское хозяйство, Василий Иванович не мог отделаться от навязчивой мысли: мы, русские люди, ничего не знаем о своём восточном соседе, обречены на «информационный дефицит». «О «свободе слова» в нынешней «демократической» России говорить вообще не приходится, она оптом закуплена банками, — размышлял писатель. — Берусь утверждать, что информационная блокада существует, что она организована не только отечественными СМИ, но и зарубежными, в частности, европейскими и американскими. Да, благодаря этой блокаде русские почти ничего не ведают о Японии... Зато скандальная великосветская и бандитская хроника Европы и США постоянно на слуху». 14/.

Не лучше ситуация и в самой Японии. Народ восточной страны не знает о нас и почти не понимает того, что и как происходит в современной России.

На столь неприглядном фоне взаимоотношений соседей деятельность друзей писателя — учёных литературоведов, профессоров Ясуи Рёхэй и Накамуры, чьи публикации несли правду о России, выглядят ярким восходящим лучом.

На свет этого луча и откликнулась душа Василия Ивановича!

IV

Всё-таки, думаю, надо чуть подробнее обозначить явление, о котором Василий Иванович сказал фразой: «Ещё один дефицит». Дело в том, что это его наблюдение затрагивает не какую-то частность, в данном случае – отношения между Россией и Японией, а выражает общепланетарную ситуацию. В самом деле, посмотрите, что происходит в мире? Отыскать обычные сообщения о повседневном быте простых людей, будь то в Америке или Африке, будь то в Европе или Азии, практически невозможно. Их нет на страницах газет и журналов, в радиоэфире и в телевизионных передачах. Что волнует крестьянина или рабочего? Какими «болями» страдают представители интеллигенции? Чем, скажем, недовольны обыватели в Париже, когда выходят толпами на улицы столицы, громят магазины, опрокидывают и сжигают дорогие автомобили, наносят увечья полицейским?

Вместо ответов на такие и подобные вопросы людям предлагают «бесконечные сериалы» о «сильных мира сего», то есть подменяют реальность идолопоклонством, угодливым холопством и всем остальным, что отвлекает от повседневности. Происходит это не только на Западе, но и у нас. Помню, главный редактор солидной центральной газеты, где я сотрудничал, беспрерывно твердил:

– Нужны сенсации! Нужны сенсации!

Легко сказать – нужны! Где их взять? Волнующие всех людей сильные впечатления или события происходят не каждый день. И, как говорится, слава Богу!

– Что же, из пальца высасывать, – возражал я, – если их нет? Да и зачем всю газету заполнять, так называемыми, сенсациями?

– А хоть и из пальца высасывай! – воскликнул редактор. – Читателя надо ошеломить!

– Ну, понятно, – ответил я. – Таких «сенсаций» я буду Вам присылать по несколько штук в час, если не возражаете.

– Это несерьёзно! – заключил шеф.

Почему же «несерьёзно»? Очень даже серьёзно. Скажем, «пробежала крыса» в каком-нибудь кабинете Белого Дома в Вашингтоне, и тысячи журналистов по всему миру кидаются на это «событие», как вороны на падаль, склоняют на все лады. Или «разбитной» президент США, якобы, снял пылинку с лацкана пиджака президента Франции, и все телеканалы в России захлёбываются от восторга по этому поводу, строят прогнозы о том, «что дальше будет».

Похоже, Василий Иванович протестовал против подобного «информационного дефицита».

«В предыдущей, то есть в первой поездке в Японию, никаких размышлений об информационном голоде, вообще, почему-то не возникало, – признавался он в заметках, на которые я уже ссылался. – Почему же и во время краткого пребывания в Токио, и во время поездки на Хоккайдо мысль об информационной блокаде меня постоянно преследовала? И кто бы осмелился её опровергнуть? Может, это даже не мысль, а стойкое ощущение, граничащее для меня с открытием...

Да, речь идёт о дефиците обычной информации. Мне думалось раньше, что сначала коммунистическая, затем демократическая цензура, шумные разглагольствования о, так называемой, «свободе слова» характерны больше для России, чем для Запада и прочих «цивилизованных» стран. Так велика и прилипчива ложь о мнимой «нецивилизованности» моей Родины...

Оказалось, что о свободе слова в Европе и США (оставим пока в стороне Японию) говорить рановато... Какая разница, кстати, между «коммунистической» цензурой и цензурой банковской, то есть «демократической»? Вопрос весьма интересный. «Непростой», как выражались горбачёвские перестройщики. Ельцинские же банкиры с криминальными банкирами вкуче ничего не хотят говорить об этом. Они вообще молчат об этой разнице. СМИ, за немногими исключениями, как огня, боятся этого вопроса. Московское теле-

видение особенно. А мне представляется, что эта разница невелика...».

Писатель был искренне удивлён, что лишь небольшая горстка людей знает о повседневной Японии чуть больше той нормы, которая отпускается в газетах и на телевидении.

«Меня просто потрясло это прискорбное обстоятельство, – продолжал он. – Как же случилось, что при нынешних средствах связи (вплоть до спутников), при небывалом количестве газет, журналов, при глобальных возможностях мирового телевидения, во время мощнейшей индустрии туризма, мы, русские, так мало знаем о японском народе, о японском государстве, о такой географически близкой стране? Ведь нельзя же довольствоваться одними книгами Овчинникова и Цветова, как бы ни были они хороши в этнографическом плане! (Кстати, книгами, политически устаревшими). Газеты же сообщают нам лишь о японских землетрясениях и экологических катастрофах. Телевидение удостаивает своим вниманием лишь одних сектантов, вроде группы Синрикё да вещает об авариях с танкерами.

Может быть, в том числе и по этой причине всё ещё не заключён мирный договор с Японией, и наши государства долгие десятилетия находятся как бы в состоянии войны? Кому это выгодно и долго ли будет продолжаться подобное «состояние»?

Можно, конечно, такое положение объяснить долголетней холодной войной, можно сослаться на сложность экономических и территориальных отношений, толковать об исторических отголосках, о следах второй мировой войны. Однако странно же. Ведь средства массовой информации как раз и призваны для устранения таких отголосков, отрицательно влияющих на межгосударственные отношения. На деле же получается нечто противоположное... Случайно или намеренно? Мне думается, неслучайно».

На мой взгляд, писатель прав, с ним следует согласиться. Да, на самом деле, «намеренность» ощущается в теме,

которую он затронул. Каковы же причины? Думаю, в первую очередь их можно объяснить «всемирным глобализмом», распространяющим щупальцы на разные страны, в том числе и на Россию. Взять под контроль сознание людей, манипулировать их сознанием, направлять в «нужное русло» – таковы сверхзадачи «глобализма». И он решает их повседневно, отравляя неопытные души «чернухой», прославляя низменные страсти, возводя «золотого тельца» в идеал существования общества.

С другой стороны, российские «вожди» не хотят, чтобы наши граждане узнали правду о Японии. О том, например, что в стране восходящего солнца действуют нравственные и юридические законы о порнографии, наркотиках, о табаке и алкоголе, причём, действуют не на бумаге, а в реальности, чего, к сожалению, не скажешь про Россию. Или вот японец, желающий приобрести землю для ведения хозяйства, должен сдать экзамен на звание «крестьянина», то есть, доказать властям, что он любит землю и не будет относиться к ней спустя рукава. Только тогда он получает землю в собственность, а государство оплачивает 80 процентов её стоимости.

Крестьянам в России такое не снилось даже в самом радужном сне!

«Я убеждён, что если бы русские мужики узнали воочию (хотя бы по телевидению) об этих и других законах, – говорил писатель, – они бы вышвырнули из пределов России всех наших нынешних сельскохозяйственных горе-реформаторов! Но, видимо, как раз по этой причине русский крестьянин, да и не только он, ничего не знает о японском сельском хозяйстве...».

Определённая вина за «намеренность» лежит, безусловно, и на тех, кто профессионально работает с информацией. «Собкоры, связанные с журнальной прессой, радио и телевидением, информируют русскую общественность о Европе и США так усердно, что мы знаем даже об альковных делах в президентских и банкирских домах, – размыш-

лял Василий Белов. – Даже бульварная демократическая пресса, вроде «МК», заражена вирусами американизма и евроцентризма, словно иного мира вовсе не существует. Чего же тут говорить о сколько-нибудь серьёзной прессе? Сделано всё, чтобы наши постсоветские и западные СМИ меньше касались современной Японии. И лишь отдельные люди в России знают об экономическом и культурном своеобразии Японии, о мощном послевоенном экономическом и научном рывке японского народа. Маленькая страна, не имеющая собственных природных ресурсов, смело бросила экономический вызов американскому промышленному гиганту, имеющему для развития самых современных технологий буквально всё. И грандиозная Америка была вынуждена принять вызов. Чванливым американским банкирам пришлось-таки считаться с маленьким островным государством, с этим трудолюбивым народом. Разве это не удивительно само по себе? И почему так произошло?».

Уже, наверное, достаточно доводов, чтобы убедиться: Белов почувствовал «ещё один дефицит» не на пустом месте. Основания к тому были и основания вполне серьёзные.

Василий Иванович остался верен себе. Будучи истинным защитником деревни, он и в чужих краях переживал за судьбу русского крестьянина.

«ДАЖЕ Я УЗНАВАЛА ВПЕРВЫЕ...» Послесловие

Познакомившись с книгой ещё в рукописи, я убедилась, что она необычная и по жанру, и по композиции. И, конечно, по содержанию. Мне было приятно, что, например, в разделе «Грязовецкая тетрадь» автор открыл малоизвестные страницы жизни Василия Ивановича Белова. Есть факты, о которых даже я, казалось бы, знающая о своём муже всё-всё, узнавала впервые.

И всё написано с любовью к Белову!

Многие критики, биографы, даже друзья почему-то не обращали внимания на грязовецкий период жизни будущего писателя. Но именно журналистская и комсомольская работа давала молодому Белову возможность прикоснуться к общественной жизни, раскрывала перед ним новые горизонты.

Мне кажется, комсомол сильно повлиял на Василия Ивановича. Ведь раньше он был в стороне от общественной и идеологической деятельности, а тут окунулся в самую её гущу. Она в какой-то мере изменила его сознание, научила охватывать жизнь более масштабно, более объёмно. Это повлияло в дальнейшем и на всё его творчество, на политическую деятельность, которой Василий Иванович занимался, будучи народным депутатом.

Не скрою: большую часть разделов книги я прочитала с искренним интересом, как говорят, на одном дыхании. И вот что странно! Возьмём беседу «Судьба деревни». Такое

ощущение, что Василий Иванович жив, что автор разговаривал с ним на днях, совсем недавно – те же проблемы русской деревни, они не исчезли, они по-прежнему злободневны. И вопросы глубокие автор задавал писателю.

Меня очень порадовало отношение автора к поэту, прозаику, публицисту и историку Сергею Николаевичу Маркову. Совсем стали забывать этого замечательного мастера слова. До сих пор поражаюсь: такой мощный пласт русской культуры остаётся в забвении! А в книге упоминаются и Константин Батюшков, и Вячеслав Клыков, и Олег Бороздин – и всё это в каком-то хорошем, целостном и органическом соединении. Отрадно, что автор упомянул и Владимира Соколова, чью поэзию высоко чтит Василий Иванович.

Идею изображения скульптурной композиции Батюшкова с боевым конём подсказал Славе Клыкову именно Василий Иванович.

Привёл меня в восторг анализ очерка «Дорога на Валаам». К сожалению, по какой-то причине составители 7-томника В.И. Белова не включили его в собрание. У автора глубинное и проникновенное погружение в творческий замысел писателя, это образец серьёзной критики, которая почему-то сейчас тускнеет. Порадовала и беседа с Александром Цыгановым, к которому я отношусь с большим уважением.

Интересен в «Харовской тетради» очерк о восстановлении церкви. Достоверно передан разговор, из которого так живо предстал Василий Иванович. Любопытны розыски прототипов героев «Плотницких рассказов». Поэтично описан деревенский дом. Приятно, что автор вспомнил вологодских писателей – наших друзей.

Безусловно, такие плотники – мастера топора, как Сергей Николаев и Игорь Тихомиров, повлияли на творчество Белова.

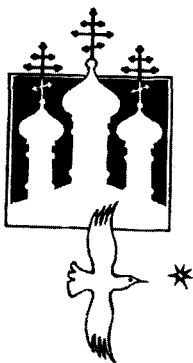
Но были, конечно, и реальные прототипы. На двух концах деревни Тимониha жили два старика – Агафонов и Баров. Они постоянно ссорились, но и жить друг без друга не

могли. С палочкой («клюшкой», так в деревне называли этот предмет) медленными шажками пробирается старик Агафонов к дому Барова. Через короткий промежуток времени возвращается обратно. «Рассорились!» – смеясь, говорил мне Василий Иванович. На другое утро точно также к дому Агафонова пробирается старик Баров. Возвращается обратно уже в полдень. Значит, помирились! Такие эпизоды повторялись часто.

Хотя я многое помню из истории публикации «Привычного дела», но обращение к ней в книге привнесло новизну. Автор помогает современному читателю понять повесть, ныне некоторые воспринимают её поверхностно. А к литературоведу и издателю Виктору Петелину Василий всю жизнь относился с уважением и благодарностью.

Думаю, читатели воспримут «тетради» как роскошную книгу!

Ольга Белова

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава V

1. **ФУРЦЕВА** Екатерина Алексеевна (1910-1974) – советский государственный и партийный деятель; была избрана Первым секретарём Московского горкома КПСС, членом Президиума ЦК КПСС, секретарём ЦК КПСС.

Министр культуры СССР (1960-1974).

Е.А. Фурцева была, пожалуй, единственной женщиной в СССР, которая взошла на политический Олимп страны.

Родилась в г. Вышний Волочёк Тверской (бывшей Калининской) области. Отец Алексей Гаврилович, рабочий-металлист, был призван в царскую армию и погиб в бою во время Первой мировой войны. Мать Матрёна Николаевна одна поднимала двоих детей – дочь и сына. Окончив школу, Екатерина поступила в фабрично-заводское училище, получила профессию «ткачиха», работала за станком.

Политическая карьера Екатерины Фурцевой началась, когда она вступила в комсомол и показала себя активисткой в общественной жизни.

2. **СОРБОННА** – Университет в Париже. Один из старейших университетов Европы и мира, основан в начале 13 века. Первоначально состоял из церковных школ при монастырях и соборах на левом берегу Сены. Основным направлением подготовки было богословие. Со временем Университет превратился в масштабное научное и педагогическое заведение, где обучают специалистов гуманитарного, экономического, юридического, медицинского и математического направлений.

3. **ВОЗНЕСЕНСКИЙ** Андрей Андреевич (1933-2010) – известный советский российский поэт, а также публицист, художник, архитектор. Лауреат литературной Государственной премии СССР (1978), премии Правительства РФ (посмертно, 2010).

Наиболее известные поэтические сборники: «Парабола» (1960), «Ахиллесово сердце» (1966), «Взгляд» (1972), «Витражных дел мастер» (1976), «Ямбы и блямбы» (2010).

Автор поэм «Мастера» (1959), «Лонжюмо» (1964) – посвящена В.И. Ленину. В этой поэме автор утверждал: «Начинаются горы с подножий, начинаемся с Ленина мы».

Для поэтического стиля А.А. Вознесенского характерны сочетания модернизма, формализма со слабо выраженной русской поэтической традицией.

А.А. Вознесенский – ученик известного поэта, лауреата Нобелевской премии Бориса Леонидовича Пастернака.

4. БРИК Лиля Юрьевна (КАГАН Лили Уриевна) (1891-1978) – «муза русского авангарда», гражданская жена поэта Владимира Маяковского. Ей он посвятил поэмы «Облако в штанах», «Про это», «Флейта и позвоночник», стихотворение «Ко всему...».

Л.Ю. Брик создала первый в России музей Маяковского в Москве, который позже был закрыт; она оставила воспоминания о своих отношениях с «великим пролетарским поэтом».

5. ЕВТУШЕНКО (ГАНГНУС) Евгений Александрович (1932-2017) – известный советский поэт, прозаик, режиссёр, сценарист. Родился на станции Зима в Иркутской области, вскоре семья переехала в Москву. В 15 лет был исключён из средней школы № 607 г. Москвы по подозрению в поджоге школьных журналов. Позднее он был исключён из Литературного института за «дисциплинарное взыскание» и поддержку писателя В. Дудинцева.

Первые стихи опубликовал в газете «Советский спорт».

Е.А. Евтушенко входил в число самых популярных, так называемых, поэтов «шестидесятников», которые прославились «эстрадной поэзией». Издал большое количество поэтических сборников, книг прозы и публицистики. Е.А. Евтушенко был ярко выраженным сторонником «коммунистической идеи» (например, поэма «Братская ГЭС»).

Умер в городе Талса, штат Оклахома, США, где жил в последние десятилетия. Гроб с телом был перевезён из США и предан земле на кладбище в Переделкине под Москвой.

6. ПИКАССО Пабло Диего Франсиско де Пауло (1881-1973) – знаменитый испанский и французский художник, скульптор, график, дизайнер. Пикассо основоположник, так называемого, стиля «кубизма». В Париже сотрудничал с театральной группой Сергея Дягилева в 1917 году.

Творчество Пикассо было довольно популярно в Советском Союзе.

За свою жизнь Пабло Пикассо создал более 20 тысяч произведений разных жанров.

В 2010 году его картина «Обнажённая, зелёные листья и бюст» была продана на аукционе «Кристи» за 106 миллионов долларов – самое дорогое произведение искусства в мире.

7. ЖЕЛЕЗНЯК Нина Витальевна (1915-1996) – известный вологодский живописец и график, член Союза художников России.

Родилась в Москве, училась в столичных изостудиях. По некоторым обстоятельствам оказалась в Вологде, где прожила почти всю жизнь, жена известного прозаика и искусствоведа Владимира Железняка (Белецкого).

В разные годы в Вологде состоялось 18 персональных выставок произведений Нины Витальевны Железняк.

8. АНАРИНА Нина. «ЯПОНСКОЕ ПАЛОМНИЧЕСТВО НА РУССКИЙ СЕВЕР» (Писатель Василий Белов и профессор из Токио, их дружба). М., Бюллетень Общества «Россия-Япония», № 02, 01.10.2006 г.

9. ЯСУИ РЁХЭЙ. «Вымерла северорусская деревня Тимониха». М., Бюллетень Общества «Россия-Япония», № 02, 01.10.2006.

10. ГОРБАЧЁВА Раиса Максимовна (1932-1999) – советская общественная деятельница, супруга М.С. Горбачёва, Генерального секретаря ЦК КПСС, Президента СССР, кандидат философских наук. Много занималась благотворительной деятельностью. Была одним из организаторов «Советского фонда культуры», участвовала в учредительном съезде «Советского детского фонда им. В.И. Ленина».

11. БЕЛОВ Василий. «ЕЩЁ ОДИН ДЕФИЦИТ». Вологда, газета «Красный Север», 22.11. 1997 года.

12. Там же.

13. Там же.

14. Там же.

Содержание

«Любил до боли сердечной...»	3
------------------------------------	---

Глава I Далёкая заря Грязовецкая тетрадь

Приютил «медвежий угол»	12
Счастье ожидало в тихом городке	27
Целебный двугривенный	37
«Сорок дел на часу...»	43
«Талант в нём кипел...»	58
«Нас поэзия связала...»	67
Не желал давать советы	85
В минуту трудную	90

Глава II Печальник земли русской Вологодская тетрадь

Под звездою поэта Батюшкова	101
Судьба деревни	113
Часть первая	114
Часть вторая	121
Часть третья	126
Часть четвертая	131
Мозаика будней	135
Два солнышка	188
По родству души...	199

Глава III В краю ольховом *Харовская тетрадь*

«Мне стало жаль её...»	215
Дом в «лапу»	228
«Я хотел такого Африканыча...»	237
О светлом и горьком	245
Народный памятник	250
Маршал Белов	257
По дороге в Тимонику	262

Глава IV В кругу друзей *Петербургская тетрадь*

«Комната Белова» в университете	268
Душа с душой говорит	284
«Лермонтова и Пушкина жгли на кострах...» ...	286
О журнале «Русская провинция»	290
О писателе А.И. Солженицыне	292
Вокруг «Белого дома»(1993 г.)	301
О писателе Михаиле Меньшикове и русском казачестве	304
Сколько Беловых в «Интернете»	307
Гоголь, рукописи, тщеславие	311
В доме «Русской драмы».	316

Глава V От Франции до Японии *Зарубежная тетрадь*

Зимой в Париже	334
За восходящим лучом	345
«Даже я узнавала впервые...»	354

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ
ИЗДАНИЕ

Серия «Писатели родного края. Проза»

САЗОНОВ Геннадий Алексеевич

СИЯНИЕ СЛОВА

Василия Белова

Встречи, беседы, воспоминания

вёрстка, фотоблок, дизайн, обложка
Людмила ВЕРЕЙКИНА

Рисунки художника Эдуарда ФРОЛОВА
Авторы фотографий: Николай Чесноков,
Анатолий Пантелеев, Геннадий Сазонов;
использованы фото из «Интернета».

Подписано в печать 15.04.19. Формат 60х90/16.

Гарнитура Book Antigua.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 23. Тираж 1000 экз. Заказ № 1182.

АНО «Интелинформ»

Адрес: 160013, г. Вологда, ул. Конева, 8-4

тел. (8-8172) 73-11-99

E-mail: g.sazonow@yandex.ru

БЛАГОДАРНОСТЬ

Выходу книги содействовали:

Константин СИМАКОВ,

*известный благотворитель, депутат трех созывов
Законодательного собрания Вологодской области,
Почётный гражданин Грязовецкого района, Почётный
гражданин Междуреченского района, г. ГРЯЗОВЕЦ.*

Члены «Клуба деловых людей»
Вологодского землячества в г. Москве:

Михаил КОНОПЛЁВ,

директор ООО «МИКОН»,

г. ВОЛОГДА.

Алексей НЕЧАЕВ,

генеральный директор ООО «ЮНИТЕХ»,

г. МОСКВА.

Дмитрий АРХИПОВ,

генеральный директор

ООО «Росгазстройсервис»,

г. ВОЛОГДА.

Евгений КАРПУНИН,

директор ООО «Спецстроймаркет»,

г. ВОЛОГДА.

Дмитрий СОФРОНОВ,

генеральный директор ООО «Торговый Дом

«Цемент»,

г. ВОЛОГДА.

*Автор выражает сердечную признательность благо-
творителям за моральную и материальную поддержку в
работе над книгой.*

Геннадий САЗОНОВ родился в 1950 году в Тверской области, член Союза писателей России, автор более 30 книг поэзии, прозы и публицистики, публиковался во многих журналах и альманахах, лауреат ряда престижных литературных премий и конкурсов.

В Вологде живёт с 1987 года. Почти четверть века поддерживал добрые отношения с великим русским писателем и общественным деятелем Василием Ивановичем Беловым.